

NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE

№3/2017

VOL.2

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

James Smith (University of Birmingham, UK)

Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)

Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)

Sander Svein (University of Tromsø, Norway)

Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)

Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)

Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)

Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)

Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)

Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)

Sander Langfjord (University Hospital, Norway)

Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)

Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)

Sofie Olsen (BioFokus, Norway)

Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)

Lutz Jancke (University of Zurich, Switzerland)

Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)

Chan Jiang (Peking University, China)

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>

CONTENT

ECONOMIC SCIENCES

Yerzhanova S., Romanko E., Mambetova S.
ASSESSMENT OF CURRENT TRENDS OF
DEVELOPMENT OF INVESTMENT ACTIVITY IN
THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN 4

Zhukova O.
VENTURE MORTGAGE COMPANIES:
IDEOLOGY, PRINCIPLES OF ORGANIZATION,
SOCIAL PRODUCTS 7

Osipova E., Danilov A.
METHODICAL RECOMMENDATIONS OF THE
ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF
PARTNERSHIP OF UNIVERSITY SCIENCE AND
THE INDUSTRIAL COMPANIES DURING
CREATION AND COMMERCIALIZATION OF HI-
TECH INNOVATIONS 17

Khasanshin I.
INNOVATIVE PARTNERSHIP OF
GOVERNMENT AND ECONOMIC ACTORS AT
THE REGIONAL LEVEL 24

HISTORICAL SCIENCES

Ivochkin D.
THE CONSTRUCTION OF THE CHURCHES IN
THE DIOCESE OF SMOLENSK IN THE SECOND
HALF OF XIX-BEGINNING OF XX
CENTURIES.....29

Zhansaya Kozhakhan
THE ACHIEVEMENTS OF ARCHAEOLOGICAL
EXCAVATIONS AT THE SAKA (SACA) PERIOD
IN EAST KAZAKHSTAN 37

Nurtayeva Zh.
CITY CULTURE OF THE MEDIEVAL TOWN
SYGANAK IN XI-XVI CENTURIES..... 40

Pahlevanyan K.
THE FIRST WORLD WAR AND THE
MILITARIZATION OF ECONOMY OF SOUTH
CAUCASUS 43

JURISPRUDENCE

Kraskovska A.
COMPARATIVE ANALYSIS OF
COLLABORATIVE FOREST MANAGEMENT
AND FORESTRY LEGISLATION FOR THE
ACHIEVEMENT OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT GOALS IN CENTRAL ASIA 50

Serebrennikova A.
PRINCIPLES OF CRIMINAL OFFENSES
AGAINST THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND
FREEDOMS OF INDIVIDUALS UNDER THE
CRIMINAL CODE OF RUSSIA AND CRIMINAL
LEGISLATION OF GERMANY 56

PEDAGOGICAL SCIENCES

Alekseeva O.V.
CRISIS OF EDUCATION AND TRAINING OF
TEACHERS OF THE PROBLEM 60

Artyukhina A., Velikanova O., Velikanov V.
"FLIPPED LEARNING" AS A PROMISING
TECHNOLOGY FOR TRAINING OF TEACHERS
OF HIGHER SCHOOL 65

Brezhneva H.
ORGANIZATIONAL AND DIDACTIC
COMPONENT OF MODEL OF MATHEMATICAL
DEVELOPMENT OF 3-6 YEARS OLD CHILDREN:
DETAILS OF DESIGNING AND
REALIZATION 67

Zueva L.
PSYCHO-PEDAGOGICAL TECHNIQUE SKILLS
DEVELOPMENT SELF-REGULATION AND THE
PREVENTION OF OCCUPATIONAL STRAIN IN
THE ACTIVITIES OF THE JUDGES 75

Kucher N.
SOME OF THE FEATURES OF PREPARATION
OF FUTURE MUSICOLOGISTS IN THE
COLLEGE OF MUSIC 80

Maltseva L., Pikavtsov A.
ART ITS VALUE AND UNIGUE 82

Melnik Iuliia Vladimirovna
TECHNOLOGIES OF SOCIAL INCLUSION OF
NON-TYPICAL STUDENT INTO EDUCATIONAL
ENVIRONMENT 86

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bekmambetov Z., Aytzhanova G., Turdalieva E.
LANGUAGE AS A MEANS OF STORAGE OF
CULTURAL AND HISTORICAL
INFORMATION.....90

Sadovnikova M.N., Kumpan N.A.
THE REPRESENTATION OF RUSSIA IMAGE IN
THE FRENCH MASS MEDIA: LEXICAL
PRAGMATICAL ASPECT. 96

Lebedinsky S.
PROCESSING OF SCIENTIFIC INFORMATION –
INDIVIDUAL STRATEGIES FOR
UNDERSTANDING ORAL SCIENTIFIC
SPEECH..... 100

Chorna N.
POSTMODERN WORLD PICTURE OF SPANISH-
LANGUAGE DISCOURSE 108

POLITICAL SCIENCES

Vasil'chenko O.
"ELECTORAL PROCESS AS A WAY OF
ENSURING THE EFFICIENCY OF THE
NATIONAL REPRESENTATION IN
UKRAINE" 112

Sychenkova E.
KOLARCTIC CBC PROGRAMME AND CROSS-
BORDER PARTNERSHIP IN THE BARENTS
REGION..... 117

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Nikolskaya A.
NECESSARY AND SUFFICIENT CONDITION OF
HETEROSPECIFIC INTERACTION OF HUMAN
AND PET 121

SOCIAL SCIENCES

Vasilenko L., Vasilenko V.
FRACTAL APPROACH TO THE MANAGEMENT
OF PUBLIC HEALTH IN THE CONTEXT OF
SAFETY CULTURE 129

Dubrovina M. S., Chizhova V. M., Krom I. L.
ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE OF
CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN LEFT
WITHOUT PARENTAL CARE..... 133

ECONOMIC SCIENCES

ASSESSMENT OF CURRENT TRENDS OF DEVELOPMENT OF INVESTMENT ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Yerzhanova S.

Candidate of economic sciences, associated professor of the management department, Karaganda State University named after academician Ye.A. Buketov, Karaganda

Romanko E.

Candidate of economic sciences, associated professor of the management department, Karaganda State University named after academician Ye.A. Buketov, Karaganda

Mambetova S.

Candidate of economic sciences, associated professor of the management department, Karaganda State University named after academician Ye.A. Buketov, Karaganda

Abstract

The article examines the state regulation of the investment process, which is aimed both at encouraging sources of savings in the country, as well as for a wide attraction of foreign capital enterprise. In a difficult economic situation the public-private partnership can become one of instruments of economic development by activation of interaction the state and a business sector, the private investments are attraction in economy, implementation of perspective infrastructure projects.

Keywords: investment, technological development, mineral resources, fuel and energy, metallurgical, oil.

Investment activity takes the important place in development of economy of Kazakhstan, as an exit of domestic economy from crisis first of all is connected with restoration of investment process.

Investment activity is reflected in the corresponding state to politics, which is carried out on the basis of the certain principles, which aren't constant and depend on this or that stage of development in the national economy.

The key problem of new investment policy consists in adapting modern model of investment to specific conditions of Kazakhstan.

In Strategy "Kazakhstan – 2050" - it noted a new political course, that one of the main directions is "creation of favorable investment climate for the purpose of accumulation of economic potential, profitability and return of investments. President of the Republic of Kazakhstan Nazarbayev N. A. noted: "it is necessary to select rigidly objects for investments regarding their expediency and return. It is important to remember, that even the most modern objects become a burden for the budget: if expenses demand on maintenance, but don't bring in incomes and don't solve problems of citizens of the country. Since 2020 we must introduce practice of crediting tax. The main task is stimulation of investment activity of businessmen. We shall attract investors only on delivery conditions to our country of the most modern technologies of production and conversion. Our country shall become the most attractive place in Eurasia for investments and a transfer of technologies. It is essentially important. We shall show to investors of a benefit whom we possess. We shall permit investors to get and use our raw materials only in exchange for creation of the latest productions in the territory of our country [1].

Now the investment market of the Republic of Kazakhstan is provided by the following groups of participants:

- The domestic enterprises on which production base investment projects are implemented;
- Investors - banks and other financial organizations – the Kazakhstan and foreign, performing crediting of the project and settlement between its participants;

Development of Kazakhstan happens according to the classical economic scenario as comparative economic advantage is characterized by availability of large minerals. Intensive development of production and export of raw material resources allowed national economy to overcome crisis.

Progress of development of Kazakhstan economy is that thanks to carrying out state policy on attraction of foreign investments into raw industries and implementation of structural and institutional transformations in the financial and accumulation of the financial resources allow providing transition to post-industrial service – technological development in the long term.

Today it is possible to state that Kazakhstan is acknowledged in the world community as the state with market economy, the country of the first of the CIS countries purchased investment country rating. The World Bank included Kazakhstan in number of 20 countries of the world, the most attractive to investments.

Kazakhstan on richness of the subsoil is included into group of the countries – world leaders. It caused inflow of investments into the country, from 231,5 billion dollars attracted over the last 10 years, more than

132 billion dollars are directed to mining and oil and gas sectors.

Modern development of subsurface use in Kazakhstan is directed to an investment of investments into opening of the new fields providing completion of mineral resources.

It is necessary to create attractive conditions for private investors, reforming the current legislation, to increase public financing of early stages of exploration works, to improve quality of their carrying out with use of the most modern technologies. Now it is developed Code "About a subsoil and subsurface use". Treat conceptual innovations of the document: use of the principle "The first came – the first received", optimization of state regulation, application of the international standards of CRIRSCO, free access to geological information, ensuring functioning of the junior companies and a possibility of attraction of the capital.

It should be noted that the undertaken reforms for the last 3 years allowed to attract a number of the large multinational companies to Kazakhstan, however further working in this direction, requires ensuring public financing of early stages of geological exploration, namely annual allocation of budgetary funds in the amount about 30 billion tenge will allow to increase geological study, to increase a depth of researches and to annually increase resource base.

In the concept of development of the code "About a subsoil and subsurface use" introduction of the principle of the differentiated procedures for granting of the right of subsurface use for sites taking into account their prospects are putting, simplification of procedures for development and the approval of design documents at an investigation stage which will provide inflow of investments and will keep the adequate level of state regulation. Within the code should realization of the 74th and 75th steps the Plan of the nation on which the Ministry of Energy together with the international experts and specialists of the EBRD carries out work on introduction of the international system of standards of the reporting, more clear for foreign investors, under reserves of hydrocarbon raw materials is planned [2].

Nowadays the most of partners and independent experts are sharing opinion that among all CIS countries in Kazakhstan there is an optimum investment climate. In protection of this thesis the following arguments are adduced:

Firstly, Kazakhstan has favorable the geopolitical position providing to investors the consumer market honor in half a billion people (Central Asia, China, Russia). Besides, within the created Customs Union the market with a capacity of 170 million people was open for Kazakhstan, Russia and Belarus. And this circumstance creates great opportunities and prospects for the foreign companies.

Secondly, a considerable role is played by existence of rich mineral resources. Today the Republic of Kazakhstan on the 9th place in the world on oil reserves, on the 8th - on reserves of coal and molybdenum, on the 5th - on reserves of iron ore, on the 3rd - on zinc reserves, on the 2nd - on uranium reserves, on the 1st place - on chrome reserves.

Thirdly, an important role is playing by the business climate of the country supported favorable to investment legislations, attractive measures of support the investments, and also economical and political stability. The system of measures and programs should to support of business reflected in four comprehensive programs are developed: "The investor – 2020", "Productivity-2020", "Export-2020" and "The road map of business – 2020". Various instruments of stimulation are provided in these documents: from representation of service support by the exporter and investor before support by financial and fiscal measures.

The republic will ready to offer the foreign investors realizing projects in priority branches of economy, the full range of investment will support is a participation in authorized capital, providing loan financing, leasing, use of opportunities of Free Economic Zones, use of investment preferences, analytical providing, export support.

Today's structure the participation of the countries investors in economy of Kazakhstan looks so: The Netherlands – 25,6 billion dollars (21,6% of the total amount of investments), the USA – 20,2 billion dollars (17,1%), Great Britain – 9,8 billion dollars (8,3%), France – 6,6 billion dollars (5,6%), Italy – 5 billion dollars (4,2%). Now for diversification of sources of investments are considered the alternative countries – the UAE, Turkey, South Korea and others. Operation on attraction to Kazakhstan of alternative instruments of financing, and also with the foreign companies concerning their attraction is conducted in non-oil branches the economy of Kazakhstan [3].

In Kazakhstan foreign investors distinguished the following from favorable factors:

1. Access to natural resources that is connected first of all, from the beginning of development of huge natural resources (oil and gas, non-ferrous and rare metals are estimated at 9 trillion US dollars). By estimates of experts, oil stocks of Kazakhstan surpass joint stocks of Iraq and Iran. Therefore, in the near future Kazakhstan can turn into the leading oil power with annual export to 100 million tons.

2. A favorable geostrategic arrangement of the republic as the Central Asian transport intersection providing entry into the states with the population.

At the present stage of development of Kazakhstan by one of the important directions there is a development and realization of investment policy of the state, aimed at ensuring efficiency of economy. For the solution of this task, and also for ensuring structural transformations of economy on the basis of the action program of the government on deepening of reforms and in the conditions of limitation of internal sources of financing extremely important value gets attraction of the foreign capital in republic economy. Attraction and effective are using of foreign investments in economy of the Republic is a basis of mutually beneficial economic cooperation of Kazakhstan with foreign countries.

Investments should act only as real recovery from the crisis, transition to economics stability and rise today. Understanding of the investment process caused

last steps undertaken by the president and the Government for the last steps on activation in the republic.

Now it is absolutely clear that import of the international investments represents one of the most effective and fastest ways of revival of investment process in the republic. It is caused by insufficiency of means for carrying out structural and investment policy in the priority directions, such as fuel and energy, metallurgical, oil-extracting and oil-processing, gold mining, transport and communications; saturation of the domestic market by goods national uses and food.

For today the necessary economical environment and system are generally created of guarantees for attraction of the foreign equity in the republic.

A key factor of appeal to investors should become macroeconomic, social and political stability of Kazakhstan while according to two last reports low costs for compensation and possibilities of performance improvement were the most attractive criteria. In this year. The specified changing in representation of investors can be connected with instability of global economy partially. General uncertainty dictates to investors' need of the choice the rather stable countries from the point of view of business growth – such as Kazakhstan. Among the main benefits of Kazakhstan investors, as before, its call richest natural resources. Besides, they note availability in the country of a number of the knowledge-intensive industries with a high value added which are perspective in respect of investment.

The government of Kazakhstan still aims to reduce dependence on the extracting industry due to development of more balanced and high-technology economy, favorable for investors. The government continues implementation of the reforms directed to increase in competitiveness and performance of priority industries, such as agricultural industry and conversion of agricultural products, a construction and production of building materials, oil processing, metallurgical industry, chemical and pharmaceutical industries, transport, automotive industry, telecommunications; biotechnologies, alternative power engineering.

The conducting research revealed essential distinctions in perception of Kazakhstan as an object for investments between potential investors and those who already work in the country. The last have more complete information on business conditions in Kazakhstan and are interested in consideration of padding opportunities in the market. The country needs to take actions directed to increase in awareness of potential investors, the majority of whom do not regard Kazakhstan as the direction for investment, or have no a comprehension of its competitive advantages, knowledge of regions or branches which give opportunities for body height [4].

It is important, that the Government of the Republic of Kazakhstan continued to inform world community on the capacity of the country. During this difficult period of development of global economy it is necessary to light actions of Kazakhstan, which are directed to creation of the steady environment, in value added stimulating increase, also development of the business culture, favorable for innovations and growth.

Now in Kazakhstan about 10 thousand companies already work with participation of the foreign equity,

including the companies entering the Fortune-500 list (Alcatel-Lucent, Alstom, Areva, Vikat, Danon (France), Augusta Westland, Italcementi (Italy), GE (USA)).

For the purpose of protection rights of investors the multi-level system should development of direct dialogue the state with investors – including Council of foreign investors in case of the President of Kazakhstan, Council for improvement of the investment climate in case of the Prime minister – the Minister of RK, the special working body under the chairmanship of the deputy prime minister operating by the principle of the investment ombudsman is created.

In Kazakhstan is created favorable investment climate, the National plan is accepted for investment attraction. The national legal system and international legal base are enhanced constantly; the packet of investment extends preferences.

In the Law RK "About Investments", the following guarantees of the rights of investors – a guarantee of legal protection, a guarantee using of the income, a guarantee using of the income, of the rights guarantee in case the investors of nationalization and requisition (it is allowed only in exceptional cases) [5].

At the national level is adopted and implemented the Program for investment attraction, development of special economic zones. For job evaluation on investment attraction, by the Program were fixed target indicators for all state machinery, from diplomatic representations and the central state agencies to local council. Thus, the system is built in which each ambassador, the minister and the council shall be responsible for attraction of foreign investments. The 20 priority countries are determined investor, with which are built profound economic cooperation in the field of implementation of investment projects and to a transfer of the latest technologies.

In the diplomatic representations of RK in a number of the countries (Uzbekistan, Ukraine, Russia, China, Germany, France) is provided entering of positions of advisers concerning investments, technologies and trade from number of persons employed of the ministries of the economic block (MINT, MEBP).

With investment attraction to Kazakhstan should help in the conditions of crisis and to Kazakhstan should become a financial hub the international financial center called by "Astana". In a basis of the center are not underlain only the principles of an English law, but also standards of the leading world centers. Creation of this center in Astana – the key moment of understanding the process happening around Kazakhstan. The financial center "Astana", which is actually reproducing the Dubai financial center, institute for attraction is powerful of long-term investments on development of infrastructure and other strategic projects in all Eurasian territory, not only for Kazakhstan, but also for Russia.

The reducing the income of budgets of all levels, which resulted from crisis leads to closing of investment projects that, first of all affects development of infrastructure of Kazakhstan. In this regard the mechanism of public-private partnership, which can provide financing of capital-intensive long-term projects, non-

budgetary sources is attracting particular of importance.

Today Kazakhstan left to number 50 the most competitive countries in the world. In the country is created the favorable investment climate, the National plan is accepted for investment attraction, the simplified works tax regime. In the updated rating of the World Bank of "Doing Business 2014" the country is in the 50th place: on the Investor protection indicator of the Global index of competitiveness takes the 10th place the second year among 185 countries of the world.

Benefit of the Republic of Kazakhstan should treat an advantageous geographical location near quickly growing markets of China, Russia, India key competitors. Besides, through Kazakhstan routes connecting there pass the main transcontinental the Pacific Rim to Europe and the Middle East. An important role is played by integration processes within the Customs union, which the single goods opened market with total GDP about 2 trillion US dollars and with the population

about 170 million people, that new opportunities created for investors and entrepreneurs of our countries [6].

References:

1. "A new political policy taken place of the state" Strategy "Kazakhstan-2050". www.akorda.kz
2. works.dok/ad.ru/view/vrv12/dn6mv/html
3. Raimbekov B. H., Zhalgasbekova Zh. M. "External investments – the most important strategic task of Kazakhstan" - materials of the International scientific and practical conference. "New economic basis of sustainable development regions". Page 221-223.
4. www.mfa.kz/index/ppp/ru-news. About the investment climate of RK.
5. The law "About investments! On January 28, 2003 No. 373-2 C changes and additions as of 31.10.2015.
6. www.mfa.kz/images/nlock-in-main/invest. EV methodology in Kazakhstan.

ВЕНЧУРНЫЕ ИПОТЕЧНЫЕ КОМПАНИИ: ИДЕОЛОГИЯ, ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОДУКТЫ

Жукова О. В.

Кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры Менеджмента и экономики спорта имени В.В. Кузина, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК), г. Москва.

VENTURE MORTGAGE COMPANIES: IDEOLOGY, PRINCIPLES OF ORGANIZATION, SOCIAL PRODUCTS

Zhukova O.

Candidate of economic Sciences, senior lecturer of the Department of Management and Economics of sports named after V. V. Kuzin, Russian state University of physical culture, sport, youth and tourism (gtsolifk), Moscow

Аннотация

Модель открытых инноваций подразумевает, что компании для улучшения процесса создания инноваций должны использовать как внутренние, так и внешние источники, а внутренние идеи могут быть выведены на рынок для получения дополнительной прибыли. К таковым автор относит Венчурные ипотечные ассоциации и компании (модель ВИАС-ВИК).

Abstract

The model of open innovation means that the company to improve the process of innovation need to use both internal and external sources and internal ideas can be brought on the market for more profit. To those the author considers Venture Association and mortgage companies (VIAS-model VIC).

Ключевые слова: ипотека, открытые инвестиции, краудинвестинговая платформа, венчурные компании, социальный ипотечный продукт.

Keywords: mortgage, open investment kraudininvestingovaya platform, venture capital firms, the social mortgage product.

Тема исследований автора – «Формирование механизмов доступности жилья для социально-значимых категорий граждан». В этой связи наиболее значимым является предложение рассматривать в качестве объектов исследования «социально-значимые категории граждан» для государства и общества.

Предмет исследований – «Социальный ипотечный продукт», не в плане результата инноваци-

онной деятельности предприятий, а как единой организации, предоставляющая современные услуги в жилищной сфере для социальной категории граждан.

Цель исследования – предложить рынку социальных жилищных услуг способы формирования механизмов доступности жилья для социально-значимых категорий граждан на базе «открытых инноваций».

К таковым автор относит Венчурные ипотечные компании и ассоциации (модель ВИАС-ВИК).

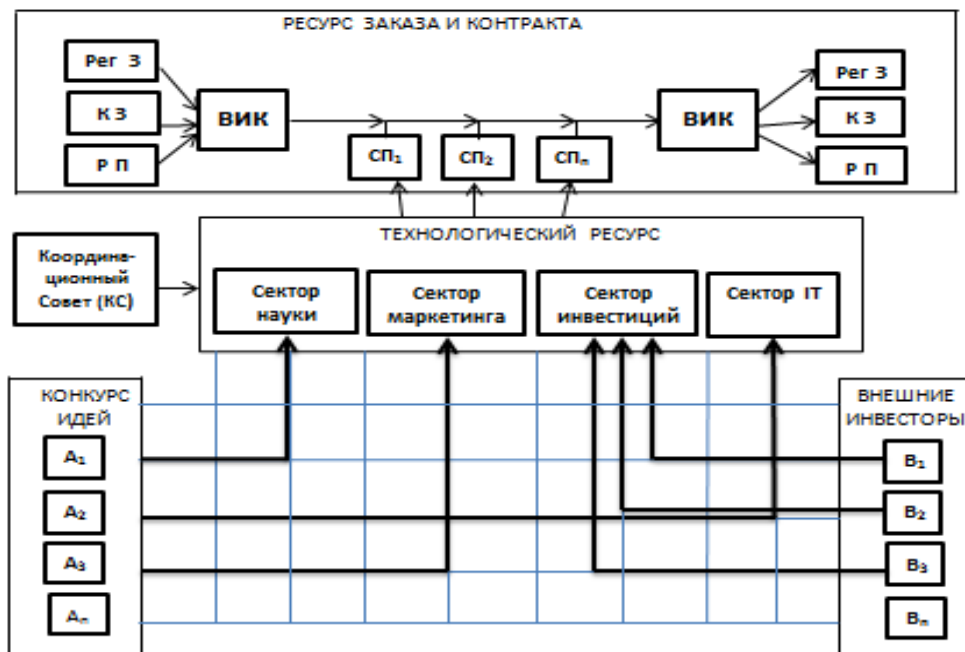

Рис.1 Функциональная схема организации ВИАС-ВИК

Источник: разработано автором.

ВИАС – венчурная ипотечная ассоциация, некоммерческая организация; ВИК – коммерческая компания (ООО «ВИК»), «дочерняя» компания ВИАС; Координационный совет – орган коллегиального руководства ассоциации; РегП – региональный проект; КЗ – корпоративный заказ; РП – рыночный продукт;

Р1; Р2...Рn – социальные продукты;

А, Б, В... N – кандидаты в ассоциированные члены (конкурс идей);

Технологический ресурс – сектора: науки, ИТ, инвестиций и маркетинга.

ВИАС - некоммерческая организация, экономическая бизнес-модель которой является инкубатором «социальных ипотечных продуктов», а те, в свою очередь, путём их насыщения технологическим ресурсом обретают форму «стартапов». На финальной стадии коммерческая компания ООО «ВИК» - «дочерняя» структура ВИАС - через рыночный ресурс «заказа и контракта» выводит на рынок жилищных услуг компании «СИП», обеспеченные результатами НИОКР, экономическими обоснованиями, инвестициями, ИТ-технологиями, маркетинговыми программами, как готовая инновация, и как товар для предпринимательских структур.

Коммерциализация рыночных инноваций – это один из путей их внедрения и, очевидно, является одним из важнейших условий развития инновационной экономики. Этот процесс подразумевает наличие нелинейных связей между инструментами инновационного маркетинга: собственно разработкой рыночной инновации, проведение маркетинговых исследований, сегментацией рынка инноваций,

позиционированием и управлением её жизненным циклом. Причём, наиболее важным является разработка механизмов реализации и методов продвижения инновационного продукта на рынок услуг, к потребителю.

Процесс коммерциализации является сложным в финансовом, управленческом и правовом обеспечении инноваций. По мнению автора для решения основных проблем необходимо создание профессиональных сервисных компаний венчурного рынка, которые оказывали бы маркетинговые услуги по развитию инновационных бизнес-проектов, а также поиска сфер взаимодействия бизнеса и государства на основе кооперации в рамках частно-государственного партнёрства. В некотором роде венчурная сервисная компания это «инкубатор» идей, которые она превращает в «стартапы» и поставляет их на рынок услуг. Эти компании должны быть связующим звеном между научным и предпринимательским сообществом. Об этом глава государства В.В. Путин на заседании Совета по науке и образованию, прошедшем 21 января 2016 года, сказал следующее:

"Ключевой принцип реализации стратегии научно-технологического развития - это тесное взаимодействие науки, образования, бизнеса и государства, их общая ответственность за практические результаты».

Президент России предложил до конца 2016 года сформировать специальные советы по ключевым направлениям взаимодействия науки, образования, бизнеса и государства. Он поручил в их состав включить представителей ведущих научных организаций и вузов, РАН, компаний с государственным участием. При этом он подчеркнул, что

принципиально важно привлечь к работе представителей частного бизнеса, особенно малые и средние инновационные компании.

«Прошу правительство совместно с Российской Академией наук до конца 2016 года сформировать такие площадки и выработать четкие, понятные механизмы их деятельности, которые позволят быстро выходить на конкретные решения и добиваться поставленных целей».

По сути, такие площадки и есть венчурные компании, в которых так нуждается бизнес. В то же время такие подходы в государственном масштабе позволят ускорить создание механизмов реализации инновационных проектов.

Ученые должны научиться продавать свою интеллектуальную собственность, а значит должна быть конкуренция идей. Безусловно, крупный бизнес заинтересован в сохранении молодых и образованных кадров, а, следовательно, так называемая «отраслевая жилищная ипотека», получит предложения уже в масштабах государства. Бизнес будет вкладывать деньги в человеческий капитал.

Профессиональные сервисные компании венчурного рынка РФ должны создать площадку, на которой будут внедрять свои идеи учёные, вкладывать деньги в проекты инвесторы, и в результате формировать комплексное обеспеченное предложение для внедрения предпринимателям.

Венчурная ипотечная ассоциация (ВИАС) – объединение юридических и физических лиц по профессиональному принципу, делегирование членами ассоциации части своих полномочий, касающихся жилищной ипотечной сферы услуг (инвестиции, IT-технологии, научно-исследовательские разработки, маркетинговые технологии спроса и предложений, архитектурно-строительные проекты и др.).

ВИАС – некоммерческая организация, решающая коммерческие вопросы путём их делегирования дочерней коммерческой организации или иной, в уставном капитале которой есть акции или доли, принадлежащие ассоциации. Субсидиарная ответственность её членов за деятельность ассоциации пропорционально своим взносам, в том числе 2 года после выхода из состава ассоциированных членов.

ВИАС – это организованный рынок идей, практическую реализацию которых берёт на себя ассоциация. В отдельных случаях ВИАС может покупать идеи и реализовывать их уже от своего имени. Добровольный принцип участия позволяет ассоциации создать широкий доступ к организации ассоциативных членов (физических и юридических лиц), не связанных с ассоциацией корпоративными обязательствами.

ВИАС, как правило, не является основным источником доходов, но работает на приём любых рыночных предложений, как в сфере ипотечных жилищных услуг, так и в целом в сфере жилищного строительства.

Конкуренция идей позволит создать нужный ресурс для формирования рыночных механизмов доступности жилья для широких слоёв молодых,

креативных, амбициозных молодых людей, а по сути образованного профессионального резерва государства, его человеческого капитала.

ВИАС – это возрождающийся рынок: рационализаторских предложений, научно-исследовательских работ (НИР), IT-программ, технологий, маркетинговых ходов, информационных методов продвижения продукта на рынок и других инструментов и методов продвижения инновационных решений.

Ассоциативный тип отношений является главным регулятором рыночной экономики. Свободный рынок основан на необязательном типе связи между людьми, подразумевающим свободу выбора партнера, способов и методов реализации новации, в том числе и самореализации.

Новизна, которую здесь совершает институциональная экономика, состоит не в том, что ассоциация соответствует рыночной экономике, а в том, что сама нынешняя рыночная экономика, наполненная корпоративными и общинными организациями, не свободна выбирать.

Работник, как, впрочем, и коммерческая фирма могут продать или реализовать на принципах ассоциации проекты, не поддержанные инвесторами, а в отдельных случаях, - и учредителями, сохранив при этом рабочее место и корпоративные принципы организации. В проекте «ВИАС», как ни в каком другом, каждый из ассоциированных членов может получить желаемое.

Профессиональное взаимодействие на основе одной, общей для всех, теме исследования и практического внедрения, путём свободной продажи готовых «стартапов», обеспеченных горизонтальными и вертикальными связями и поддержанными инвесторами – залог появления на рынке жилья и ипотечных программ достаточное количество предпринимательских структур, основным конкурентным преимуществом которых перед потребителем будет выбор доступных по цене квартир и услуг.

Целью ВИАС является координация предпринимательской деятельности в сфере предоставления жилищных ипотечных услуг, и членами такой ассоциации могут быть юридические лица и физические лица, являющиеся индивидуальными предпринимателями.

К инновациям в классическом определении можно относить как непосредственно созданные фирмой продукты, процессы, методы маркетинга и организации, так и заимствованные у других организаций.

К этому определению автор добавляет: *...а также в организационном плане создание специализированных предприятий для бизнеса, как уже готовые к работе «стартапы», имеющие признаки инноваций.*

Сегодня модель закрытых инноваций переживает своего рода трансформацию, которая обусловлена появлением и прогрессированием факторов, разрушающих логику модели закрытых инноваций.

К таким факторам можно отнести: рост частного венчурного капитала; рост конкуренции; усиление роли университетов, как центров создания

инноваций; повышение степени распространенности знаний.

Среди таких признаков в данной работе можно выделить:

- А. Характер результата – СОЦИАЛЬНЫЙ;
 - Б. Цель осуществления инновации – РАЗВИТИЕ РЫНКА СОЦИАЛЬНЫХ ЖИЛИЩНЫХ УСЛУГ;
 - В. Уровень новизны для рынка – ОЖИДАЕМОЕ СОБЫТИЕ;
 - Г. Степень радикальности – ТОЧЕЧНО;
 - Д. Источник идеи инновации – ВНЕШНИЙ.
- В связи с чем, автор даёт следующее определение:

Социальный продукт – это давно ожидаемый рынком продукт инноваций, нацеленный на его развитие, полученный путём точечных изменений в

организации процесса предоставления услуг путём кооперации смежных сфер деятельности, основанного на государственно-частном партнёрстве.

«Социальный ипотечный продукт» был положен автором, как искомая составляющая исследования с заданными характеристиками механизма получения доступного жилья на рынке социальных жилищных услуг. Однако, был выбран метод не совершенствования самого продукта, а метод более расширенного толкования понятия с последующими организационными изменениями. «Социальный продукт» мною уже рассматривался как организация, предоставляющая современные услуги в жилищной сфере для социальной категории граждан.

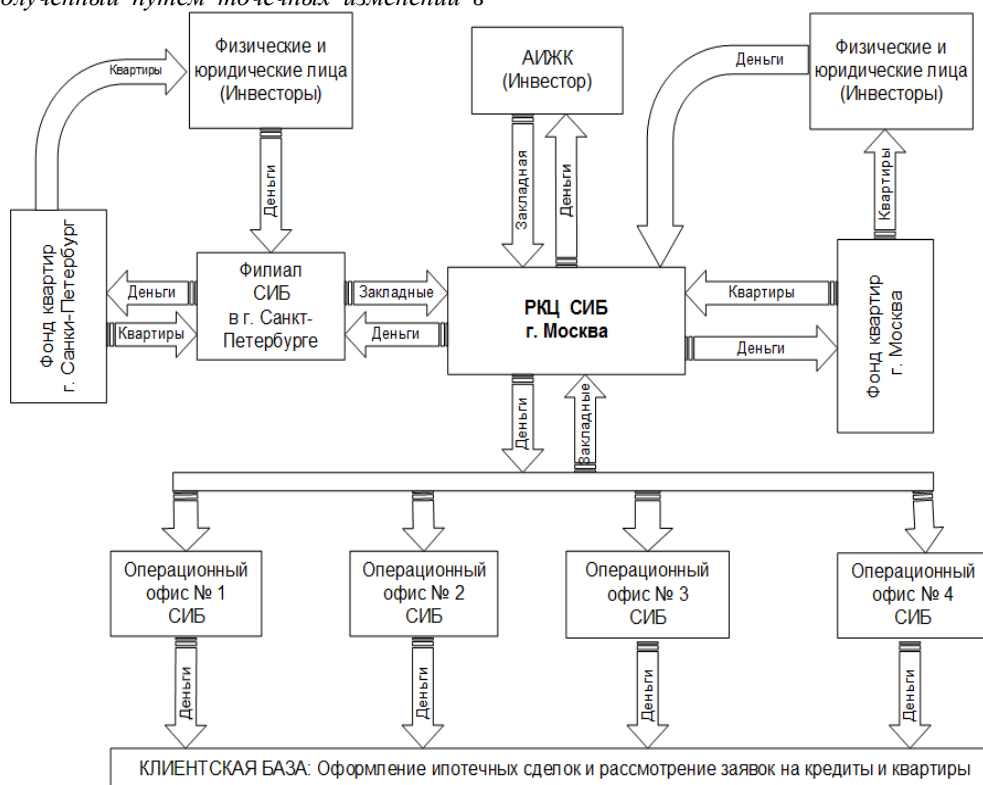

Рис.2 Принципиальная схема организации и управления СИП

Источник: разработано автором.

Компания «СИБ» как центральная компания холдинга ИСУИК;

РКЦ – расчётно-кассовый центр;

УФО –управления фондами квартир;

СТРОЙСБЕРКАССА-дополнительный операционный офис;

ФИЛИАЛ СИП по Санкт-Петербургу;

Инвесторы – физические и юридические лица.

Экономические расчёты эффективности инвестиций в данное предприятие, в абсолютных значениях, в текущей стоимости (эффективность текущей деятельности предприятия):

$$NPV = \sum_{t=1}^n \frac{CF_t}{(1+r)^t} - \sum_{t=0}^n S_2 \frac{I_t}{(1+r)^t} \quad (1)$$

где NPV - чистая текущая стоимость;
 CF_t - приток денежных средств в период t ;

I_t - сумма инвестиций (затраты) в t -ом периоде;

r - барьерная ставка (ставка дисконтирования);

n - суммарное число периодов (интервалов, шагов) $t = 1, 2, \dots, n$ (или

время действия инвестиции

Или:

$$NPV = PV - I_0 \quad (2)$$

В данном случае классическую формулу расчётов чистого дисконтированного дохода (современной стоимости проекта или предприятия) мы приводим к определению эффективности деятельности ООО «СИП» через допущения – постоянные и переменные величины.

CF – приток денежных средств, доходов в n -период, т.е. сумма комиссионных поступлений от АИЖК из расчёта $K=5\%$ от реинвестированной суммы займа (кредита) после поставки (продажи)

закладной, которая зависит от количества сделок (в руб.) по договорам займа (кредита) на приведённую сумму 5 млн. руб. каждый.

Коэффициент r - барьерная ставка, т.е. она учитывает возможности компании привлекать оборотные средства под r -ставку дисконтирования – она же соответствует цене денег (депозитов, займов, кредитов). В качестве той, которую мы можем использовать в приведённых расчётах, – это среднеарифметическая величина годовой депозитной ставки привлечения денег от физических и юридических лиц, и процентную ставку банковского кредита: $r = 0,14$.

В приведённых значениях можно ориентироваться на следующие плановые показатели:

Годовой бюджет центральной компании холдинга - «СИП» по Москве – 1200 тыс. руб. или 5760 ипотечных сделок

Годовой бюджет филиала – 300 млн. руб., что соответствует – 1440 ипотечных сделок по Санкт-Петербургу.

Годовой бюджет каждого (всего 12) операционного офиса 100 млн. руб. по числу потенциальных ипотечных сделок в один месяц – 40 (два пула по двадцать сделок).

Финансовые результаты СИП за период – один год.

Оборотные средства – 1,5 млрд. руб.

Рефинансировано 7200 сделок компании - 36 млрд. рублей.

Комиссионные вознаграждения компании - 1,8 млрд. руб.

$NPV = PV - I_0 = 1579 - 1500 = 79$ (тыс. руб.), т.е. > 0

$IRR = 0,2$

Выводы:

1. Предприятие ООО «СИП», созданное под проект в качестве первичного кредитора и поставщика закладных для АИЖК имеет право на деловую активность, так как $NPV > 0$ и $IRR = 0,2$.

2. Прибыльность предприятия зависит от привлечения «длинных» и «коротких» инвестиций (кредитов, депозитов) от юридических и физических лиц с периодом $n > 1$ (года).

3. Основным функциональным звеном ООО «СИП» будет являться операционный офис (дополнительный офис) СТРОЙСБЕРКАССА с циклом реализации $t > 1$, но не менее 2.

4. Предприятие ООО «СИП», как *региональный продукт (RegП)* для субъектов Федерации, может иметь любое количество СТРОЙСБЕРКАСС, но при этом каждая из них является самостоятельным звеном с ежемесячным оборотом:

- для г. Москва – 150 млн. руб.;
- для Московской области и г. Санкт-Петербург – 100 млн. руб.
- для регионов РФ – 60 млн. руб.

5. ООО «СИП» с той же структурой организации может быть востребован как *корпоративный продукт (КП)* для госкорпораций и предприятий крупного и среднего бизнеса отраслевого звена в интересах сотрудников предприятий.

6. ООО «СИП», как *рыночный продукт (РП)* может быть востребован малым и среднем бизнесом даже при наличии в структуре только одного операционного офиса – СТРОЙСБЕРКАССЫ.

И в этом контексте «социальную категорию граждан» - объект исследования - пришлось разделить на две категории «социально-незащищённые» и «социально-значимые», дав определение последним, как субъектам социально-экономических отношений в сфере обеспечения доступным жильем.

Этому определению способствовало и вступившее в силу закона Постановление Правительства Российской Федерации «О некоторых вопросах реализации Федерального закона «О содействии развитию жилищного строительства» №1099 от 25.10.2012г., в части обеспечения права отдельных категорий граждан на приобретение жилья экономического класса, *согласно которому впервые, наряду с категорией граждан, нуждающихся в государственной поддержке, были отнесены граждане, составляющие человеческий капитал государства: учёные, спортсмены и работники культуры.*

Так автором было ведено в научную практику понятие «социально-значимые категории граждан», как субъекты, формирующие собой человеческий капитал общества, имеющие в силу своих профессиональных качеств и навыков отношение к его воспроизводству. Среди них он выделяет три группы - учёные, спортсмены и люди творческих профессий. Именно они способны не только составить собой человеческий капитал государства, но и воспроизводить его, передавая свои профессиональные качества и навыки по обучению и поддержке научной мысли, его физического здоровья и культуры.

Работники оборонно-промышленного комплекса и чиновники регионального и федерального звена также имеют право на льготы при получении жилья. Их можно выделить в разряд специалистов, которые работают на контрактной основе и к человеческому капиталу государства не относят, так как они востребованы в масштабах предприятия или отрасли, а чиновники – не являются носителем какой либо профессии.

В то же время в мире идёт борьба за технологии и их носителей, которые способны обеспечить экономический рост, отсюда непреходящая роль научных сотрудников ведущих НИИ и ВУЗов по подготовке специалистов приоритетных для государства профессий. Без научно-исследовательских работ в ведущих областях народного хозяйства не будет конкуренции идей - основу технического прогресса.

Швейцарский исследователь М. Бюшер отмечал, что *философская задача состоит в том, чтобы выделить нормативные и социальные основы экономическо-хозяйственных процессов, учитывая определяющую роль культуры, её ценностей и принципов.*

Спортсмены создают престиж государства на мировом уровне, влияют на рейтинг страны. Развитие спорта всегда было индикатором развития

страны. Физическая культура – непременно важна для поддержания здоровья нации. Человеческий капитал конечен только по принципу физического здоровья и продолжительности жизни, показатели которых находятся в прямой зависимости от показателей человеческого капитала государства. Работники культуры, люди творческих профессий – это носители кода государственности и именно культура определяет целостность и национальную гордость того или иного народа. Без культуры – это была бы только территория, но именно народности, носители культуры, населяющие территорию в границах государства, определяют его признаки.

Обосновано, что к доступному, для социально-значимых категорий граждан следует отнести жильё экономического класса, при условии доступности по цене ипотечных займов (кредитов), объектов недвижимости и тарифов на оплату соответствующих жилищных и коммунальных услуг.

Модель открытых инноваций подразумевает, что компании для улучшения процесса создания инноваций должны использовать как внутренние, так и внешние источники, а внутренние идеи могут быть выведены на рынок для получения дополнительной прибыли. В то же время, «Функциональную схему организации ВИАС-ВИК» можно презентовать и как краудинвестинговую платформу¹, при этом инвестор может выбирать тот «стартап», в который он готов финансировать под долю в уставном капитале компании-инициатора. Однако более распространённая схема, когда инвестор больше полагается на специалистов, разместивших его деньги в перспективный проект. По сути краудинвестинговая платформа – есть «биржевая спарка» для малого бизнеса, продвижения идей и инвестиций. Бизнес-модель ВИАС-ВИК может быть универсальной и для формирования предприятий-стартапов и для любого другого бизнеса.

Венчурная ипотечная ассоциация (ВИАС) – объединение юридических и физических лиц по профессиональному признаку, делегирование членами ассоциации части своих полномочий, касающихся жилищной ипотечной сферы услуг Координационному Совету.

Конкуренция идей, в рамках бизнес-модели ВИАС-ВИК, позволит создать нужный ресурс для формирования рыночных механизмов доступности жилья для социально-значимых категорий граждан, являющихся основой человеческого капитала государства.

Заказчиками ВИАС – ВИК могут быть не только внешние потребители систем организации, но и активные функционалы рынка услуг (Внутренний венчурный фонд, IT-компании и др.), стимулирующие внутреннее развитие систем, оптимизирующие (сокращающие) накладные расходы, и как следствие – удешевляющие социальные продукты.

Направление дальнейшего исследования – это венчурные ипотечные ассоциации: их структура, организация работы, эффективность и их влияние на рынок доступного жилья. Предложения, изложенные в данной исследовательской работе, могут найти свое практическое применение в качестве «пилотных» проектов данных ассоциаций.

Заслуживает внимания Переход от бизнес-идеи к реализации. Это своего рода методика работы в данной области предпринимателей, потребителей инновационных организационных систем хозяйствования «Социальный ипотечный продукт».

1. Начальная стадия (start-up stage) – создание бизнеса и переход к полноценному функционированию (до 3 лет от начала проекта)

Рис. 3. Начальная стадия

Источник: разработано автором

¹ Краудинвестинг (КИ), как разновидность акционерного краудфантинга, наиболее привлекателен для нетехнологических предприятий, которым необходимы небольшие инвестиции для запуска или расширения бизнеса, но при этом они не интересны венчурным фондам и бизнес-ангелам, специализирующимся на инвестициях в IT-проекты. КИ – это когда инвесторы получают долю в акционерном капитале компании и делят риск потери вложений с инициатором проекта. Краудинвестинг является

альтернативным финансовым инструментом для финансирования новых предприятий, не имеющих достаточной кредитной истории или убедительного бизнес-плана для банка. Основным препятствием для расширения рынка краудинвестинга являются законодательные ограничения, допускающие на площадки только аккредитованных инвесторов.

Условные обозначения:

СИП – компания «Социальный ипотечный продукт» (рыночный продукт);

РКЦ – расчетно-кассовый центр (или АИЖК);

ВИ_д – внешние инвесторы долгосрочного кредитования;

ВИ_к – внешние инвесторы краткосрочного кредитования;

Застройщик – строительная компания;

ИЗ – ипотечный заемщик.

1.1. СИП производит инвестирование денежных средств на три года в строительство жилого дома (домов), в качестве примера на сумму 100 млн. руб., т.е. на 100% обеспечивает средствами строительное производство. Данные заёмные средства внешнего инвестора на три года максимально под 24% годовых («длинные деньги»).

Вывод: Вкладывая «длинные деньги» в строительное производство СИП *планирует* получить для собственного фонда квартир жилые помещения по цене ниже рыночной в целях извлечения дополнительной прибыли и получения возможности реализовывать их ипотечным потребителям социальных жилищных услуг по цене на 20% ниже рыночной.

1.2. Внешний инвестор производит инвестирование денежных средств в СИП на один месяц с изъятием процентов («короткие деньги») и пролонгацией срока инвестиции на сумму 100 млн. руб. под 36% годовых. Планируется, что за один месяц будет реинvestировано два пула по 25 закладных.

Запишем финансовый поток:

$$CF = \{(t_0, C_0), (t_1, C_1), (t_2, C_2), \dots, (t_n, C_n)\}$$

$$CF = \{(0; -100), (1, 105), (2, 105)\}$$

где (0; -100) – вложение инвестиций, 100 млн. руб.;

(1; 105) – реинvestированная сумма от АИЖК первого транша в размере 100 млн. руб. и сумма вознаграждений 5%;

(2, 105) – реинvestированная сумма от АИЖК второго транша в размере 100 млн. руб. и сумма вознаграждений 5%.

Рассчитаем средний срок финансового потока:

$$t = \frac{C_0 t_0 + C_1 t_1 + C_2 t_2}{C_0 + C_1 + C_2} = \frac{-100 \cdot 0 + 1 \cdot 105 + 2 \cdot 105}{-100 + 105 + 105} = \frac{315}{110} = 2,86,$$

т.к. период составляет 10 дней, то срок финансового потока составит 29 дней.

Рассчитаем денежные средства, которые необходимо вернуть инвестору по истечении 1 месяца:

$$S_n = S_0 (1 + r)^n = 100 (1 + 0,36)^{1/12} = 102,5 \text{ (млн. руб.)}$$

Итого, доход СИП за 1 месяц составит размер комиссионного вознаграждения от АИЖК за две поставки пула закладных и реинvestирования 100 млн. руб.:

$$S = 110 - 102,5 = 7,5 \text{ (млн. руб.)},$$

где 102,5 млн. руб. – сумма возврата инвестиции с установленным процентом;

110 млн. руб. – реинvestированная сумма и вознаграждение АИЖК за две поставки пула закладных (5x2)%;

В качестве примера частные инвестиции («короткие деньги») со сроком один месяц и 36% годовых) были взяты потому, что на сегодня физические лица активно вкладывают деньги в развитие высокотехнологичных производств, доходность которых превышает 180% годовых. Экономические расчёты показывают, что этот бизнес (компания «СИП» – первичный кредитор и поставщик закладных в АИЖК) можно отнести к разряду высокодоходных предприятий, следовательно, обеспечение социально-значимых категорий граждан доступным жильём может заинтересовать предпринимательское сообщество.

Вывод: Выведение на рынок «Социальных ипотечных продуктов» будет оправдано: для предпринимателей – это высокодоходное производство, для потребителей социальных жилищных услуг – это возможность получить доступное жильё.

2. Стадия роста (expansion stage)- полноценная реализация бизнес-модели (от 3 до 5 лет от начала проекта).

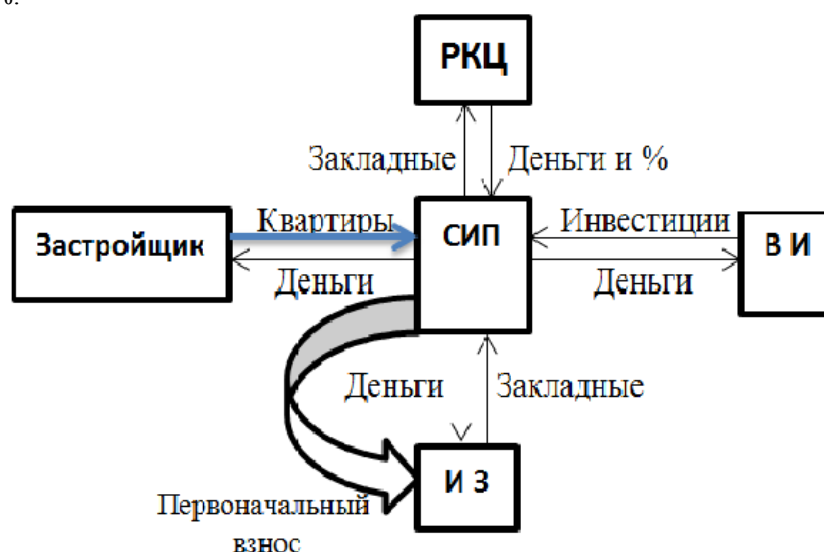

Рис. 4. Стадия роста.

Источник: разработано автором.

2.1. После окончания строительства Застройщик рассчитывается с СИП квартирами (кв. м. общей жилой площади), что составит при этом, рыночная стоимость введенного в эксплуатацию жилого дома увеличивается до 300 млн. руб. Согласно Программе ЖРС, стоимость нового жилья должна составлять 80% от рыночной. Таким образом, с учетом дисконтирования, СИП получает в нашем примере 240 млн. руб.

Средняя стоимость одного кв. м. общей площади по России в 2015 г. составила 39 128 руб. В качестве результата инвестиционной деятельности, на 100 млн. руб. будет построено 2 556 кв. м. при равной пропорции 1-комнатных квартир, площадью 40 кв. м. – 33%; 2-комнатных квартир, площадью 60 кв. м. – 33%; 3-комнатных квартир 80 кв. м. – 33%. Ориентировочно это составит 42 квартиры.

Рассчитаем денежные средства, которые необходимо вернуть инвестору по формуле сложных процентов:

$S_n = S_0 (1 + r)^n = 100 (1 + 0,24)^3 = 190,76$ (млн. руб.)

Далее определяем коэффициент окупаемости инвестиций (*ROI – rate of return*) - рентабельность:

$ROI = \frac{\text{Полученная прибыль}}{S_n} = \frac{-190,76 + 240}{190,76} \cdot 100\% = 20\%.$

После получения удовлетворяющего СИП и внешних инвесторов долгосрочного кредитования результата, в виде получения квартир и расчетов с ВИ_д, продолжится дополнительный приток инвестиций и вложение в жилищное строительство.

Вывод: При инвестировании 100 млн. руб. в строительство жилых домов на три года, при цене денег 24% годовых и дисконтировании под программу ЖРС рентабельность составит 20%. Этот фактор потребителями будет расценен как конкурентное преимущество, при этом СИП пополнит собственный фонд квартир.

2.2 Реинвестиция дохода СИП в предоставление первоначальных взносов социальным заемщикам (20% от предоставляемого ипотечного займа или до 1 млн. руб. по процентной ставке: 1% годовых - на 1 год; 2% годовых - на 2 года; 3% годовых - на 3 года; 4% годовых - на 4 года; 5% годовых - на 5 лет) позволит существенно увеличить количество обращений за ипотечным займом, а регулярные (ежемесячные) расчёты с частными инвесторами увеличат приток как внешних инвестор краткосрочного кредитования, так и инвестируемых сумм.

3. Стадия расширения (*mezzanine stage*)- 5-7 лет от начала проекта

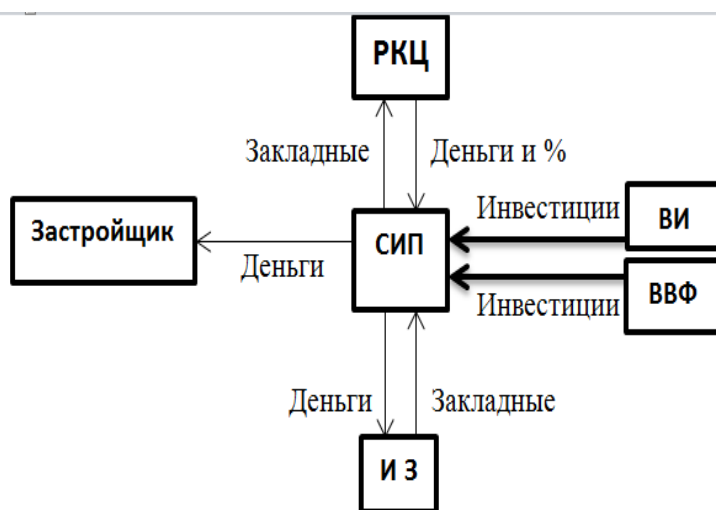

Рис. 5. Стадия расширения.

Источник: разработано автором.

Для данной стадии характерно формирование «Внутреннего венчурного фонда» (ВВФ), смешанным образом из собственных средств и средств внешних инвесторов. Отсюда и характер инвестиций: ВВФ и ВИ.

Изменяется и структура предприятия – появляются филиалы и дополнительные офисы. Это расширение бизнеса происходит по причине увеличения количества ипотечных заявок. Пулы закладных растут, следовательно, потребность в оборотных средствах можно восполнить займами у АИЖК под внутреннюю капитализацию ипотечными ценными бумагами.

Выводы: Стадия расширения неизбежна и она позволит удовлетворять большее количество потребителей социальных ипотечных жилищных услуг.

Формируются дополнительные пункты обслуживания клиентов, и формируется Внутренний венчурный фонд, который в перспективе может стать основным инвестором.

4. Стадия ликвидности (*liquidity stage*) – IPO (7 и более лет от начала проекта)

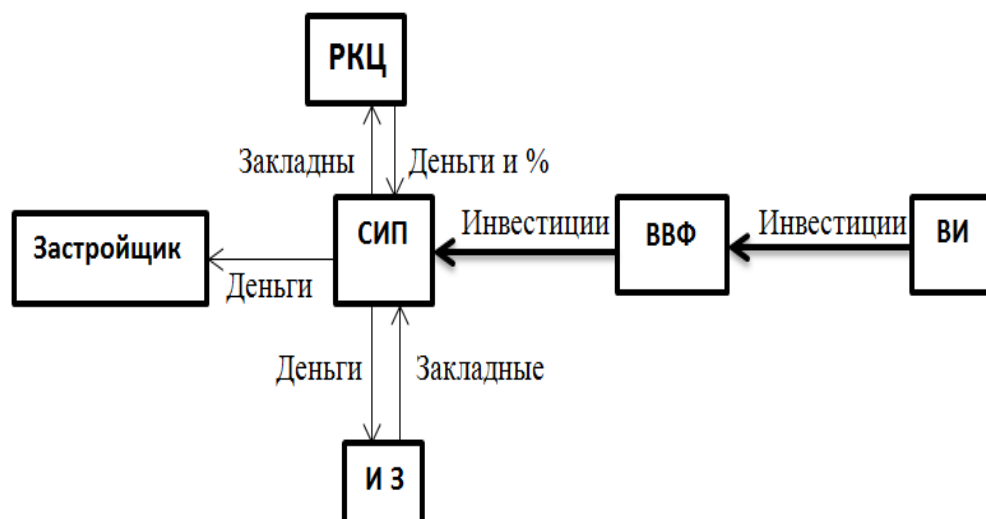

Рис. 6. Стадия ликвидности.

Источник: разработано автором.

На этой стадии бизнеса развиваются сферы деятельности, возможна работа организации из двух центров (СИП и ВВФ), выкуп акций предприятий строительного бизнеса, свободная продажа акций на IPO и ликвидация, путём поглощения.

Вывод: Конкуренция на рынке социальных ипотечных жилищных услуг допускает ликвидацию предприятия путём внешнего поглощения или развития новых сфер бизнеса.

Основными результатами успешной коммерциализации инноваций является: получение дополнительного дохода; развитие научного превосходства; повышение конкурентоспособности. Инновационное предложение по формированию механизмов доступности ипотечных жилищных услуг в данной диссертационной работе получит на площадке *венчурной ипотечной ассоциации* ту благоприятную среду для развития и внедрения, которой сегодня так не хватает разработчикам социальных ипотечных программ, механизмов и методик, в которых так нуждается рынок ипотечных услуг и предпринимательское сообщество. Найдется место и IT технологиям, так как системы должны быть максимально оптимизированы и независимы от человеческого фактора. Искусственный интеллект – это, в том числе, защита от коррупции, мошенничества. Даже идея оказания субстандартных ипотечных услуг, реализация которой обрушила фондовый ипотечный рынок Соединенных Штатов Америки, могла бы получить продолжение в России и быть успешной, но под контролем искусственного интеллекта.

Институциональное развитие предполагает развитие (возникновение) институтов, обуславливающих развитие функциональных элементов систем хозяйствования. Это и научное и технологическое развитие, инвестиционное развитие и развитие методов продвижения продукта на рынок. Сектора технологической цепочки (научный, инвестиционный, IT, маркетинговый), составляющие в целом

технологический ресурс системы, в своём развитии приобретают институциональные признаки и как ученики могут перерасти своего учителя. В предложенной схеме работы они носят пассивный характер, однако с развитием каждого отдельного сектора могут претендовать на институционального заказчика (венчурные фонды, IT – компании, НИОКР, стратегический маркетинг). Каждый из них для приложения своего функционала будет требовать систем организации, которые позволили бы ему быть востребованным на рынке услуг. Таким образом, пассивный контрагент превратится в функционал рынка. Следовательно, заказчиками ВИАС – ВИК могут быть не только внешние потребители систем организации в лице компаний, производителей социального продукта, но и активные функционалы рынка услуг, стимулирующие внутреннее развитие систем, оптимизирующие (сокращающие) накладные расходы, и как следствие – удешевляющие социальные продукты.

«Социальный ипотечный продукт» – это электронный банк данных по сделке, проверке личности заёмщика, возможность выбора (подбора) жилого помещения из базы квартир, только необходимо соблюсти все обязательные юридические процедуры (заявление, согласие на доступ к личным данным клиента и др.), а все остальные процессы будут заложены в процессоры компьютеров в виде программ. Необходимо отойти от стереотипов оказания услуг гражданам в прямой зависимости от воли и желания чиновников и банкиров, даже генерального директора Компании «СИП». Любое их вмешательство в работу серверов должно стать должностным преступлением, да, по сути, это и не позволит их защита. Будет адекватным и приток, к такому типу, прозрачным системам ипотечных компаний депозитных инвесторов, именно они пополняют их оборотные средства. Залог успешности действия таких компаний на рынке услуг — горизонтальная схема управления, которая раскрывает

много дополнительных возможностей реализации потенциала работников и структурных подразделений.

Заключение и выводы: Разработана *методическая конструкция механизма* формирования рынка доступного жилья для социально-значимых категорий граждан – Компания «Социальный ипотечный продукт» (СИП) на базе управленческой платформы «Инновационная система ипотечным кредитованием» (ИСУИК). Переход от бизнес-идеи к реализации приобрёл методически выстроенную, обеспеченную необходимыми экономическими расчётами, программу для предпринимателей малого бизнеса. Выработаны практических рекомендаций по формированию механизмов доступного жилья, разработана «Функциональная схема организации Венчурной ипотечной ассоциации» (ВИАС). В основе всех социальных экономических систем заложен принцип «открытых инвестиций» при горизонтальном методе организации при формировании механизмов доступности социальных ипотечных услуг в жилищной сфере – государственно-частное партнёрство и коммерциализация рынка предоставления социальных ипотечных услуг социально-значимым категориям граждан России.

Список литературы:

1. Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики / Научный совет по Программе фонд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология науки и образования». – М.: Издательский Дом «Наука», 2014. – (Экономика и социология науки и образования). – С 3-10.
2. Казаков В.Н., Жукова О.В. Венчурная ипотечная компания: инкубатор «стартапов» для рынка социальных жилищных услуг / Казаков В.Н., Жукова О.В. // Экономика и предпринимательство. № 2 (ч.2), 2016. с. 505-510. – 1.2 п. л.; Казаков В.Н. – 0,13 п. л.; Жукова О.В. – 0,52 п. л.
3. Полтерович В.М., Старков О.Ю. Проблема трансплантации ипотечных институтов в переходных экономиках: роль стройсберкасс. Препринт # WP/2006/210. М.: ЦЭМИРАН, 2006.
4. Казаков В.Н., Жильцов Н.Н., Егоров Е.В., Т.В. Науменко, Н.А. Восколович и др. Экономика и управление социальной сферой: Учебник для бакалавров / Под ред. д.э.н., проф. Е.Н. Егорова, д.э.н., проф. Е.В. Егорова – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. – С. 164-165.
5. Косарева Н.Б. Основы ипотечного кредитования / Науч. ред. и рук. авт. колл. – М.: Фонд «Институт экономики города»: ИНФРА-М, 2007. – С 3-9.
6. Казаков В.Н. Человеческие ресурсы инновационной экономики /Аперьян В.Н., Балакина А.П., Гретченко А.И., Казаков В.Н. и др. – ВГНА России Москва, 2012. - 220 с.
7. Казаков В.Н. Направления совершенствования механизма социального предпринимательства в России /Сценарии развития социальной сферы в условиях новых вызовов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 27 ноября 2014 г. / Под ред. проф. Е.В. Егорова, П.Н. Ломанова, Т.Б. Беляева. – М.: Креативная экономика. – С. 170-173.
8. Жукова О.В. Развитие инновационных механизмов ипотечного кредитования в России – опыт, проблемы и перспективы / Жукова О.В. // Инновации и инвестиции. 2011. № 2. с. 113-116. – 0,5 п. л.
9. Жукова О.В. Перспективы совершенствования инвестиционной политики России в контексте развития социальной ипотеки / Жукова О.В.// Национальная безопасность. 2011. № 4 (15), с. 12-18. – 0,4 п. л.
10. Жукова О.В. Небанковские депозитно-кредитные организации как механизм реализации инновационных предложений в ипотеке / Жукова О.В.// Вопросы региональной экономики. № 1 (22). 2015. с. 19-25. – 0,59 п. л.
11. Жукова О.В. Теория организации и принцип неопределённости в экономической науке / Жукова О.В.// Экономика и предпринимательство. № 9 (ч.1), 2015. с. 746-748. – 0,37 п. л.
12. Жукова О.В. Институциональное развитие жилищной ипотеки с учетом международных интеграционных процессов / Жукова О.В.// Вопросы региональной экономики. № 2 (23). 2015. с. 49-56. – 0,5 п. л.
13. Казаков В.Н., Жукова О.В. Анализ субстандартной ипотеки и ее адаптация к российским условиям / Казаков В.Н., Жукова О.В.// Социология города. № 1, 2016. 1.2 п. л.; Казаков В.Н. – 0,2 п. л.; Жукова О.В. – 1,0 п. л.
14. Жукова О.В. Ипотека – время новых возможностей [Электронный ресурс] / Жукова О.В. // Электронный журнал «Экономика современного предприятия». 2010. № 2. Постоянный адрес статьи: <http://www.esp-izdat.ru/index.php?article=2337> – 0,5п.л.
15. Жукова О.В. Инновационные системы управления в ипотечной сфере на основе европейского опыта работы строительных обществ / Жукова О.В.// Теоретические и прикладные аспекты научных исследований: Статьи и доклады международной научно-практической конференции. Дата и место проведения: Москва 30 января 2015 г. Организатор: Лаборатория прикладных экономических исследований имени Кейнса. – М.: Издательство «Научный консультант», 2015, стр. 20-26.- 0,4п.л.
16. Жукова О.В. Коммерциализация инноваций в сфере жилищной ипотеки. Технологическая «дорожная карта» инновационного предложения «НДКО «Социальный ипотечный банк» / Жукова О.В.// Международный межвузовский рецензируемый научный журнал «Прикладные экономические исследования». № 1(5). 2015, с.27-35.-0,49п.л.

17. Жукова О.В. Отраслевая ипотека: продукт социально ориентированной экономики или частная инициатива госкомпаний / Жукова О.В.// Факторы устойчивого развития экономики России на современном этапе (Федеральный и региональные аспекты): сборник статей II международной научно-практической конференции. Дата и место проведения: Пенза, 28.02.2015г. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2015. - с. 31-35.- 0,28п.л.

18. Жукова О.В. Государственное регулирование рынка социального ипотечного жилья / Жукова О.В.//Проблемы инновационного развития сельских территорий. Сборник материалов Третьей электронной международной научно-практической конференции. Федеральный центр сельскохозяйственного консультирования и переподготовки кадров агропромышленного комплекса; Всероссийский научно-исследовательский институт организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве; Ответственный за выпуск Б.И. Шайтан. 15 апреля 2015. С. 214-228. – 0,73п.л.

19. Жукова О.В. Методы вывода социальных инновационных ипотечных продуктов жилищной ипотеки на Российский рынок / Жукова О.В.// Инновационное развитие АПК: механизмы и приоритеты: сборник статей по материалам второй международной научно-практической конференции. Дата

проведения: 21 мая 2015г. Сергиев Посад.-М.: «Научный консультант», 2015 г. - С. 86-93. - 0,5п.л.

20. Жукова О.В. Основные направления социальной защиты в спорте в России и за рубежом, механизмы их финансирования и реализации / Жукова О.В.// Развитие стран ЕАЭС в современных условиях: сборник статей II международной научно-практической конференции, 30.06.2015г. стр. 81-106. – 0,75п.л.

21. Жукова О.В. Человеческий капитал как объект социальных ипотечных инновационных продуктов / Жукова О.В.// Молодой ученый. № 7 (87). 2015. с. 412-416. – 0,48п.л.

22. Olga Zhukova. Residential Mortgage Development in Russia With Regard to International Practices // "Young Scientist USA", vol 4, 2015, s 3-10/<http://www.YoungScientistUSA.com> – 0,8п.л.

23. Экономика и управление: инновации, учет, человеческий капитал: монография / под общей научной редакцией В.А. Тупчиенко. - М.: Издательство «Научный консультант», 2016. с. 38-59. ISBN: 978-5-9907604-9-3 – 1,04 п.л.

24. Отчет Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), официальный сайт www.nacfin.ru

25. Агентство по ипотечному жилищному кредитованию, официальный сайт www.ahmal.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПАРТНЁРСТВА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ В ХОДЕ СОЗДАНИЯ И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ИННОВАЦИЙ

Осипова Е.Ю.

*Советник Департамента науки,
Промышленной политики и предпринимательства г.Москвы,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва*

Данилов А.И.

*профессор Финансового университета
при Правительстве РФ
г. Москва*

METHODICAL RECOMMENDATIONS OF THE ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF PARTNERSHIP OF UNIVERSITY SCIENCE AND THE INDUSTRIAL COMPANIES DURING CREATION AND COMMERCIALIZATION OF HI-TECH INNOVATIONS

Osipova E.

*counselor of the Department of science, industrial policy and entrepreneurship of Moscow,
Financial university under the government of the Russian Federation
Moscow*

Danilov A.

*Professor of Finance University
under the Government of the Russian Federation
Moscow*

Аннотация

Представленная статья – методические рекомендации оценки эффективного взаимодействия государства и производственных предприятий с участием ВУЗов. В статье анализируются ассигнования федерального бюджета, рассмотрены показатели эффективности Постановления РФ. В статье представлена оценка эффективности партнёрства ВУЗовской науки и промышленных компаний в создании высокотехнологичных инноваций. Выявлена ключевая роль и эффективность ВУЗов с промышленными компаниями и научно-исследовательскими организациями, рассмотрен инструментарий методических рекомендаций

оценки эффективности коопераций, который включает: описание научно обоснованного инструментария сбора данных, обоснование методических рекомендаций оценки научно-технического потенциала ВУЗов, разработка алгоритма обработки информации для оценки эффективности взаимодействия высших учебных заведений с промышленными компаниями. В работе рассмотрены показатели результата взаимодействия ВУЗов и промышленных компаний полученные методом расчёта коэффициента корреляции рангов Спирмена и методом критерий и индикаторов.

Abstract

The presented article – methodical recommendations of an assessment of effective interaction of the state and manufacturing enterprises with participation of HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS. In article allocations of the federal budget are analyzed, indicators of efficiency of the Resolution Russian Federation are considered. The assessment of efficiency of partnership of High school science and the industrial companies in creation of hi-tech innovations is presented in article. The key role and efficiency of HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS with the industrial companies and the research organizations is revealed, the tools methodical recommendations of an assessment of efficiency of cooperations which includes are considered: the description of evidence-based tools of data collection, justification of methodical recommendations of an assessment of scientific and technical capacity of HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS, development of algorithm of information processing for an assessment of efficiency of interaction of higher educational institutions with the industrial companies. In work indicators of result of interaction of HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS and industrial companies the correlations of ranks of Spirmen received by method of calculation of coefficient and method criterion and indicators are considered.

Ключевые слова: высокотехнологичные, инновации, промышленные компании, коммерциализация, инновационная среда, университетская наука, инновационные предприятия, инновационный потенциал, эффективность.

Keywords: hi-tech, innovations, the industrial companies, commercialization, the innovative environment, university science, the innovative enterprises, innovative potential, efficiency.

Необходимость оценки эффективности партнёрства ВУЗовской науки и промышленных компаний в ходе создания и коммерциализации высокотехнологичных инноваций обусловлена значительными объёмами государственного финансирования, выделяемого на эти цели.

Так, принятое Правительством РФ Постановление от 09 апреля 2010 г. № 218², предполагает осуществление совокупного объёма финансирования инновационных проектов в сфере высоких технологий на сумму порядка 43 млрд. руб. для решения следующих задач:

- активизации инновационной деятельности предприятий реального сектора экономики;
- стимулирования использования предприятиями реального сектора потенциала образовательных учреждений высшего профессионального образования;

- диверсификации и развитие научно-исследовательской базы образовательных учреждений России на основе более плотного сотрудничества этих учреждений с предприятиями реального сектора;

- повышения уровня качества научной и образовательной деятельности в российских ВУЗах;

- повышения качества персонала предприятий реального сектора и образовательных учреждений на основе их взаимодействия в ходе реализации совместных инновационных проектов.

На рис. 1.1 представлена динамика объёмов государственных расходов, предусмотренных на поддержку реализации мер в рамках указанного выше Постановления.

² См.: Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. N 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства». // ИА

«ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. Режим доступа - <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12074931/#ixzz35UI4C2nY> проверено 12.06.2014

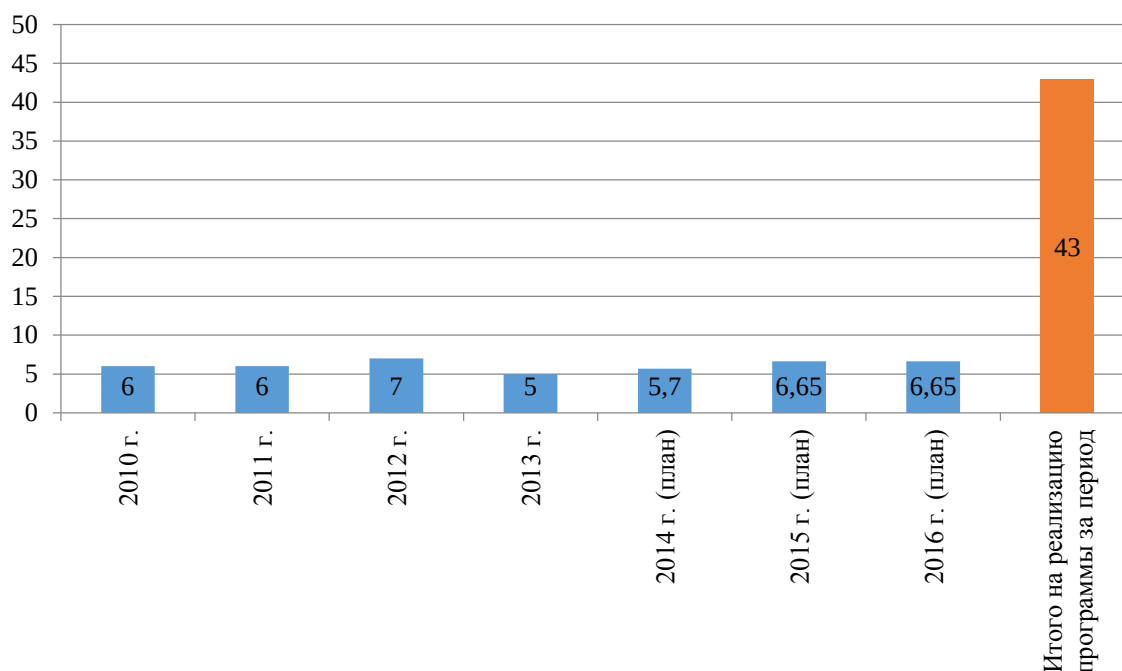

Рис. 1.1 Динамика объёмов государственных расходов, предусмотренных на поддержку реализации мер в рамках Постановления Правительства РФ № 218

Помимо указанного нормативного акта, являющегося правовым условием стимулирования и субсидирования взаимодействия ВУЗов и промышленных компаний является Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 219³, разработанное в целях формирования инновационной среды, развития взаимодействия между образовательными учреждениями и промышленными предприятиями, поддержки создания хозяйственных обществ. Осуществляемые в рамках данного нормативного акта расходы ресурсов (финансовых, материальных, временных, трудовых и др.) также требуют оценки их результативности.

В ходе оценки результативности взаимодействия ВУЗов и промышленных компаний при создании и коммерциализации инноваций, важно учитывать, что ключевую роль в разработке научной составляющей такого взаимодействия играют ВУЗы, в связи с чем результативная её реализация невозможна без существенного развития технологической и технической инфраструктуры университетской науки. Данная особенность предусмотрена и в указанных выше законодательных актах (в частности, в Постановлении Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 219). Так, в соответствии с положениями указанного Постановления, мероприятия по развитию технической и технологической инфраструктуры университетской науки направлены на создание инновационной среды ВУЗов, развития различных форм взаимодействия между образовательными учреждениями и промышленными ком-

паниями, а также поддержки создания хозяйственных обществ, создаваемых согласно законодательным нормам.

Согласно указанной цели, усилия ВУЗа, который участвует во взаимодействии с промышленным предприятием и научно-исследовательской организацией, по реализации тех или иных программ инновационного развития должны решать следующие задачи, учёт которых должен быть положен в основу методического обеспечения оценки взаимодействия университетской науки и промышленных компаний:

- создание объектов инновационной инфраструктуры: бизнес-инкубаторов, технопарков, центров инновационного консалтинга и других объектов инновационной инфраструктуры;
- оснащение объектов инновационной инфраструктуры необходимым программным обеспечением и современным технологическим оборудованием;
- развитие правовых средств охраны интеллектуальной деятельности;
- разработка методического обеспечения деятельности субъектов малого и среднего бизнеса;
- повышение квалификации сотрудников образовательных учреждений в области инновационного предпринимательства и трансфера технологий в зарубежных ВУЗах;
- создание малых инновационных предприятий и обеспечение их развития с привлечением профессорско-преподавательского состава.

³ Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 N 219 (ред. от 03.06.2011) «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных

образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // "Собрание законодательства РФ", № 16, 19.04.2010, ст. 1906.

Помимо этого, при формировании эффективной системы управления созданием и коммерциализацией высокотехнологичных инноваций, должны учитываться следующие ключевые положения:

- создание максимальной открытой для участников рынка, собственников компании и государства корпоративной технологической политики, в том числе с учётом необходимости информирования заинтересованных компаний о перспективных научных и технологических потребностях предприятий;
- формирование и утверждение нормативных значений показателей инновационного развития на каждом уровне управления;
- значительное расширение внедрения предприятиями результатов научных исследований и разработок, реализуемых в российском секторе создания инновационных знаний.

Данные меры должны повысить эффективность участия ВУЗов в научном инновационном взаимодействии с производственными компаниями и научно-исследовательскими институтами. При этом, если указанные мероприятия направлены на создание широкой платформы или материальных предпосылок обеспечения эффективного взаимодействия предприятий и ВУЗов, то сам процесс взаимодействия включает более широкий перечень инструментов, реализуемых по множеству разветвлённых направлений. Этот процесс требует компетентного контроля со стороны профессионального менеджмента, обеспечивающего мониторинг эффективности взаимодействия ВУЗов и компаний.

Формирование механизмов взаимодействия вузовской науки и промышленных компаний по созданию и коммерциализации высокотехнологичных инноваций должно осуществляться с ориентацией на эффективность и получение конкретных результатов, превосходящих понесённые участниками этого взаимодействия результатов. В связи с этим возникает необходимость разработки научно-методических положений по оценке эффективности взаимодействия высших учебных заведений с промышленными компаниями в области создания и коммерциализации высокотехнологичных инноваций.

Реализация этой цели может быть достигнута на основе:

- определения групп данных, релевантных задачам оценки эффективности взаимодействия высших учебных заведений с промышленными компаниями в области разработки и коммерциализации высокотехнологичных инноваций;
- выбора методов сбора данных для оценки эффективности взаимодействия высших учебных заведений и промышленных компаний в области разработки и коммерциализации высокотехнологичных инноваций.

Нами предлагаются методические рекомендации оценки эффективности взаимодействия высших учебных заведений с промышленными компаниями в области разработки и коммерциализации

высокотехнологичных инноваций, которые включают:

1. Описание научно обоснованного инструментария сбора данных о взаимодействии вузовской науки и промышленных компаний в области разработки и коммерциализации высокотехнологичных инноваций.

2. Обоснование методических рекомендаций оценки научно-технического потенциала ВУЗов, а также степени их готовности к участию в осуществлении программ инновационного развития промышленных компаний.

3. Разработка алгоритма обработки информации для оценки эффективности взаимодействия высших учебных заведений с промышленными компаниями в области разработки и коммерциализации высокотехнологичных инноваций.

Сбор данных для оценки эффективности взаимодействия ВУЗов и промышленных компаний в зависимости от характера собираемой информации может осуществляться двумя способами:

- на основе анализа независимой статистической информации по выбранной группе ВУЗов;
- на основе сбора информации непосредственно от ВУЗов путём их дополнительного анкетирования.

При формировании выборки ВУЗов для оценки эффективности взаимодействия, к ней должны предъявляться следующие требования:

- повсеместность функционирования – объекты оценки эффективности должны функционировать в большей части федеральных округов страны.
- доступность представителей ВУЗов и научных организаций, их готовность предоставить информацию в рамках сроков проводимого обследования.
- компетентность представителей ВУЗов и научных организаций в рамках оцениваемого круга проблем.

Инструментарий методических рекомендаций оценки эффективности взаимодействия высших учебных заведений с промышленными компаниями в области разработки и коммерциализации высокотехнологичных инноваций включает следующие компоненты:

1. Комплекс критериев и индикаторов эффективности взаимодействия ВУЗов и промышленных компаний.

2. Параметры проведения опроса представителей ВУЗов, с установленной методологией опроса, включая цели, задачи, методы опроса, сроки опроса, структуру собираемых данных, возможности выявления слабо предсказуемых процессов.

3. Выбор метода расчёта промежуточных и основных индикаторов эффективности функционирования ВУЗов включают следующие этапы:

- подготовка данных;
- определение рейтинговых значений первичных параметров функционирования учреждений высшей школы;

- формирование рейтингов учреждений высшей школы в соответствии с выбранными параметрами;
- расчёт на основании рейтингов первичных, промежуточных и основных параметров деятельности учреждений высшей школы;
- расчёт корреляционных значений между выбранными группами параметров;
- оценка уровня корреляции и интерпретацию полученных значений с проецированием в область эффективности взаимодействия ВУЗов и промышленных предприятий.

В ходе сбора информации о ВУЗах по выбранным критериям первичные данные приводятся в адекватный для обработки вид путём устранения погрешностей помех, их нормализации и рейтингового масштабирования. Масштаб рейтинга для обеспечения адекватности оценки должен находиться в балльном диапазоне от 1 до 100.

Говоря о методе оценки корреляционной зависимости, наиболее приемлемым видится метод расчёта коэффициента корреляции рангов Спирмена. Данный метод позволяет оценить силу корреляционной связи между двумя признаками или профилями (иерархиями) признаков. Для расчёта корреляции между рангами в результате сбора информации о деятельности ВУЗов должны сформироваться пары? рядов значений, которые в наиболее общем виде могут быть выражены:

- в виде двух признаков, измеренных в рамках выборки по ВУЗам;
- как две индивидуальные иерархии признаков, выявленные по выборке ВУЗов по одному и тому же набору признаков;
- как две групповые иерархии признаков.
- как индивидуальная и групповая иерархия признаков.

Интерпретация полученных значений может осуществляться в соответствии с общей классификацией корреляционных связей (Таблица 1) :

Таблица 1

Интерпретация корреляции между признаками в зависимости от значений оценок⁴

Значение корреляционной зависимости	Интерпретация
$r > 0,70$	сильная, или тесная
$0,50 < r < 0,69$	средняя
$0,30 < r < 0,49$	умеренная
$0,20 < r < 0,29$	слабая
$r < 0,19$	очень слабая

Одним из ключевых критериев оценки эффективности взаимодействия ВУЗов и промышленных компаний является научно-технический потенциал ВУЗов, который должен рассчитываться на основе оценки проявления ими научно-технической активности, состоящей в генерации материальных свидетельств с возможностью их количественной оценки.

Учитывая специфику научной деятельности ВУЗов, такой критерий эффективности как их научно-технический потенциал, может быть представлен следующими показателями:

1. Суммы значений индекса публикаций. Выбор показателя связан с тем, что научная продукция, как правило, может быть количественно выражена в оценке уровня публикационной активности.
2. Значения числа охранных документов результатов интеллектуальной деятельности – данный показатель позволяет оценить инновационный уровень научно-технической деятельности ВУЗа.
3. Активность ВУЗа в части участия в промышленных разработках как показатель создания малых инновационных предприятий (мип-индекс).
4. Индикатор договорной активности – как числа договоров, которые учреждение высшей школы заключает с промышленными компаниями.

Другим интегральным показателем эффективности функционирования ВУЗов как потенциала взаимодействия с промышленными предприятиями может стать готовность учреждений высшей школы к участию в реализации программ инновационного развития компаний. Данный интегральный критерий предполагает необходимость оценки трёх комплексных параметров функционирования ВУЗа:

1. Инновационного потенциала.
2. Инновационной инициативности.
3. Эффективности функционирования ВУЗов.

Первые два показателя учтены при формировании рейтинга научно-технического потенциала учреждений высшей школы. Так, инновационная составляющая в этой части представлена как публикационная и патентная активность. Инновационная инициативность выражается числом договоров и мип-индексом. Как следует, готовность ВУЗов к участию в реализации инновационных программ промышленных компаний может оцениваться также с использованием рейтинга научно-технического потенциала с включением в него показателей эффективности.

Участие учреждений высшей школы в высокотехнологичных производствах, расположенных в

⁴ Гетманчук, А. В. Экономико-математические методы и модели [Электронный ресурс] : Учебное пособие для бакалавров / А. В. Гетманчук, М. М. Ермилов. - М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2013. - 188

с.; Орлова И. В., Федосеев, В. В. Экономико-математические методы и прикладные модели : Учеб. пособие для вузов / В. В. Федосеев, А. Н. Гармаш, И. В. Орлова и др.; Под ред. В. В. Федосеева. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. - 304 с.

пределах того или иного федерального округа, оценивается как распределение вклада ВУЗа в производственную деятельность с учётом его территориально-административной принадлежности. Основную роль для оценки этого показателя играет количество заключённых с предприятиями договоров. Исходя из этого, в ходе сбора данных возникает необходимость наличия информации о числе договоров, заключённых с предприятиями в рамках федерального округа-базирования ВУЗа.

Непосредственно оценка осуществляется в два этапа:

1. На первом осуществляется подсчёт общего числа договоров, заключённых с предприятиями в рамках федерального округа, либо вне его.

2. На следующем этапе учитывается научно-технический потенциал учреждения высшей школы исходя из предположения о том, что заключая договор, ВУЗ внесёт вклад в развитие предприятия согласно своему научно-техническому потенциалу. Число заключённых договоров далее умножается на научно-технический потенциал ВУЗа, после чего происходит суммирование полученных значений для федерального округа-базирования ВУЗа и других федеральных округов.

В ходе анализа корреляций параметров на первом этапе оценки были исследованы следующие параметры ВУЗов:

- структура ВУЗов исследуемой выборки по числу сотрудников и рейтингу ВУЗов;
- структура ВУЗов исследуемой выборки по числу студентов и рейтингу ВУЗов;

- структура ВУЗов исследуемой выборки по числу публикаций;
- структура ВУЗов исследуемой выборки по индексу Хирша;
- структура ВУЗов исследуемой выборки по уровню финансирования;
- структура ВУЗов исследуемой выборки по числу охранных документов РИД;
- структура ВУЗов исследуемой выборки по числу МИП;
- структура ВУЗов исследуемой выборки по числу договоров с предприятиями внутри соответствующего ФО;
- структура ВУЗов исследуемой выборки по числу договоров с предприятиями вне соответствующего ФО.

Одним из необходимых методических условий оценки эффективности взаимодействия ВУЗов и промышленных компаний в ходе создания и коммерциализации высокотехнологичных инноваций, является комплекс критериев и показателей оценки эффективности развития технической и технологической инфраструктуры вузовской науки, а также результативности кооперации ВУЗов в научном инновационном взаимодействии с компаниями реальной экономики и НИИ.

В ходе мониторинга оценки эффективности могут, в частности, использоваться следующие направления, критерии и индикаторы оценки (Таблица 2).

Таблица 2

Направления, критерии и индикаторы контроля результативности взаимодействия ВУЗов и промышленных компаний в ходе создания и коммерциализации высокотехнологичных инноваций

Направление	Критерий	Индикаторы
Организация инфраструктуры и кадрового обеспечения кооперации ВУЗов и компаний	Показатели кадрового состава по собственным кадрам	- возрастная структура (до 35 лет, 35 – 60 лет, старше 60 лет); - качественный состав (без степени, кандидатов наук, докторов наук).
	Показатели кадрового состава по привлеченным кадрам	- количество привлеченных в форме участия в подготовке российских специалистов, повышения квалификации и консультирования; - привлеченных в форме участия в исследованиях, опытно-конструкторских, опытно-технических работах; - возрастная структура (до 35 лет, 35 – 60 лет, старше 60 лет); - качественный состав (без степени, кандидатов наук, докторов наук).
Структура финансирования научных программ	Общая сумма средств, направленных на финансирование научных программ	- объем собственных средств; - объем привлеченных средств.
	Оплата труда	- общие доходы; - от участия в НИОКР
	Доходы участников научных программ	- доходы от участия в НИОКР; - доходы от участия в преподавательской деятельности.
Реализация научной программы	Публикации	- в российских изданиях; - в зарубежных изданиях.
	Патенты и заявки	- полученные ВУЗом в рамках реализации проекта и с использованием результатов проекта;

		- количество заявок на патенты, поданных ВУЗом в рамках реализации проекта и с использованием результатов проекта; - количество охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, полученных в рамках работ.
	Объем произведенной продукции	- объем произведенной продукции инновационного характера, выполненных вновь созданными вузом хозяйственными обществами по тематике; - объем произведенной продукции инновационного характера, выполненных вновь созданными ВУЗом хозяйственными обществами по тематике.
Структура целевого расходования выделенных государством средств	Эффективность расходов на приобретение, эксплуатацию технического оборудования программного продукта	- расходы на приобретение объектов интеллектуальной собственности; - расходы на приобретение программного обеспечения; - расходы на техническую поддержку программного обеспечения; - расходы на приобретение оборудования; - расходы на техническую поддержку оборудования; - расходы на правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности.
	Эффективность расходов на персонал	- затраты на проведение стажировок на базе инновационной инфраструктуры образовательного учреждения; - расходы на стажировки и повышение квалификации сотрудников образовательных учреждений в сфере инновационного предпринимательства и трансфера технологий в иностранных Вузах; - затраты на подготовку и повышение квалификации иностранных специалистов в сфере малого инновационного предпринимательства; - затраты на подготовку и повышение квалификации кадров в сфере малого инновационного предпринимательства; - затраты на привлечение иностранных и российских экспертов для оказания консалтинговых услуг в сфере трансфера технологий.
	Эффективность затрат на создание и функционирование малых предприятий	- объем привлеченных внебюджетных средств на реализуемые проекты, созданные хозяйственными обществами; - затраты на малые инновационные компании за счет бюджета; - затраты на малые инновационные компании за счет внебюджетных источников; - затраты на реализацию и разработку целевых программ подготовки и повышения квалификации кадров в сфере малого инновационного предпринимательства.
	Эффективность финансирования развития объектов инновационной инфраструктуры	- объём финансирования за счёт бюджета; - объём финансирования за счёт иностранных источников; - затраты на оценку результатов интеллектуальной деятельности; - затраты на участие в международных проектах.
Реализация инновационной продукции	Объем выполненных опытно-конструкторских и опытно-технологических работ на базе инновационной инфраструктуры	- объем выполненных на базе инновационной инфраструктуры работ по доведению опытно-конструкторской и опытно-технологической продукции до стадии практического применения; - объем высокотехнологичной продукции, созданной с использованием элементов инновационной инфраструктуры образовательного учреждения; - объем выпуска продукции; - объем продаж элементами инновационной инфраструктуры ВУЗа высокотехнологичной продукции.

Количество выполненных опытно-конструкторских и опытно-технологических работ на базе инновационной инфраструктуры	- количество выполненных на базе инновационной инфраструктуры работ по доведению опытно-конструкторской и опытно-технологической продукции до стадии практического применения; - количество реализуемых созданными хозяйственными обществами проектов.
Объем выполненных научно-исследовательских работ на базе инновационной инфраструктуры	- объем выполненных на базе инновационной инфраструктуры работ по доведению результатов научно-исследовательской продукции до стадии практического применения; - объем выпуска продукции.
Количество выполненных научно-исследовательских работ на базе инновационной инфраструктуры	- количество выполненных на базе инновационной инфраструктуры работ по доведению результатов научно-исследовательской продукции до стадии практического применения.

Таким образом, представленный выше комплекс показателей результативности взаимодействия ВУЗов и промышленных компаний может использоваться компетентными управляющими субъектами в ходе создания механизмов контроля эффективности партнёрства университетской науки и промышленности при создании и коммерциализации высокотехнологичных инноваций.

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. N 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших

учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства». // ИА «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. Режим доступа - <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12074931/#ixzz35UI4C2nY> проверено 12.06.2015

2. Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 N 219 (ред. от 03.06.2011) «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // "Собрание законодательства РФ", № 16, 19.04.2010, ст. 1906.

ИННОВАЦИОННОЕ ПАРТНЕРСТВО ВЛАСТИ И СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Хасаншин И.А.

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры электронной коммерции Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара)

INNOVATIVE PARTNERSHIP OF GOVERNMENT AND ECONOMIC ACTORS AT THE REGIONAL LEVEL

Khasanshin I.

The assistant professor of the E-commerce department, phd, The Povolzhskiy State University of Telecommunication and Informatics (Samara)

Аннотация

Переход к цифровой экономике обуславливает необходимость совместного решения бизнесом и государством ряда значимых проблем, таких как: наличие административных барьеров, высокий уровень монополизации, недостаточная информационная прозрачность органов государственной власти. В связи с этим впервые выделены ключевые составляющие инновационного партнерства власти и субъектов экономических отношений на региональном уровне, системно увязанные на основе их концептуального единства.

Abstract

The conversion to the digital economy necessitates joint solutions business and the state of a number of significant problems, such as administrative barriers, a high level of monopolization, lack of information transparency of government. In this regard, first isolated the key components of an innovative partnership between the government and economic actors at the regional level, linked systematically on base of their conceptual unity.

Ключевые слова: координационный центр поддержки инновационного предпринимательства, инновационное партнёрство, информационно-технологическая платформа регионального электронного правительства.

Keywords: the focal point of support of innovative entrepreneurship, innovative partnerships, information-technology platform of the regional e-government.

Проводимые в настоящее время в России экономические и социальные реформы побуждают региональные органы власти к активной разработке собственных стратегий социально-экономического развития, поиску путей их реализации, заставляя думать о наполнении региональных бюджетов, социальной стабильности и экономическом росте.[4] В подобной ситуации региональные органы власти вынуждены вести поиск эффективных форм и методов государственного регулирования экономики, а также учитывать возможности самоорганизации населения. Поступательное развитие регионов возможно только при устойчивом экономическом росте и взаимном сотрудничестве органов власти, бизнеса и местного сообщества в рамках инновационного партнерства. Однако можно констатировать, что далеко не все регионы в полной мере овладели инновационным партнерством как инструментом управления развитием экономики, не оценили должным образом его возможности по комплексному решению социально-экономических проблем.

Известный американский специалист в области межсекторного взаимодействия С. Ваддок рассматривает партнерство как обязательство корпорации или группы корпорации работать с организациями из различных экономических секторов (правительственного или некоммерческого). Оно включает обязательство ресурсов — времени и усилий людей от всех организаций партнеров. Эти

люди работают в кооперации, чтобы решать проблемы, которые затрагивают их всех. Проблема может быть определена, по крайней мере, частично как экономическая проблема, ее решение принесет выгоду всем партнерам. Инновационное партнерство обращается к проблемам, которые простираются вне организационных границ и традиционных целей и лежат в пределах области традиционной государственной политики, в том числе и на экономической арене. Это требует активной, а не пассивной причастности всех сторон. Участники должны сделать ресурсное обязательство, которое больше чем просто денежно-кредитные отношения»[5].

Таким образом, в зарубежной литературе межсекторное партнерство рассматривается как новая модель взаимодействия государства, бизнеса и некоммерческих организаций, основной акцент в которой сделан не на соревновании между секторами, а на их сотрудничестве.

По нашему мнению, инновационное партнерство — общественная структура, направленная на согласование совместных действий различных сторон в выработке и реализации инновационных проектов на определенный срок, необходимыми для модернизации национальной экономики.

Инновационное партнерство, целью которого является мобилизация ресурсов для построения цифровой экономики, на наш взгляд должно состоять из следующих элементов (рис.1).

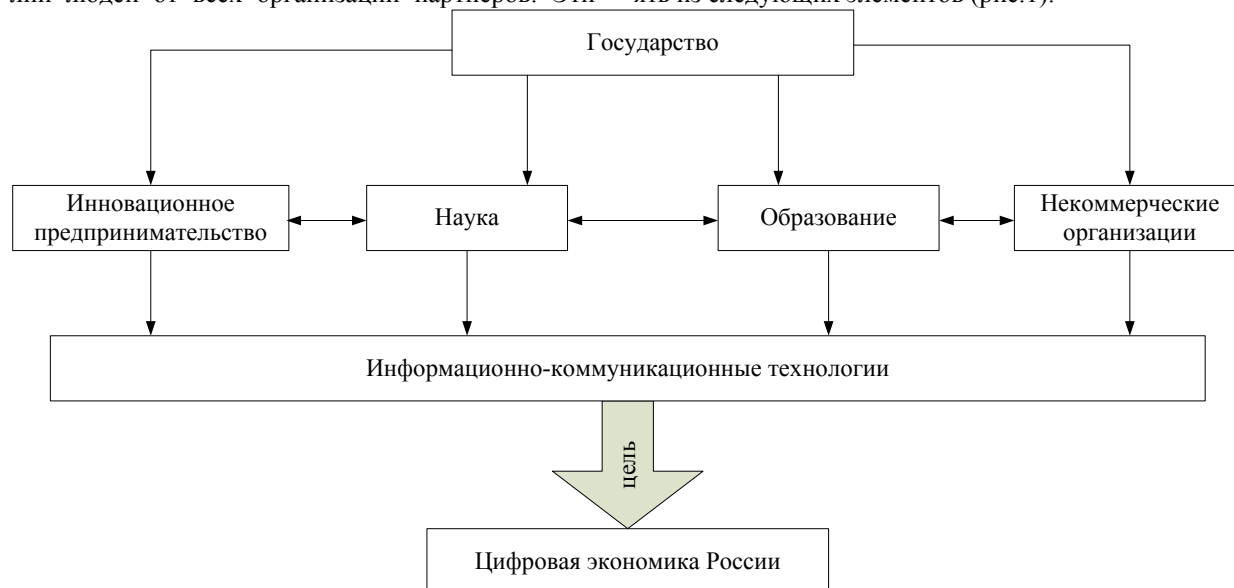

Рис. 1 - Инновационное партнерство

Субъектами системы инновационного партнерства, являются государство, предпринимательство, некоммерческие организации и наука. Инновационные потребности общества выявляются и регистрируются некоммерческими организациями (НКО). Некоммерческий сектор эффективно оказывает услуги населению, он отличается

не только способностью оперативно реагировать на нужды различных социально-демографических групп, новые социальные вызовы и проблемы, но и низкими административными издержками, способностью привлекать добровольцев. Деятельность НКО помогает улучшить показатели уровня обра-

зования и здоровья нации, что, согласно современным исследованиям, повышает эффективность экономики и темпы ее роста. Некоммерческий сектор — это источник социальных инноваций. Многие образовательные, управленческие и информационные технологии, современные методы социальной работы были впервые внедрены именно некоммерческими организациями, а затем стали частью государственной и региональной политики[1].

Предпринимательство совместно с наукой принимают заказ на инновации, выполняют НИОКР, получают инновационный продукт. Научная деятельность выступает основным источником инноваций и ключевым фактором инновационного роста. Динамика промышленного производства, рост его концентрации приводят к расширению масштабов исследований и увеличению численности занятых в этой сфере. Однако наука лишь создает знания. Для полноценного инновационного развития требуются определенные предпосылки, формирующие условия для их распространения и превращения в конечные экономические блага, продвижения инновационных продуктов и услуг на внутренние и внешние рынки. Этот тезис снова возвращает нас к проблеме создания развитой системы взаимосвязей. Важную роль играет появление координационных центров поддержки инновационного предпринимательства — организационных структур, возникших на определенных территориях и связывающих участников инновационной деятельности — компании, научные организации, университеты — через выработку общих стратегических путей развития, использование очевидных синергетических эффектов объединения усилий в совместных инновационных проектах. Мощные финансовые и торговые связи являются необходимым условием минимизации рисков коммерческой деятельности, продвижения на промежуточных и конечных фазах инновационного цикла. Наконец, динамичный инновационный рост невозможен без системного подхода к формированию социально-экономической и научно-технологической политики. Необходимо единое информационное пространство, позволяющее объединить все направления и факторы роста и участвующие в них институты.

Место региональной власти в инновационном партнерстве определяется не только его общеэкономическими функциями и регулирующей ролью. Оно выступает в трех ипостасях: собственника, законодателя и арбитра (посредника). Региональные власти должны создавать благоприятный инновационный климат, обеспечивать госзаказы и господдержку партнеров.[2]

Инструментом становления инновационного партнерства могут выступать информационно-технологические платформы региональных электронных правительств. Положительный эффект должен быть достигнут путем предоставления инвесторам, осуществляющим хозяйственную деятельность в регионе, различных льгот и преференций, прежде всего налоговых и таможенных льгот.

Повышение экономической роли инноваций, изменение темпов, направлений и механизмов развития инновационных процессов являются одним из ключевых факторов, обусловивших радикальные структурные сдвиги в экономике промышленно развитых и многих развивающихся стран.[2] Они проявляются в росте инвестиций в образование и науку, технологические и организационные нововведения; опережающей динамике высокотехнологичных секторов промышленности при повышении технологического уровня традиционных отраслей хозяйства; возникновении новых видов деятельности. Все эти соотношения и взаимозависимости, характеризующие инновационную модель экономики, сегодня хорошо известны и не требуют какого-то специального анализа. Специфика инновационной деятельности — неопределенность и отложенность результата; несовпадение общественного и индивидуального эффектов; асимметричность информации, доступной исследователям, новаторам, потенциальным инвесторам, потребителям; высокие инвестиционные риски; особые требования к квалификации кадров и качеству менеджмента — усиливает значение инновационной «составляющей» в деятельности региональной власти.

Многие предприятия в регионах не могут удовлетворить потребности жителей в необходимых условиях труда, включая выплату достойной заработной платы. В улучшении данной ситуации должны быть заинтересованы, прежде всего, региональные органы власти, работодатели и профсоюзы, которые являются основными участниками экономических отношений. Используя региональную систему инновационного партнерства, у перечисленных сторон есть реальная возможность проводить совместную работу по созданию в области современных рабочих мест с высоким уровнем организации производства.[4]

Формы взаимодействия региональных органов власти и населения, используемые в регионе, можно сгруппировать по ряду признаков: по периодичности (регулярные, единовременные), по объему охвата населения (выборочные, массовые), по числу и формам участия представителей органов региональной власти, по степени участия представителей разных уровней региональной власти (активное участие, пассивное участие), по тиражированию, по географии осуществляемой работы, по эффективности решения значимых проблем и другим.

Наиболее распространены такие формы взаимодействия как работа с письмами и обращениями граждан, личный прием граждан по различным вопросам, осуществление общественных экологических экспертиз, областные информационные дни, работа областной общественной палаты [3]. В городах и районах существуют приемные Губернатора, налажена система общественных слушаний областного бюджета и значимых для развития региона законодательных актов.

Таким образом, взаимодействие властных структур, предпринимателей и населения в настоящее время осуществляется достаточно активно, однако при этом оно не всегда носит системный и комплексный характер, зачастую не имеет должной информационной поддержки и, в результате, влияет на экономическую политику региона не так существенно, как это необходимо в современных условиях.[4]

На рисунке 2 представлена комплексная модель инновационного партнерства власти и субъектов экономических отношений на региональном уровне. Тонкими стрелками показано взаимодействие различных секторов гражданского общества (органов регионального управления, предпринимательских структур, некоммерческих организаций, населения), а широкими стрелками отражено направление воздействия, что подчеркивает значимость населения в системе регионального взаимодействия.

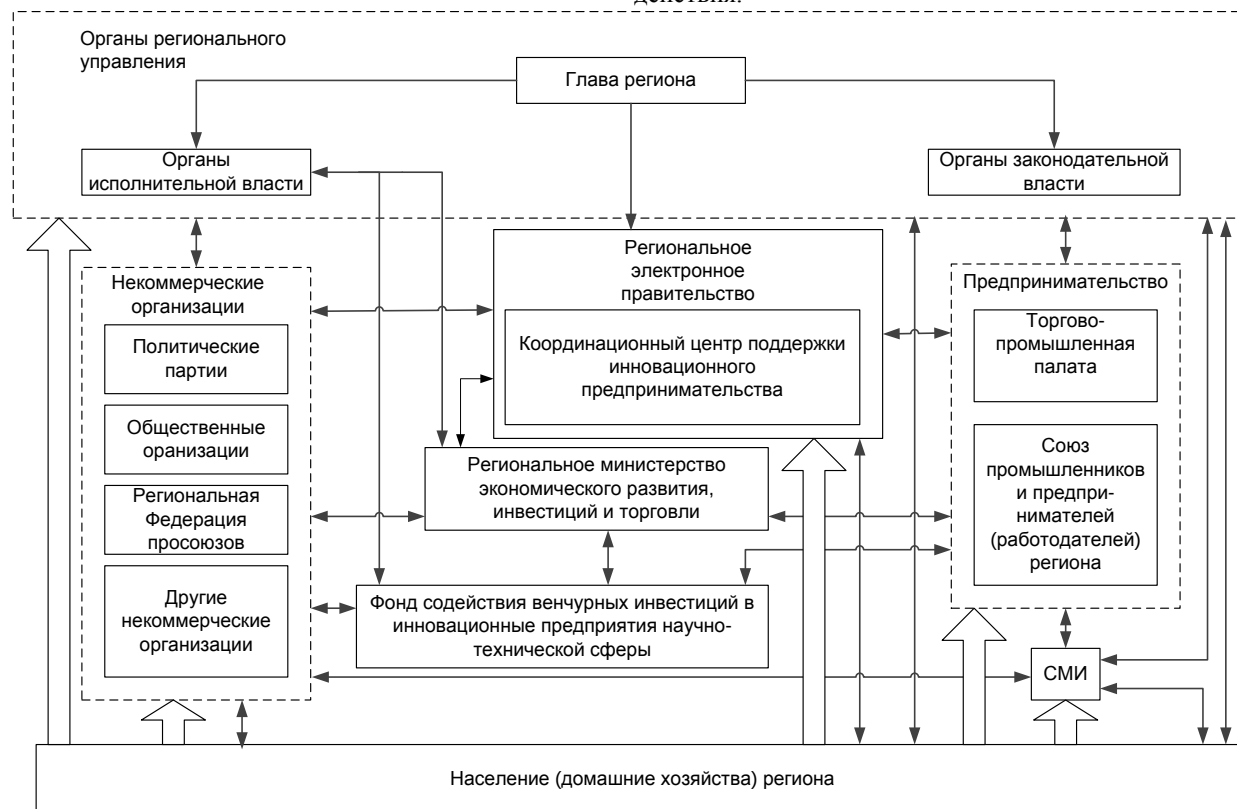

Рис. 2 – Комплексная модель инновационного партнерства власти и субъектов экономических отношений на региональном уровне

Реализация данной модели на практике позволит достичь определенного баланса интересов всех взаимодействующих в регионе сторон на основе партнерства и конструктивного сотрудничества. Создание эффективной системы взаимодействия региональных органов власти, инновационного предпринимательства и населения создаст определенные предпосылки для возникновения востребованного современного ресурса – общественного капитала, способного стать одним из ключевых ресурсов в регионе, определяющим его дальнейшее социально-экономическое развитие.

В основе инновационного партнерства в регионах должно лежать сбалансированное распределение ресурсов, осуществляемое в рамках программно-целевого подхода и реализующее принципы местного самоуправления. При этом на центры инновационного партнерства возлагается функция выработки и согласования основных целей, задач и параметров таких программ, а также осуществление последующего публичного контроля за их реализацией со стороны органов власти и управления.

При этом приоритетность снижения издержек и обеспечение экономической эффективности хозяйствующих субъектов должно быть сбалансировано с нуждами перспективного развития региона, выработкой позиции по отношению к федеральным органам власти и требованиям в области социальной и экономической политики.[4]

Устойчивое экономическое развитие региона напрямую зависит от устойчивости функционирования его корпоративного сектора, поскольку именно бизнес является основой всей региональной экономики.

На современном этапе, в условиях повторяющихся глобальных финансовых кризисов, устойчивое региональное развитие является одной из приоритетных целей государственной политики России. Достижение поставленной цели, на наш взгляд, возможно лишь в комплексном решении задач стимулирования экономического роста, интенсификации инновационных процессов, привлечения инвестиций, повышения конкурентоспособности россий-

ских товаропроизводителей и их продукции, повышения уровня и качества жизни населения в регионе.

Список литературы:

1. Арцер, Т. В. Инновационное социальное партнерство государства, бизнеса и некоммерческих организаций – основа модернизации экономики России [Электронный ресурс] / Т. В. Арцер // Изв. Томск. политехн. ун-та. – 2011. – №6. – Режим доступа:

<http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-sotsialnoe-partnerstvo-gosudarstva-biznesa-i-nekommercheskih-organizatsiy-osnova-modernizatsii-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 15.01.2017).

2. Арцер, Т. В. Социальное партнерство государства, бизнеса и некоммерческих организаций – основа инновационного развития России [Элек-

тронный ресурс] / Т. В. Арцер // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-gosudarstva-biznesa-i-nekommercheskih-organizatsiy-osnova-innovatsionnogo-razvitiya-rossii> (дата обращения: 15.01.2017).

3. Владимиров, М. Областная общественная палата: идеология, технология, практика [Текст] / М. Владимиров, Н. Григорьева, О. Язепова // Управленческое консультирование. – 2003. – № 1 (13). – С. 48-58.

4. Киварина, М. В. Эволюция взаимодействия властных и предпринимательских структур в российской экономике [Текст] : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / М. В. Киварина. – Великий Новгород, 2014. – 348 с.

5. Waddock, S. Building Successful Social Partnership [Text] / S. Waddock // Sloan Management Review. – 1988. – № 4 (Vol. 29). – P. 20.

HISTORICAL SCIENCES

ВОЗВЕДЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ В СМОЛЕНСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ

Ивочкин Д.А.

Кандидат исторических наук, кандидат богословия, председатель Смоленского отделения Союза краеведов России, член Союза писателей России, лауреат Макарьевской премии, Смоленская Православная Духовная Семинария, проректор по научной работе, заведующий кафедрой богословских и церковно-исторических дисциплин.

THE CONSTRUCTION OF THE CHURCHES IN THE DIOCESE OF SMOLENSK IN THE SECOND HALF OF XIX-BEGINNING OF XX CENTURIES

Ivochkin D.

Candidate of historical sciences, candidate of divinity, pro-rector on scientific activity, managing the department of theological and church-historical disciplines of Smolensk Orthodox Theological Seminary, chairman of the Smolensk separation of Union of researchers of a particular region of Russia, member of Union of writers of Russia, laureate of bonus of Metropolitan Macarius

Аннотация

В статье на основании документов Государственного архива Смоленской области впервые произведен подсчет количества храмов на территории Смоленской губернии в 1860 и 1917 гг. Впервые в отечественной краевой историографии осуществлен количественный анализ церквей Смоленщины за два временных периода, показана динамика увеличения храмов. Автор большое внимание уделил числу церквей освященных как в честь главных православных праздников, так и во имя Богородицы и святых. Особое внимание уделяется архитектурным стилям церковных зданий, раскрывается влияние на возведение храмов соседней Белоруссии. Автор приходит к выводу, что на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. в процесс храмостроительства были вовлечены самые разные социальные слои провинциального общества.

Abstract

Article based on the documents of the State archive of the Smolensk region was first produced by counting the number of temples in the territory of the Smolensk Gubernia in 1860 and 1917 Gg. For the first time in domestic fringe Theatre historiography implemented quantitative analysis of churches for two temporary period of Smolenshchina, dynamics of increase of temples. The author of the great attention among churches consecrated as major Orthodox feasts, and in the name of Virgin Mary and the Saints. Special attention is paid to the architectural styles of church buildings, revealed the impact on temples of the neighboring Belarus. The author concludes that during the second half of XIX-beginning of XX centuries. in-process were involved very different social layers of provincial society.

Ключевые слова: Смоленская епархия, храмостроительство, архитектурные стили, освящение церквей

Keywords: Smolensk diocese, building churches, architectural styles, the consecration of churches

Смоленская епархия во второй половине XIX столетия занимала территорию в 49 262 квадратные версты[29, с. II]. Ее границы, окончательно установленные Высочайшим указом императрицы Екатерины II в 1778 г., совпадали с границами Смоленской губернии. Население губернии к 1860 г. насчитывало 1 083 181 человек, проживавших в 12 006 населенных пунктах[Там же, с. XLIII]. Подавляющее большинство народонаселения составляли православные христиане, кроме них были старообрядцы, католики, лютеране, мусульмане[Там же, с. XIII].

В состав епархии входило 12 уездов: Смоленский, Бельский, Вяземский, Гжатский, Дорогобужский, Духовщинский, Ельнинский, Краснинский, Поречский, Рославльский, Сычевский и Юхновский. Уезды, в свою очередь, подразделялись на

благочиннические округа. Смоленский уезд включал в себя градское и три уездных благочиния, Бельский – градское и пять уездных, Вяземский – градское и три уездных, Гжатский – градское и три уездных, Дорогобужский – градское и три уездных, Духовщинский – градское и четыре уездных, Ельнинский – градское и три уездных, Краснинский – градское и три уездных, Поречский – градское и три уездных, Рославльский – градское и четыре уездных, Сычевский – градское и три уездных, Юхновский – градское и три уездных благочиннических округа[31]. К сожалению, в источниках нам не удалось обнаружить количества духовенства и монашествующих епархии в рассматриваемый период.

В данном исследовании нами впервые в краевой историографии осуществлен подсчет количества действовавших на 1860 г. в Смоленской епархии церквей, включая монастырские. Эта – 1860 г.

– нами выбрана в связи с тем, что в 1868 г. Центральным статистическим комитетом МВД был опубликован первый официальный «Список населенных мест по сведениям 1859 года. Смоленская губерния». В этом справочном издании указаны все населенные пункты губернии, включая и села, в которых имелись православные храмы. Однако, на страницах «Списка» нет сведений о том, в честь какого праздника или святого была освящена та или иная церковь. Поэтому нами были проанализированы архивные документы из фондов Государственного архива Смоленской области, публикации «Смоленских епархиальных ведомостей» и другие источники [1; 9; 10; 22; 26; 28; 29; 30; 31; 32].

На основании анализа указанных источников, нами было подсчитано, что в 1860 г. в Смоленской епархии насчитывалось 726 церквей по уездам и 24 монастырских храма, всего 750. В эту цифру нами включены соборные, приходские, приписные, кладбищенские, тюремные и домовые храмы. На территории епархии находилось 11 монастырей (9 мужских и 2 женских) и 1 мужской скит.

Из 750 церквей 462 была каменной, 281 деревянной. Не удалось установить, из чего было выстроено 7 храмов. В Смоленской епархии ко второй половине XIX столетия наибольшим количеством каменных храмов (70) обладал Вяземский уезд. На втором месте (61) находился Бельский уезд. Третье место занимал Смоленский уезд (55). Затем по убывающей размещались Дорогобужский (50), Духовщинский (40), Юхновский (36), Гжатский, Ельнинский, Рославльский (все по 28), Сычевский (27) и Поречский (22) уезды. Меньше всего каменных церквей имел Краснинский уезд (17).

Деревянных храмов больше всего (41) имелось в Рославльском уезде. Затем шел Краснинский уезд (40). Остальные уезды насчитывали от 16 до 27 храмов. Наименьшее количество деревянных церквей (12) было в Вяземском уезде.

Временные рамки возведенных храмов Смоленской епархии в рассматриваемый нами период варьировались от 1080 до 1860 г. В XI столетии был выстроен 1 храм (каменный), в XII – 3 (все каменные), в XV – 1 (каменный), в XVI – 3 (2 каменных и 1 деревянный), в XVII – 19 (12 каменных и 7 деревянных), в XVIII – 404 (230 каменных и 174 деревянных), в первой половине XIX столетия – 319 (214 каменных, 98 деревянных, 7 не определено).

Нами впервые в историографии Смоленской епархии определено количественное соотношение праздников и святых, в честь которых были освящены главные престолы церквей. Господским праздникам было посвящено 224 храма, Богородице – 295, святым – 215. Не удалось определить, в честь какого праздника, иконы или святого было освящено 16 церквей. Приведенные выше цифры показывают, что на первом месте по почитанию в Смоленской епархии находилась Божия Матерь. Второе место занимали Господские праздники, третье принадлежало чтимым святым.

Из Господских праздников (224) количественные показатели были следующими. Больше всего

(58) церквей было посвящено Преображению Господню. На втором месте находился праздник Троицы (39). Третье место принадлежало храмам с престолом в честь Святого Духа (25). Также большое количество церквей имело престол в честь Воскресения Христова (Воскресения Словущего). Их 23. Затем по убывающей размещались престолы, освященные в честь праздников Вознесения Господня (20), Нерукотворного Образа Спасителя (16), Рождества Христова (14), Воздвижения честного Креста Господня (10), Богоявления Господня (10), Сретения Господня (5), Всемиловитого Спаса (2), Входа Господня в Иерусалим (1). Также 1 храм был освящен в честь редкого Господня праздника – «Софии – Премудрости Божией».

Церкви, освященные в честь праздников Божией Матери и Ее икон (295), распределялись следующим образом. Наибольшее количество престолов (61) было посвящено Покрову Богородицы. Второе место занимали храмы, имевшие престольным праздником Успение Богородицы (59). Третье место принадлежало церквям, посвященным Рождеству Божией Матери (45). Затем шли храмы, освященные в честь Благовещения Богородицы (15), Введения во храм (13) и Положения Ризы (2). Из икон Божией Матери, в честь которых были освящены престолы, наибольшим почитанием пользовались Казанский (31), Смоленский «Одигитрия» (27) и Знамение (11) образа Богородицы. Затем шли церкви в честь «Всех скорбящих Радосте» (7), Владимирской (6), Ахтырской (5), Тихвинской (5), «Живоносный Источник» (3), Почаевской (1), Римской (1), Федоровской (1), Балыкинской (1) и Корсунской (1) икон Божией Матери.

Из святых (215), которым были посвящены престолы храмов Смоленской епархии, наибольшим почитанием (87) пользовался святитель Николай, архиепископ Мирликийский. На втором месте находились апостолы Петр и Павел. Церквей, посвященных их имени, насчитывалось 13. Третье место (11) делили пророки Илья, Иоанн Предтеча и великомученик Георгий Победоносец. Большим почитанием пользовались архангел Михаил и мученица Параскева Пятница. Им было посвящено 9 и 8 храмов соответственно. По 4 церкви было освящено в честь преподобного Сергия Радонежского и Всех святых. По 3 храма имели престолы во имя апостолов Иоанна Богослова и Андрея Первозванного, благоверного князя Александра Невского, святителей Митрофана Воронежского и Афанасия Александрийского, великомученицы Екатерины. По 2 церкви было освящено в честь праведного Лазаря Четверодневного, преподобномученицы Евдокии, благоверных князей Бориса и Глеба, Трех Святителей, архидиакона Стефана, великомучеников Андрея Стратилата и Димитрия Солунского, мучеников Иоанна Воина и Флора и Лавра. Наименьшее количество (по 1) храмов имели престолы во имя Зачатия святой Анны, князей Владимира Крестителя и Михаила Черниговского, святителей Иоанна Златоуста, Иоанна Милостивого и Алексия Московского, великомученицы Варвары, преподобных Нила Столобенского, Иоанна Рыльского, Антония

и Феодосия Киево-Печерских, Авксентия и Алексия, человека Божия, преподобных Евфросинии и Мелании, праведных Симеона и Анны, мучеников Никиты Стратилата, Сергия и Вакха, мученицы Дарьи, бессребреников Космы и Дамиана. Кроме того, по 1 церкви было посвящено Смоленским святым – князю Феодору и преподобному Авраамию.

К 1917 г. Смоленская епархия, как и во второй половине предыдущего столетия, занимала территорию в 49 262 квадратные версты, совпадавшую с границами одноименной губернии[30, с. 8]. Население губернии (по данным на 1913 г.) насчитывало 2 110 384 человека[23]. Православных на территории региона проживало 2 036 428 человек, единоверцев 104, старообрядцев 39 575, католиков 11 130, иудеев (включая караимов) 17 960, мусульман 352[Там же].

На основании анализа источников и литературы нами впервые, как и в случае определения количества церквей на 1860 г., было подсчитано, что в 1917 г. в Смоленской епархии насчитывалось 811 церквей по уездам и 33 монастырских храма, всего 844 [1; 9; 10; 22; 26; 28; 29; 30; 31; 32]. По сравнению с 1860 г. видно увеличение количества храмов в епархии. Уездных церквей стало больше на 85 (с 726 до 811), монастырских – на 9 (с 24 до 33), всего церквей стало больше на 94 позиции. Как и при подсчете числа храмов на 1860 г., в общую цифру нами включены соборные, приходские, приписные, кладбищенские, тюремные и домовые храмы. На территории епархии находилось 14 монастырей (10 мужских и 4 женских), 1 мужской скит и 3 женских общины. По сравнению со второй половиной XIX столетия видно увеличение количества обителей и появление монашеских общин. Так, мужских монастырей стало 10 (в 1860 г. их было 9), женских 4 (в 1860 г. – 3), зафиксировано возникновение 3 женских монашеских общин[8, л. 41-42; 25, с. 674; 26, с. 398].

В состав епархии по-прежнему входило 12 уездов, разделенных на благочиннические округа. Клир состоял из 40 протоиереев, 828 священников, 749 псаломщиков[21, с. 23].

Из 844 церквей 575 было каменных, 264 деревянных. По сравнению с 1860 г. заметно увеличение каменных храмов (с 462, на 113) и уменьшение деревянных (с 281, на 17). Это связано с тем, что во второй половине XIX – начале XX вв. происходило не только возведение новых каменных церквей, но и замена ветхих деревянных строений новыми, часто каменными, храмами. Например, в 1896 г. в селе Корсики Рославльского уезда, на средства В.В. Римского-Корсакова (дяди известного композитора) взамен обветшавшего деревянного храма был выстроен каменная церковь, сохранившаяся до наших дней. В том же уезде в 1910-1917 гг., в селе Полуево, был возведен новый каменный Преображенский храм, сохранившийся в руинированном состоянии[19, с. 148, 182]. Подобные процессы происходили во всех уездах Смоленщины[12; 13; 15; 16; 17; 18; 19].

Временные рамки возведенных к 1917 г. в Смоленской епархии церквей варьировались от

1080 до 1917 г. В XI столетии был выстроен 1 храм (каменный), в XII – 3 (все каменные), в XVI – 3 (2 каменных и 1 деревянный), в XVII – 12 (все каменные), в XVIII – 320 (226 каменных и 94 деревянных), в первой половине XIX столетия – 285 (214 каменных, 70 деревянных, 1 не определен), во второй половине того же века – 152 (78 каменных, 71 деревянный, 3 не определено), в начале XX в. – 68 (39 каменных, 28 деревянных, 1 не определен).

Господским праздникам было посвящено 234 храма (больше на 10), Богородице – 331 (больше на 36), святым – 259 (больше на 44). Не удалось определить, в честь какого праздника, иконы или святого было освящено 20 церквей. Приведенные выше цифры показывают, что так же, как и в 1860-х гг., в Смоленской епархии в начале XX столетия по-прежнему на первом месте по почитанию находилась Божия Матерь. Второе место занимали Господские праздники, третье принадлежало чтимым святым.

Из Господских праздников (234) количественные показатели были следующими. Больше всего (60) церквей было посвящено Преображению Господню. На втором месте находился праздник Троицы (37). Третье место принадлежало храмам с престолом в честь Святого Духа (27). Также большое количество церквей имело престол в честь Вознесения Христова. Их 23. Затем по убывающей размещались престолы, освященные в честь праздников Воскресения Христова (Воскресения Словущего) (21), Нерукотворного Образа Спасителя (17), Рождества Христова (14), Воздвижения честного Креста Господня (14), Богоявления Господня (10), Сретения Господня (6), Всемилостивого Спаса (2), Входа Господня в Иерусалим (1). Также по 1 храму было освящено в честь редких Господних праздников – «Софии – Премудрости Божией» и «Спасителя, исцеляющего расслабленного у Овчей купели». Необходимо подчеркнуть, что практически по всем позициям наблюдается увеличение количества освященных престолов в честь Господских праздников.

Церкви, освященные в честь праздников Божией Матери и Ее икон (331), распределялись следующим образом. Как и в 1860 г., наибольшее количество престолов (68) было посвящено Покрову Богородицы. Второе место занимали храмы, имевшие престольным праздником Успение Богородицы (63). Третье место принадлежало церквям, посвященным Рождеству Божией Матери (46). Затем шли храмы, освященные в честь Благовещения Богородицы (17), Введения во храм (11) и Положения Ризы (2). Из икон Божией Матери, в честь которых были освящены престолы, наибольшим почитанием пользовались Казанский (38), Смоленский «Одигитрия» (29) и Знамение (14) образа Богородицы. Затем шли церкви в честь «Всех скорбящих Радосте» (8), Тихвинской (8), Владимирской (7), Ахтырской (5), «Живоносный Источник» (3), Федоровской (2), Иверской (2), Почаевской (1), Римской (1), Балыкинской (1), Корсунской (1), «Троеручица» (1), «Нечаянная Радость» (1), «Споручница грешных» (1), «Утоли моя печали» (1) икон Божией

Матери. По сравнению с 1860 г. заметно увеличение количества не только имевшихся на тот период церквей в честь Богородицы, но и появление икон, в честь которых ранее главные престолы храмов в Смоленской епархии не освящали.

Из святых (259), которым были посвящены престолы храмов Смоленской епархии, наибольшим почитанием (92) по-прежнему пользовался святитель Николай, архиепископ Мирликийский. На втором месте находились апостолы Петр и Павел. Церквей, посвященных их имени, насчитывалось 14. Третье место (15) принадлежало архангелу Михаилу. Пророкам Илье и Иоанну Предтече было посвящено по 12 церквей.

11 храмов было посвящено князю Александру Невскому (увеличилось на 8). Это связано с тем, что в конце XIX столетия, после смерти от взрыва бомбы Александра II, а также после чудесного спасения императора Александра III и его семьи во время крушения поезда 17 октября 1888 г., покровителю царей верноподданные стали возводить храмы-памятники. Так, в 1881 г. в селе Палкино Краснинского уезда был выстроен деревянный храм в память о царе-освободителе [17, с. 118]. В честь князя Александра Невского, в память события 1888 г., в 1892 г. появился один из храмов г. Смоленска, выстроенный как домовая тюремная церковь [14, с. 34-36].

Большим почитанием пользовались великомученик Георгий Победоносец и мученица Параскева Пятница. Им было посвящено 9 и 8 храмов соответственно. Всем Святым было посвящено 5 церквей. По 4 церкви было освящено в честь апостола Иоанна Богослова и преподобного Сергия Радонежского. По 3 храма имели престолы во имя апостола Андрея Первозванного, святителей Митрофана Воронежского и Афанасия Александрийского, великомученицы Екатерины и великомученика Димитрия Солунского, бессребреников Космы и Дамиана, преподобных Нила Столобенского и Алексия, человека Божия. По 2 церкви было освящено в честь праведного Лазаря Четверодневного, равноапостольной Марии Магdalины, святителя Алексия Московского, преподобномученицы Евдокии, благоверных князей Бориса и Глеба, архидиакона Стефана, великомученика Андрея Стратилата, мучеников Иоанна Воина и Флора и Лавра, преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. Появились церкви, посвященные канонизированному в 1903 г. преподобному Серафиму Саровскому. Их 2.

Наименьшее количество (по 1) храмов имели престолы во имя Зачатия святой Анны, Собора 12 апостолов, князей Владимира Крестителя и Михаила Черниговского, Трех Святителей, святителей Иоанна Златоуста, Иоанна Милостивого, Спиридона Тримифунтского, святителей Московских, Тихона Задонского и Феодосия Черниговского, великомученика Пантелеимона и великомученицы Варвары, преподобных Иоанна Рыльского, преподобномученика Авксентия и преподобных Евфросинии и Мелании, праведных Симеона и Анны, мучеников Никиты Стратилата и Трифона, 9

мучеников Кизических, мучениц Софии и Дарьи, бессребреников Флора и Лавра, блаженного Василия Московского. Кроме того, по 1 церкви было посвящено Смоленским святым – мученику Меркурию, князю Феодору и преподобному Авраамиию.

Храмовое зодчество Смоленской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. включало в себя несколько архитектурных типов. Это было связано не только с эволюцией архитектурных стилей, но и влиянием соседней Белоруссии [27, с. 9-67]. К «белорусским уездам» Смоленской губернии относят территорию Смоленского, Духовщинского и Краснинского уездов [12, с. 15]. Выделим наиболее яркие и самобытные формы церковного зодчества Смоленщины, в первую очередь – деревянных храмов. Это связано с тем, что до наших дней на территории региона не сохранилось подобных церквей. Как уже было отмечено выше, к 1917 г. в Смоленской епархии насчитывалось 844 храма. Более трети церквей (320) было выстроено в XVIII столетии, 94 из них были деревянными. Именно в архитектуре данных храмов имелись ярко выраженные черты соседней Белоруссии. Историки архитектуры выделяют два вида храмов: 1) «наподобие амбара» (т.е. в виде четырехугольного сруба); 2) крестообразные церкви с равными по длине ветвями креста и крестовые церкви с вытянутой западной ветвью – базиликальные [33, с. 47-87]. К 1917 г. на территории Смоленской губернии сохранились деревянные храмы охарактеризованных типов в г. Красном, селе Зверовичи Красного уезда, селе Николо-Ядревичи Духовщинского уезда, селе Панском Смоленского уезда. В 1923 г. они были детально изучены заведующим губмузея С.Д. Ширяевым с хранителем музея «Русская старина» И.Ф. Барщевским. Отчет о поездке был опубликован, и благодаря этому мы имеем возможность сделать представление не только об этих храмах, но и обо всех сохранившихся на начало XX века церквях XVIII столетия [Там же].

Первый тип, по мнению исследователей, был наиболее древним. Храмы, выстроенные в этом стиле, напоминали «амбар в четыре углы». За этой терминологией скрывался основной конструктивный прием этих церквей, соорудившихся в виде четырехугольного сруба или клетки. Скорее всего, это были помещения, состоявшие из четверика, увенчанного главой. Материалом для постройки служили бревна или брус. Кровля на церкви крылась гонтом, главы «чешуею». На главах устанавливали железные или деревянные кресты. Колокольни стояли отдельно от храма [Там же].

Второй тип деревянных церквей «белорусской Смоленщины» составляли так называемые «крыжовые церкви», – имевшие в плане крест. Они встречались в нескольких вариантах. Основными различительными чертами каждого варианта являлось число глав и конструкция плана. Большая часть храмов «крыжового» типа представляла церковь с одной главой, пятиглавые церкви сооружались в единичных случаях. Одноглавые храмы завершались главой на восьмерике, помещенном над

центральной частью здания. Вся церковь покрывалась под одну крышу, каждая из ее сторон покрывалась или на три, или на пять скатов. Крыша крылась гонтом или тесом, главы и восьмерики – «чешуей», а под крестом – жостью. Материалом для стен служили «круглый» лес или брусня. Иногда храмы ставились на каменном фундаменте, но в большинстве своем они располагались «на пошве». Все церкви были окружены деревянными ходовыми галереями или папертями на столбах. Колокольни в «крыжовых» церквях устраивались всегда отдельно от храма, чаще всего с западной стороны. Территорию храмов опоясывали ограды из бревен [Там же].

Наибольшую ценность среди изученных С.Д. Ширяевым и И.Ф. Барщевским деревянных церквей «белорусской Смоленщины» представлял Никольский храм села Николо-Ядревичи Духовщинского уезда.

«Главную ценность Никольской церкви <...> составляет цельность сохранившегося здесь ансамбля, начиная от местоположения ее на холме, среди покрытого буйной порослью столетних берез, старого "цвинтаря", обнесенного полуразрушившейся оградой "из круглого лесу" на "лапах", и вплоть до гонтовых кровель и каким-то чудом уцелевшей главки, обитой поседевшей от времени чешуею. К сожалению, этот интересный и благородный памятник смоленского деревянного зодчества находится накануне своей гибели. Признаки разрушения встречаем в церкви на каждом шагу. А жаль. С ним уходит одна из лучших страниц местного прошлого» [Там же, с. 62-63].

Говоря о каменных церквях, используя метод аналогии по дошедшим до наших дней храмам XVIII в., необходимо подчеркнуть, что они были построены или в стиле барокко, или в стиле классицизма. Внутреннее убранство храмов также различалось – иконостасы были как «тябловые» (в древнерусском стиле), так и в стиле барокко. Однако, преобладающим стилем оформления иконостасов церквей епархии в XVIII в. являлось барокко. Это было связано с тем, что главный храм епархии – Смоленский Свято-Успенский кафедральный собор имел великолепный резной иконостас, созданный в 1730-1740 гг. украинскими резчиками во главе с С.М. Трусциким. Схема этого иконостаса была повторена во многих храмах Смоленщины [27, с. 19-20].

Храмы, выстроенные после Отечественной войны 1812 г., в первой трети XIX столетия, принадлежали стилю классицизма. В отличие от композиций второй половины предыдущего века, убранство церквей было подчинено чувству национального достоинства, которое было рождено в Отечественной войне 1812 года. На сохранившихся photographиях и во внешнем виде дошедших до наших дней храмов мы видим иконостасы и украшения стен, соединенные в высокоразвитой форме синтеза архитектуры и скульптуры; в единстве с ними выступают декоративная живопись и прикладное искусство. Иконостасы церквей были вы-

полнены с соблюдением принципов монументальности, простоты и логической ясности художественного образа. Мастеров при оформлении храмов привлекала героика античного мира. Мощь иконостасов была подчеркнута позолоченными колоннами, отдельные элементы приобретали почти титаническое звучание, что создавало впечатление величавости и праздничной торжественности.

Монолитную мощь внутреннего убранства подчеркивала позолоченная лепнина, а также скульптуры. В скульптурных группах можно было увидеть раскрытие идей и представлений, связанных с общественным назначением постройки, в данном случае – церкви. В скульптурах зачастую сглаживалось присущее XVIII столетию чувственное ощущение поверхности предмета, живописность пластического решения. Лепнина, колоннады, рельефы и статуи отчетливо выделялись на интенсивно окрашенном белом фоне иконостасов, а также оштукатуренных расписанных стен. Богатый декор был строго подчинен единому смысловому и пластическому ритму, благодаря чему иконостасы и внутреннее убранство храмов сливались в единый образ [11, с. 328].

Во второй половине XIX в. на Смоленщине стали возводиться храмы в стиле классицизма в запоздалых суховатых формах, а также в так называемом псевдорусском стиле (или русском) [27, с. 44]. Постройки такого типа имелись в городах и монастырях епархии. Например, благодаря пожертвованиям А.А. Глазовой (12 тысяч рублей) в Ордынской Поречской пустыни в 1857 г. был выстроен каменный пятиглавый храм во имя Софии – Премудрости Божией (Глазова после смерти была погребена недалеко от построенного ею собора). Это была почти квадратная в плане церковь, довольно просторная и светлая, с арками и колоннами, с большим куполом [13, с. 80].

Сельские храмы Смоленской епархии второй половины XIX в. имели те же особенности, что и городские. В них наблюдались относительная простота основного объема и сдержанность декора, наличие килевидных завершений в обрамлениях проемов, а также восходящий к XVII столетию силуэт шатровых колоколен [27, с. 45].

Обособленно среди стилизаторских построек стояли четырехстолпные пятиглавые храмы с шатровыми завершениями. Ярким примером такой церкви является сохранившийся до наших дней Успенский собор г. Поречья. Из-за внешней красоты и величественности здания, а также из-за благолепия интерьера и богатой утвари этот храм называли в Поречье «вторым собором», и не только по отношению к местному храму Рождества Богородицы, но и к Смоленскому Свято-Успенскому кафедральному.

«Успенская церковь <...> зданием каменная, одноэтажная, оштукатурена, во всем крепка, величественностью своего фасада и огромностью самого здания во многом подобна Смоленскому кафедральному собору. <...> Все видимое благолепие в храме, вся церковная утварь, на престольные кре-

сты, святые евангелия, ризы на святых иконах, самые иконы, приличные и ценные облачения, одним словом все, что в настоящее время имеет этот храм, приобретено купцом Д.Д. Юдиным. В недавнее время и самый храм обнесен приличной каменной оградой, внутри которой с обеих сторон парадного входа в ограду имеются фруктовые садики, обнесенные деревянной оградой. <...> В настоящее время благолепен этот храм!» [3, с. 1161].

Одним из первых храмов в Смоленской губернии, построенных в стиле эклектики, когда в качестве образца для построек в русском стиле использовались церкви Москвы и Ярославля, стал храм в честь Тихвинской иконы Божией Матери в селе Высоком Сычевского уезда. Эта церковь, воздвигнутая в 1871 г. по проекту Н.Л. Бенуа – непревзойденный памятник русского стиля, «блестящий пример стилизации, основанной на глубоком понимании тектонических основ древнерусской архитектуры» [27, с. 46].

По сравнению с серединой XIX в., когда строительство церквей с одинаковой интенсивностью велось и в городах, и в селах, в конце XIX – начале XX вв. возведение церквей активизировалось на селе. В развитие каменного церковного зодчества периода эклектики и стилизаторства в рассматриваемый период заметный вклад внес губернский архитектор М.Ф. Мейшер. В своих проектах он соединял пространственную композицию ранних петербургских церквей с подчеркнутыми мотивами древнерусского зодчества [Там же, с. 46].

Для возведения храмов и часовен, кроме благословения епархиального архиерея, в конце XIX столетия было необходимо пройти процедуру утверждения чертежей, планов, фасадов и строительных смет в двух инстанциях – Смоленской духовной консистории и Строительном отделении Смоленского губернского правления [4; 5; 6; 7; 8]. Например, владелец села Николо-Ядреевичи генерал-лейтенант Ф.С. Ракеев, желая, чтобы в его имении появился каменный храм, перед смертью завещал на строительство значительную сумму денег. Чтобы выполнить это, вдове генерала Е.П. Ракеевой пришлось продать часть владений. Проект храма разрабатывали Санкт-Петербургские архитекторы с участием итальянских мастеров. 21 марта 1889 г. Смоленская духовная консистория передала в губернское правление смету на возведение церкви, по которой выходило, что для строительства храма необходимо 40 тысяч рублей [5, л. 49].

31 марта заседание Строительного отделения Смоленского губернского правления, рассмотрев смету, приняло решение:

«Рассмотрев проект и смету на постройку каменной церкви в селе Ядревичах Духовщинского уезда, находит проект составленным удовлетворительно, и смету, по проверке младшим инженером Вагаповым, составленной по установленным правилам и узаконениям, и не заключающего в себе никакого излишества – ни в рабочих, ни в материалах, ни в ценности, во всем верной и законной, итог коей составляет сорок тысяч рублей, а потому полагает:

смету сию утвердить, а проект представить на подпись господину губернатору» [Там же, л. 50-50 об.].

Строительство двухэтажной Никольской церкви, сохранившейся доныне, велось в 1892-1894 гг. При возведении храма использовалось около 80 форм кирпича. Так как Ф.С. Ракеев участвовал в Крымской войне 1853-1856 гг. и в память о морских сражениях тех лет, свод потолка нижнего храма выполнен в виде Андреевского флага. Под алтарем нижней церкви находился склеп-усыпальница генерала Ракеева.

Композиция церкви получилась очень живописной и схожей с русским зодчеством XVII столетия. На фасаде здания в особых нишах находилось множество бронзовых икон, которые прихожане накануне праздников начищали до блеска. Территория вокруг храма была замощена булыжником, рядом разбит вишневый сад [12, с. 2009].

Не всегда Строительный комитет позволял возведение нового храма. Так произошло с возведением часовни в поселке Уваровка Гжатского уезда. Поселок Уваровка и деревня Покров принадлежали приходу села Вешки, отстоявшему от них в 7 верстах. Жителям было далеко посещать церковь, особенно весной и осенью в распутицу. Обитатели поселка не раз задавались вопросом о постройке храма или часовни. 16 января 1887 г. духовная консистория направила на рассмотрение и утверждение план часовни, предполагаемой к возведению при станции Уваровке в память императора Александра II. Часовню планировали освятить во имя благоверного князя Александра Невского и во славу Покрова Богородицы. Однако Строительное отделение, изучив проект, нашло, что «проект этот за отсутствием всех технических правил и по безобразию не может быть утвержден» [4, л. 8 об.]. Второй раз с просьбой о построении часовни жители поселка обратились в консисторию в 1889 г. Документы были направлены Строительному отделению, но вновь безрезультатно [5, л. 19-20]. Храм-часовня в Уваровке была построена лишь в 1913 г. в память 300-летия Дома Романовых [24, с. 689-690].

В 1911 г. Святейший Синод опубликовал «Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним» [2]. Это издание было призвано привести к унификации храмовых строений, а также послужить практическим пособием для архитекторов при разработке проектов церквей, в первую очередь, предполагаемых к постройке на селе. Кроме общих чертежей, в атласе есть разрезы куполов, показывающие связь между внешней и внутренней оболочками купола. Атлас содержит 37 проектов каменных и деревянных церквей и часовен разной детализации. Кроме того, в издании помещены проекты иконостасов к различным типам храмов и «Опись иконам», включающая в себя названия икон с указанием расположения того или иного образа в иконостасе. Иконы, входящие в состав иконостасов, а именно: Спасителя, Божией Матери, Тайной Вечери, Благовещения и Евангелистов на Царских вратах, архангелов или архиереев на северных

и южных дверях, храмовый образ предписывалось изготавливать тех размеров, какие определены проектами. Кроме того, атлас регламентировал размеры хоругвей, плащаницы, запрестольных креста и иконы[там же, с. 1].

Несмотря на строгие предписания, атлас все же давал свободу выбора архитекторам и прихожанам. Так, в одном из проектов иконостаса не было предусмотрено места для храмовых икон. Атлас разрешал, если пожелают прихожане, помещать такие образа впереди клиросов или на стенах северного и южного выступов храма. Дозволялось, в случае недостатка квалифицированных мастеров, упрощать декоративные элементы резьбы. Также прихожанам допускалось приспосабливать проекты иконостасов из одного храма в другой, предоставив верующим выбор по их желанию[Там же].

Несмотря на то, что «Атлас» вышел в свет в 1911 г., сравнительный анализ проектов церквей, опубликованных в атласе и фасадов и чертежей, хранящихся в Государственном архиве Смоленской области, позволяет утверждать, что архитекторы, возводившие храмы в Смоленской епархии, придерживались рекомендаций Святейшего Синода, которые, судя по косвенным данным (упоминание о «нормальном чертеже №9» имеется в фондах ГАСО[5, л. 14]), направлялись в епархии задолго до этого. Практически идентичны фасады церквей сел Барятинец и Хорошово Рославльского уезда с проектами атласа №№5, 17, 18 и 19[6; 7; 2, с. 3, 21, 22, 23], сел Вешки и Рождествено Гжатского уезда с проектами №№22 и 32[5, л. 72-74; 7, л. 110; 2, с. 28, 36], села Усвяты Дорогобужского уезда с проектом №24[5, л. 14; 2, с. 28].

Показателен тот факт, что многие проекты были утверждены еще в 1846 г., и на протяжении десятилетий использовались строителями. Например, проект каменной церкви №8 на 750 человек (утвержден 22 октября 1846 г.), использован при возведении Успенской церкви в г. Поречье, выстроенной в 1872 г. [2, с. 8; 13, с. 67-68].

Говоря о возведении церквей во второй половине XIX – начале XX вв., необходимо отметить следующий факт. На протяжении XVIII столетия храмы на территории Смоленской епархии возводили, в основном, помещики, а также купцы[28]. Ситуация изменилась в XIX столетии. В храмоостроительство были вовлечены самые разные социальные слои тогдашнего общества. Например, в Поречском уезде из 30 зданий 14 было возведено на деньги помещиков, 4 – за счет купцов, 10 – на пожертвования прихожан, 2 – на средства, выделенные из казны, 1 – на деньги духовного лица[13, с. 20]. В Краснинском уезде из 40 храмов 26 возведено на деньги помещиков, 10 – на пожертвования прихожан, 1 на средства купца, 3 – духовными лицами[17, с. 20]. В Гжатском уезде из 42 зданий 21 возведено на деньги помещиков, 19 – на пожертвования прихожан, 2 – на средства купцов[15, с. 19]. Подобное явление наблюдалось и в других уездах Смоленщины.

Интересным типом храмов, совмещавшим богослужебную и образовательную функции, являлись церкви-школы. Церкви-школы стали появляться в России со второй половины XIX в. Их открытие находило многочисленных сторонников народного образования и религиозного совершенствования крестьян. Сочувствие к подобным заведениям объяснялось внешними удобствами зданий: в школе имелась комната для богослужений, готовые чтецы и певцы, требовался лишь небольшой расход на пристройку алтаря. Однако уже на первых порах появлений церквей-школ стали обнаруживаться отрицательные стороны соединения храма и школы. Издревле при церквях открывали училища для обучения начальной грамоте детей. Но при этом всегда строго разграничивалось значение начальной школы и Церкви (как организации), и первая всегда стояла в подчиненном отношении ко второй. Церковь была матерью, школа – ее дочерью. Школа являлась училищем детей, Церковь – высшей наставницей и руководительницей к спасению, как детей, так и всех взрослых. Церковь простирала благодатные духовные дары, школа приносила свою пользу Церкви, воспитывая юных ее чад в вере и благочестии. Таким образом, школа приносила свою долю пользы Церкви, но, обязанная своими духовными плодами Церкви, она была одним из орудий, которыми действовала Церковь при исполнении лежащих на ней обязанностей. При учреждении же церквей-школ значительно изменялись внешние условия, в каких стояла Церковь к школе. Храм, находившийся при учебном заведении, не возвышался так в глазах местного населения, как церковь, стоявшая отдельно. Получалось, что молитвенное помещение было как бы в подчиненном положении от школы. Само название церковь-школа могло подать повод к недоразумениям: Церковь как бы приравнивалась к школе и стояла на одной с нею ступени достоинства. Постороннему человеку могло показаться, что Церковь не больше школы. Кроме того, в подобном соединении храм внешне казался зависимым от училища: если бы не было школы, не было бы и храма в той или иной местности. Школа была и лучше, и обширнее храма, церковь же – что-то, не имеющее самостоятельного положения, пристроенное к школе. Наблюдения также показали, что дети, обучающиеся в школе, объединенной помещением с храмом, не могли всегда сохранять серьезного отношения к святости места. Поэтому, согласно определению Святейшего Синода от 18-22 марта 1911 г., церкви-школы допускалось открывать в исключительных случаях при совершенной невозможности возведения отдельного храма в каком-нибудь отдаленном от приходского центра селении. При этом предписывалось составлять планы таким образом, чтобы церковь выделялась в здании как с внутренней стороны, так и с внешней. Кроме того, положение храма в здании должно было занимать главенствующее место, а не ютиться сбоку, как некий придел к школе и быть больше учебных помещений (или хотя бы не меньше). Перегородку, отделяющую молитвенное помещение от школы, предписывалось

украшать иконами. В комнатах, смежных с церковью, не допускалось шумных игр, песен и т.д. Учитель обязывался словом и делом являть детям пример уважения к храму и, пользуясь удобным случаем, напоминать им о святости места. Вновь открываемые церкви-школы приказано было называть по имени престолов, находившихся в них – «Преображенская церковь такого то села со школой». Это поднимало в глазах населения значение храма по отношению к учебному заведению [20, с. 462-463]. В конце XIX столетия, по данным, обнаруженным автором, на территории Смоленской епархии действовало две церкви-школы (села Курьяново и Скугарево Гжатского уезда [15, с. 246, 284-287]).

Подводя итог сказанному, необходимо отметить следующее. В Смоленской епархии с 1860 по 1917 г. произошел заметный рост количества храмов, как в уездах, так и в монастырях. Выросла численность каменных церквей, особенно в сельской местности. Происходила замена деревянных храмов каменными. В процесс храмостроительства вовлекались не только помещики, но и купцы, мещане, состоятельные крестьяне. Многие храмы Смоленщины являлись уникальными произведениями смоленской архитектурной школы, сложившейся под влиянием как европейских мотивов, так и собственных идей. Использование типовых планов, фасадов и чертежей, рекомендованных Святейшим Синодом, не ограничивало местных архитекторов в их деятельности, но давало им возможность творчески переосмысливать предложенные материалы, а излишняя бюрократизация процесса через утверждение проектов в светских и церковных инстанциях не позволяла появляться зданиям неподобающего внешнего вида и неудобной для молящихся планировки. Храмы являлись не только местом для богослужений, но имели и большое эстетическое значение, исполняли просветительскую функцию для жителей Смоленщины, были центром общественно-приходской жизни провинциального общества.

Список литературы:

1. Адрес-календарь Смоленской епархии с историческим и церковно-приходским указателем / Сост. А.В. Санковский. Смоленск, 1897.
2. Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях. Издание Святейшего Синода. – М., 1911.
3. Гальковский Федор, священник. Краткая летопись Успенской церкви города Поречья // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1900. № 23. Отдел неофиц. – С.1161.
4. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2. Оп. 82. Д. 354.
5. ГАСО. Ф. 2. Оп. 83. Д. 308.
6. ГАСО. Ф. 2. Оп. 84. Д. 389.
7. ГАСО. Ф. 2. Оп. 85. Д. 637.
8. ГАСО. Ф. 2. Оп. 85. Д. 997.
9. ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Дд. 1; 2; 3; 3-а; 4; 5; 6.

10. ГАСО. Ф. Р-1544. Оп. 1. Дд. 1334; 1335; 1336; 1337; 1338; 1339; 1340; 1341; 1342; 1343; 1344; 1345.

11. Ивочкин Д.А., Трапезников И.А. Возвращение в Смоленск. Фотоальбом. – СПб., 2015. – С. 328.

12. Ивочкин Рафаил, иеромонах Духовщинская земля: православные храмы. – Смоленск, 2009.

13. Ивочкин Рафаил, иеромонах Поречская земля: православные храмы. – Смоленск, 2007.

14. Ивочкин Рафаил, иеромонах, Трапезников И.А. Утраченные храмы Смоленской епархии: церковь во имя благоверного князя Александра Невского и храм в честь Всех Святых, г. Смоленск // Смоленские епархиальные ведомости. – Смоленск, 2016. №2(89). – С.34-36.

15. Ивочкин Рафаил, иеромонах. Гжатская земля: православные храмы. – Смоленск, 2015.

16. Ивочкин Рафаил, иеромонах. Ельнинская земля: православные храмы. – Смоленск, 2005.

17. Ивочкин Рафаил, иеромонах. Краснинская земля: православные храмы. – Смоленск, 2012.

18. Ивочкин Рафаил, иеромонах. Патриарший Крестовоздвиженский Бизюков монастырь: из истории монашества в Смоленской епархии // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии: ежегодный научный журнал. – Смоленск, «Свиток», 2015. – С. 63-71.

19. Ивочкин Рафаил, иеромонах. Рославльская земля: православные храмы. – Смоленск, 2011. – С. 148; 182.

20. К вопросу о сооружении по деревням храмов-школ // Русский паломник. – 1911, №29. – С. 462-463.

21. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Православие в истории Смоленской земли // Смоленские епархиальные ведомости. – Смоленск, 2000. – №1. – С. 23.

22. Материалы для церковных летописей по Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1871. № 15. Отдел неофиц. – С. 541-577; №18. Отдел неофиц. – С. 661-667; №19. Отдел неофиц. – С. 679-695; №21. Отдел неофиц. – С. 753-766; №22. Отдел неофиц. – С. 771-785; №23. Отдел неофиц. 808-827; №24. Отдел неофиц. – С. 860-870; 1872. №5. Отдел неофиц. – С. 199-213; №8. Отдел неофиц. – С. 329-354; №13. Отдел неофиц. – С. 493-510; 1873. №3. Отдел неофиц. – С. 75-103; №7. Отдел неофиц. – С. 257-276; №8. Отдел неофиц. – С. 314-320; №9. Отдел неофиц. – С. 329-365.

23. Обзор Смоленской губернии за 1913 год. – Смоленск, 1915. Приложение №IX.

24. Освящение храма в поселке Уваровке в память 300-летия царствования Дома Романовых и торжество 500-летия Колоцкого монастыря, Гжатского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1913. Отдел неофиц. – С. 689-690.

25. Открытие Свято-Троицкой Сергиевой обители в Сычевском уезде, недалеко от села Борисоглебского // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1906. № 11. Отдел неофиц. – С. 674.

26. Редков Н.Н. Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской епархии. Выпуск 1. Бельский уезд. – Смоленск, 1915.

27. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Смоленская область. – М., 2001. – С. 9-67.

28. Сперанский И.П. Деятели Смоленского края на пользу Церкви, общественной благотворительности, науки и народного образования // Смоленские епархиальные ведомости. 1899. Отдел неофициальный. С. 792; 831-837; 882-891; 943.

29. Списки населенных мест Смоленской губернии по сведениям 1859 г. – Смоленск, 1863. – С. XLIII.

30. Списки населенных мест Смоленской губернии. – Смоленск, 1904. – С. 8.

31. Список благочиний, с показателем количества причтов при каждой церкви Смоленской епархии. – Б.м., б.г.

32. Трофимовский Н.В. Историко-статистическое описание Смоленской епархии. – Смоленск, 2013.

33. Ширяев С.Д. Деревянные церкви Белорусской Смоленщины с базиликальным планом // Труды Смоленских государственных музеев. Выпуск I. – Смоленск, 1924. – С. 47-87.

ДОСТИЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК САКСКОГО ПЕРИОДА В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

Жансая Кожакан

Магистрант 1 курса, кафедра «Археологии, этнологии и музеологии», факультет «Истории, археологии и этнологии», Казахский национальный университет имени Аль-Фараби

THE ACHIEVEMENTS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AT THE SAKA (SACA) PERIOD IN EAST KAZAKHSTAN

Zhansaya Kozhakhan

Master program's 1st course student, department of "Archaeology, ethnology and museology," faculty of "History, Archeology and Ethnology", Kazakh National University named after Al-Farabi

Аннотация

В данной статье рассматриваются труды известных археологов З.С. Самашева и А.Т. Толеубаева, которые исследовали Восточный Казахстан (Курганы Берел, Шиликти) и внесли невосполнимый вклад в развитие Казахстанской археологии.

Статья представлена в двух частях: Вклад А.Т. Толеубаева в исследовании царских курганов Шиликти, заслуга деятельности З.С.Самашева в археологии.

Abstract

In this article were discussed the works of well-known archeologists Z.S. Samashev and A.T. Toleubayev who has searched East Kazakhstan (Berel and Shilikti mounds) and put in spoke of Kazakhstan archaeology development. They showed that the affinity between the modern generation and Saka culture was proved.

Therefore, the facts in this article are given in two parts: A.T. Toleubayev contribution to the exploration in researching of Shilikti imperial barrows and groundbreaking works of Z.S. Samashev at the archaeological science.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, ранний железный век, Берельские курганы, Шиликтинские курганы, золото, Саки

Key words: East Kazakhstan, Early Iron Age, Berel mounds, Shilikti mounds, gold, Saka

Introduction

Kazakh Altai (by geographical name is the territory of East Kazakhstan Region in the Republic of Kazakhstan) is taking 283.3 thousand square kilometers, is located on the border of the great steppe in Eurasian depth. One more geographical peculiarity of this region is that the continental pole and the geographical center of Eurasia are located here. Altai region has a special value in the ancient history of Eurasia. Because, this cultural and historical region is closely connected with complex processes of human development from the early centuries. Here archaeological facts fully establish that from the primitive communal system to the middle ages archaeological cultures evolved and developed. The ancient history of the region is still coming under review. The facts about East Kazakhstan increased with

new corporeal facts, which were found in the result of last year archaeological excavations in this region. Moreover, it is still unknown which nation, race and tribe is left those thousand artifacts of ancient century. Nevertheless, after archaeological excavations to the significant sites as landing, winter camps, petroglyph, digging places and others from the beginning of the Stone Age to the Turkic Age, it is impossible to have a line on the social structure, economy, beliefs, material culture, even the features of people who build up these antiquities. As noted in the documentary records, we can meet the information about nation of this area in antique authors' works. For example, we can meet the first information about history and culture of East Kazakhstan and Altai areas people in the Herodotus works. By the statements of "The Father of History", BC In the middle of the I millennium Hellenic got about

"Gold preserver Samruk" (Altin qorigan samuriq) about point by point. Many scientists connect it with people who had big gold resource and lived on the Altai mountains. After in the Chinese chronicles BC [1, c. 235].

Informations about triable which lived in the I millennium in the East Kazakhstan area are appearing.

After accepting the national program "Madeni mura" (Cultural heritage) the historical science develops more and more quickly, including archaeological department is completed with new sources.

From the 2003 year A.T. Under the guidance of Toleubayev on the process of excavations in the steppes of Shilikti there were explored several big, medium and little barrows. On the process of research third "Gold man" was discovered and made new conclusion according to the architectural structure of monument, burial traditions of triable of that time, and their world view.

In the modern science there is an opinion that Altai is the place of rotting basis of the "Scythian-Siberia art in the animal style". The Bereket monument is the inimitable, unique piece of art "in the animal style" which formed and developed on the great steppes of Eurasia. In 1997-1999 yy. in Berel which is situated on the top of sacred Altai, under the guidance Z.Samashev who is leading scientist of the archaeological institution named after A.H. Margulan, the international expedition excavations was held.

Aim: To find out the results of archaeological work of barrows which are refer to the East Kazakhstan period and to make an examination to the expedition leaders A.T. Toleubayev and Z.S. Samashev openings.

A.T. Toleubayev's research donation of "Shilikti king fortress"

Shilikti flat is located in the territory of East Kazakhstan region, Zaysan district. Flat about length - 80, width - 30 kilometers is embossed by mountains as Tarbagatai in the south, Sauyr-Saikan in the east, Manurak in the north. The climate is convenient for human life - summer is fresh, winter is warm and snow free.

In the Eurasian heath places where king fortresses, aristocrat barrows are located close to each other occur very rarely. Shilikti flat has over 200 monuments, antiquities of Saka era. Which includes over 50 burying places of aristocrats and kings. The most ancient saka monuments Begins from VIII BC [2, p. 124].

Shilikti barrow was one of the thousand saka burying place which had been numerous robbed by centuries. History of research of Shilikti flat monuments were limited in 70s, but it had forced the pace in new directions in early 2000. Archaeologist and anthropologist Abdeshe Toleubayev was leader of researchers team whose decided to start excavation works in 2003. Expedition participants were scholars, master students, students of Al-Farabi Kazakh National University, East State University named after S.Amanzholov, Semey State University named after Shakarim, Semey State Pedagogical Institution. Local people called №3 burying place as "Baigetobe" and it

turns out as rich place. According to the data from "Madeni mura" 4303 gold jewelery in general was found from this barrow. Even if these golds are just relics from robbing, they are possess a great value in science. Obviously discovered gold jeweleries can not be only treasure and riches. First of all, Shilikti treasure is ancient history Kazakh people. Gold jeweleries is not only adornment, each of them has the meaning and thoughts.

Dug-out barrows of Shilikti burying place has very complex architectonic structure. The big size of monument shows us that buried man was very respectful in society. Scholars suggests: "The king who had governed a people was buried ". Because, barrow was robbed and in spite of this valuable things were found [3, c. 255].

Baigetobe barrow is the sacramental land where the first kings of Saka were buried. The range of barrows beginning is located in the territory of present China. Archaeologists says that this barrow is done by geometric absolute equality. The barrow gathered from ground, which length - 7,9 m, diameter from south to north - 99 m, from east to west - 97,4 m is located in the north of Zhalshi village.

Barrow consist of three layers. The first layer is ground, turf and sand mixed with gravel. The second layer is gathered stone barrow. There is matched grave under stone barrow, which made by pine tree beam. The amazing thing of the monument construction is that beams are retaining after 2500 year away.

The greatest news of history during the big excavation works of "king" barrow was founding grave of "Gold man". 4303 gold things was found from barrow. Among of them were 152 pieces of Asiatic wildcat mask, 36 pieces of eagle-samruk, 20 pieces of deer, 39 pieces of wolves (bear), 1 steel straps five stars (beszhuldyz), 1 clasp in the character of argali. Moreover, there was found 23 pieces in the form of bell, 63 pieces in the form of trachea, 16 gold pieces of angle, 7 pieces of gold wire, 141 pieces pendent as semiballs, 2835 pieces of miniature tags, hangings like bowl, 223 small trachea lines, 743 pieces of circular lines one little nail clasp were found. We can say that all discovered gold jeweleries has high assay value and it is pure gold [5, c. 140].

The most biggest among jeweleries is argali. Scholars says that in the Kazakh history five star (beszhuldyz) jewelery was at no time in the past. Scholars turn attention to special jewelery pendants as bowl. Peculiarity of pendants are welding to each other, nowadays it is impossible to make this jewelery. Because this technology does not exist in the present.

Conclusion of many years research of Shiliktu barrow called as "Baigetobe" is recovering "Gold man" things and honor. As an example were used discovered golds from grave and saved things of Saka-Scythians era barrows from Altai which were covered by litter while recovering of "Gold man".

The whole body, bones of "Gold man" was explored. He was approximately 35-37 years old. His height - 1,79 m, for his era is too tall, he was slim and bones were big. And one peculiarity of "Gold man" from Shilikti has clear bones and his body was nat

damaged, rather than "Gold men" which was found in Berel and Esik, they had broken bones or mark of bullet. Archeologist Toleubayev explained this that: "He is king, politician, governor. He does not participate in war".

In the Abdesh Toleubayev research work which he is making in the Shilikti steppe Saka cultural phenomena in Eurasian steppe and country backgrounds in the Iron Age which was introduced into the scientific revolution could be basis of discussion problems new explanation [5].

The greatest contribution of Z.S. Samashev to the archaeological science.

Archaeologist Zeinolla Samashev told that he became famous during the exploring of human mummy with jeweleries and clothes from the organic material which cannot be saved in the usual barrows at the climate as congelation or hot in the Berel barrow in the Katonkaragay in the middles of 90s, at part of Ukek which enters to Russia and at the Shyngshang in China.

The pointed monuments are situated in East Kazakhstan region in Ktinkaragay area at the 7-8 km from the village Berel to the south-west on the bank of the river Bukhtyrma. The barrow is closed on the north with joint place of Berel and Bukhtyrma river, on the south with the river Kansu and in the west and east with the mountains.

Old burial ground takes 4000x1000 square meters which includes more than seventy barrows from the Saka and Turkic times. Barrows and traditional monuments in the Berel burial ground flocked into some lines and groups which are overstretched from the south-east to the north-west. There can be buried members of tribal alliance who lived here in the second part of 1 millenium BC in every line. The big, middle and little barrows in the line shows that at that time was social groups.

Samashev in 1997 during the excavations in the village Mayamer of the Katonkaragay region with professor of Kazakh National university A. Toleubayev, professor of the Kemerov university Y.A. Sher, French archaeologist A.P. Frankfor and other specialist found Berel flat land on the way to Ukek hill, they chose the biggest and planned to excavate it.

In 1998-1999 the international archaeological expedition under the guidance of Zeinolla Samashev made sensational opening for the Kazakh and world archeology. They found skeleton bones of Saka triable headman and his mother in the burial mound number 11. Also, near the one headman was leather, tender meat and 13 red horses which sacramental tackles are saved perfectly. These are antiquities which add so important contribution to the exploring the ancient history. Excavated barrows during the 18 years after it gave us a chance to describe the great historical-cultural and ethnically processes which were at the end of the IV century - at the beginning of the III century [6, 121 6.].

The beautiful jeweleries and other values related to high quality horse hamess which are made in the special style of ancient nomads which called Scythian-

Siberia animal style and it was found there and become famous to the world.

Before the Saka's culture was very high, if there was an understanding that their jeweleries was made in the animal style was just generally said, then in this research specific things was found.

The main requirement to that year was to eye up barrows, especially their structural constructions and architectural peculiarities, pay special attention to the registration of steppe documents. Because, up to that time in the environs of Altai Mountains the elite big barrows of Pazyryk culture were earlier researched and none of them was correctly dig out, under of them about frozen layer formation mechanism and nature were entrenched some contradiction point of view.

In the Berel burial explored 20 monuments from the 1977 till now, in barrows number 4, 9, 10, 11 the frozen burials was found. The things of aristocrats and Scythian-Siberia which made in the animal style in the Berel burial ground was popular to the whole world. The information that give the frozen barrows in the Berel burial ground is special. In big barrows of Berel burial ground organics, so clothes, horse hamess, wood things, saddle, things which are made of leather and felt appeared according to structure of gathered in a heap materials, monuments around barrow in the result of this frozen by nature and climate appear were saved without dissolve. The methods of natural science were used In the exploration of things which found in Berel burial ground for the first time. According to the results of this researches information about that we can take the DNA of ancient nomads, also about paleoecology, paleozoology and anthropology was get.

Conclusion

It is known that the Altai mountains keep inside many treasures. Many secrets for long years which the Kazakh steppes kept inside, and that secrets on account of program "Madeni mura" (Cultural heritage) are opening each after each.

The archaeological monuments in the Shilikti steppes takes an attention with its largeness, closely amassment in the little area and unusual valuable historical monuments.

During archaeological multi - method research of this area could become possible inspections as geology, polebotany, dendrochronology, zoology and others. Also, this researches about ancient construction volume and complex architectural structures was reason of getting a new ideas. Combined with the excavation works in Shilikti steppe by making a research works on the monuments were entered into the list and certificated from the beginning of the Bronze Age to the Turkic era.

In general, in Berel steppes there are about hundred barrows which belong to ancient Saka and Trukic era. In this science with the name as the Pazyryk culture is part of known ancient Altai civilization. From the 1998 twentieth of this barrows were dig out and exploring nowadays. Some antiquities from them reposit in the National, Central and First President's of th Republic of Kazakhstan. From the 2004 year the Berel burial grounds were included into the national strategic program "Madeni mura" (Cultural heritage),

in 2008 on that place were built "Berel" cultural-museum reserves by the governmental decree. In 2016 the open air museum "Berel" was declared.

The exploring the ancient cultural monuments is very important. Archaeological monuments helps to solve some problems of the nation history, also helps to get acquainted with Kazakh wealth and civilization in the earlier and middle ages.

References:

1. G.A. Stratanovskiy "Gerodot". M., 2002. 438p.
2. A.T. Toleubaev, Zh. Shaiken, G.K. Omarov, U. Umitkaliev, Z. Samashev "Researching of Shilikti mound" report of 2004 year's archaeological researches according to state program "Madeni Mura-2004". – Almaty, 2005
3. A.T. Toleubaev, U. Umitkaliev, R. Zhumataev, G. Irgebaev, B. Kozhakhmetov Results of research №1 kurgan of Shilikti-3 mound. Almaty, 2005
4. Ground design architecture of mound №1 group Shilikty-3// A.T. Toleubaev Problems of Kazakhstan archaeology of Bronze and Early Iron Ages. – P. 193-144. – Almaty, 2013
5. Z. Samashev, G. Zhumabekova, A. Ongar, A. Chotbaev Archaeological research on the burial ground Berel. "Researching of Shilikti mound" report of 2004 year's archaeological researches according to state program "Madeni Mura-2004". – Almaty, 2005. – P. 200
6. «Madeni Mura» (Cultural heritage) National project. <http://www.madenimura.kz/kk/culture-legacy/memorials/> [show date: 14.02. 2017]

CITY CULTURE OF THE MEDIEVAL TOWN SYGANAK IN XI-XVI CENTURIES

Nurtayeva Zh.

*Candidate of Historical Sciences Eganberdiev Myrzahan and master student
Republic of Kazakhstan, Almaty*

Abstract

The scientific work deals with the city culture of Syganak, which located in the middle reaches of the Syr-Darya and was a political, economic and cultural center of East Dashti Kipchak Khanate, and also was the capital of Kipchaks, then Ak Orda, Abulkhair Khanate and Kazakh Khanate. It is known that Syganak had an economic and cultural importance in the Dashti Kipchak steppes and in history of the medieval khanates on the territory of Kazakhstan. The information about the inter-trade relations with other states and cities and cultural development of Syganak were based on the architectural monuments and numismatic materials and also on the medieval writings. In this article were used the results of an annual archaeological expedition of Syganak and the works of scientists from the XIX century until now.

It is spoken in detail about the political, economic and cultural development of the medieval city Syganak in XI-XVI centuries.

Keywords: Syganak, Syr Darya river, medieval city, trade, architectural monuments.

Introduction

Syganak located in the middle reaches of the Syr Darya River, a major trading center, which was known as the city with political significance. The city situated in 1.5 km to the west of the Kyzylorda region, Zhana-korgan district, Sunakata village.

The city was explored in different years by B.A. Kallaur, I.A. Kastanye, A. Yu Yakubovskiy, but they only drew the project. Since the archeological works had begun in Syganak city since 2003 under the direction of Saiden Zholdasbayev.

In the written credentials the city was mentioned as 'Sunah' in the writings "Hudud al Alam" by the Persian author at the end of the X century. According to an extract from the works of A. Yakubovskiy "... there is no reason to doubt that this information is about Signak (Sugnak) [Yakubovskiy]. According to Mahmud Kashgari "Syganak is the city in the Oguz state" [Kashgari], and according to writings by Abilgazy "The city had been surrounded by powerful gates and walls, within inside there were trading houses and other public facilities which were a large settlement in Syrdarya region". The name of the city were mentioned a lot in the chronicles of Karakhan state in XI-XII centuries.

According to the written chronicles, because of the arrivement of Kipchaks, the Oguz tribes had moved to the south-west. And Kipchak Khanate was inhabited in the middle and lower reaches of Syr-Darya. Ibn Ruzbihan described Syganak as a border trade station of Dashti Kipchak, which is popular by its security all over the world. Syganak was a major trading center of Turkestan, and also the farming center by irrigating ditches from the Say-Darya rivers [Ruzbihan].

The famous archaeologist scientist Kemal Akishev called Otyrar as the №1 city, and Syganak as the №2 city [5, c. 207]. The main reason is that Syganak not only a political, economic and cultural center of Syrdarya region, but entire of the East Dasht-i Kipchak steppes. A mention should be made that this article is divided into two large parts. The first part is about the role of Syganak in the political-economic life of the medieval states, and the second part is about the city's cultural and religious life and architectural monuments.

The Medieval City of Syganak as a Center of the Trade

Syganak located in the middle reaches of the Syr Darya River, a major trading center, which was known as the city with political significance. The city situated

in 1.5 km to the west of the Kyzylorda region, Zhanakorgan district, Sunakata village.

The city was explored in different years by B.A.Kallaur, I.A.Kastanye, A.Yu Yakubovski, but they only drew the project. The archeological works had begun in Syganak city since 2003 under the direction of Saiden Zholdasbayev.

In the written credentials the city was mentioned as 'Sunah' in the writings "Hudud al Alam" by the Persian author at the end of the X century. According to an extract from the works of A.Yakubovskiy "... there is no reason to doubt that this information is about Signak (Sugnak) [Yakubovskiy]. According to Mahmud Kashgari "Syganak is the city in the Oguz state" [Kashgari], and according to writings by Abilgazy "The city had been surrounded by powerful gates and walls, within inside there were trading houses and other public facilities which were a large settlement in Syrdarya region". The name of the city were mentioned a lot in the chronicles of Karakhan state in XI-XII centuries.

According to the written chronicles, because of the arrivement of Kipchaks, the Oguz tribes had moved to the south-west. And Kipchak Khanate was inhabited in the middle and lower reaches of Syr-Darya. Ibn Ruzbihan described Syganak as a border trade station of Dashti Kipchak, which is popular by its security all over the world. Syganak was a major trading center of Turkestan, and also the farming center by irrigating ditches from the Say-Darya rivers [Ruzbihan].

The famous archaeologist scientist Kemal Akishev called Otyrar as the №1 city, and Syganak as the №2 city [Akishev]. The main reason is that Syganak not only a political, economic and cultural center of Syrdarya region, but entire of the East Dasht-i Kipchak steppes. A mention should be made that this article is divided into two large parts. The first part is about the role of Syganak in the political-economic life of the medieval states, and the second part is about the city's cultural and religious life and architectural monuments.

The Medieval City of Syganak as a Center of the Trade

Syganak city was the location of caravan routes from the earliest times. It is noted that the trade contributed to the prosperity of the city. The cities which were located in the middle and lower reaches of the Syr Darya River traded with each other from the early period.

Syganak was one of the largest trading centers of the medieval Silk Road in the Turkestan territory. It had a trading connection not only with the Syrdarya cities like Otyrar, Sauran, Turkestan, but as well as the cities of Mauerrannahr like Urgench, Bukhara, Samarkand and others.

The development of trade relations in Syganak were began with the arrivement of Kipchaks (XI c.). The relations of Kipchak rulers with Tekesh Shah of Khorasm contributed to the further development of trade. Syganak became the capital city of the Kipchak Khanate in the second half of the XII century. Kipchaks continued the ancient tradition of Turks and had divided into two wings. The capital of the right wing

was the Sarayshik city which situated in the shed along Zhayik river, while the capital of the left wing was Syganak which situated in shed of Syr-Darya river ([Achinzhonov]. Syganak was not only a trading center, but also an important political and military center as well.

After the Mongol invasion, which occurred from the end of the XIII century, until the beginning of the XIV century Syganak became a political center of White Horde and also the trading and handicrafting were renewed. In the period of ruling of Erzhen Khan in White Horde, he assigned Syganak as the capital and coined money. According to the writing chronicles Erzhen Khan was buried in Syganak [Grekov]. But the exact year of death of Khan is unknown. According to the writing "anonymous of Eskendir" Erzen Khan died in 745. But A.Yu Yakubovski disagreed with this opinion. Because in the coins made by his son Mubarak Khojaly there were written 728 in the tenge. There are 5 coins stored in the Hermitage which were made on the behalf of Mubarak Khojaly. It is noted that there had been written the name Mubarak Khojaly and Syganak city on the coins [Yakubovskiy, 123].

Urus Khan ascended on the throne in the second half of the XIV century. He destroyed the dissociated power and in order to consolidate his authority he coined tenge on behalf of yourself in the Syganak city. There are 11 coins with the name of Urus Khan which stored in the Hermitage, St. Petersburg. The earliest coin was made in 772 by Hijri calenar (1371). There were written that they were made in the New Syganak [Markov]. The coinig money in the Syganak shows the development of trade relations, also that it became an important economic city which ensure trade in the region. It was evidenced by the coins that were made in Syganak which were found during the archaeological excavations of Otyrar. It means that they had a trade connection. However, after the death of Urus Khan, the wars between Tamerlan and White Horde rulers had a negative impact on the development of the Syganak city.

The information about the city is mentioned in the works by Shaibani Khan, Tarih-i Rashidi and others which is mainly about the wars between Kazakh and Uzbek Khanates for the cities near Syrdarya that had lasted about 100 years. During the war for the Turkestan and its near cities Shaibani Khan issued a decree not to trade with Kazakhs, not to let them to come in to Khorezm, but if they do, to strip Kazakh traders. However, this decree has not been executed [Ruzbikhan, 112]. Even during the war between the two khanates in the above cities, especially in Syganak trading hadn't been stopped. A result of the war, which lasted more than a century that Syganak city passed under the Kazakh Khanate and became a political center and one of the largest trading centers, also played an important role in the economy of the country.

There were found about 5 copper tenge (coin) from the excavations carried out until now. One of them were found from the north-western part of the city mausoleum. This copper tenge was made in Bukhara city in 1429 according to its writings. And the remaining three tenge were from Zhoshi generation,

which were made in the tengе palace of Syganak [Zholdasbayev]. This numismatic material evidences of the existence of the tengе palace in the Syganak city and also it is the most important source for the study of social and economic life in the middle reaches of the Syr-Darya.

The following conclusions are drawn that Syganak had connected the East and the West since the Dashti Kipchak Khanate until the Kazakh Khanate and was the main trading center of the medieval towns. The many basic goods from the Central Asian countries like glass, jewelry, handicrafts and horses, and from the China like silk, ceramics, coral, etc. were brought to the city. Syganak was not only economic, but also political and cultural center as well.

The Architectural Monuments of Syganak City

Syganak city which was the political center of the several khanates is known for its architectural monuments. There are a lot of architectural monuments like a mosque-madrassa, mausoleum, Kokkesene monument, various public places, etc. It was confirmed by the results of the archaeological researches.

The Rabat was located opposite the western gate of the north of the city which was found during the excavations of the mausoleum made from the ceramics. The front of the mausoleum was built as a tower. As a result of the excavation of the mausoleum the four rooms were opened. In the first room there were 2 people, while in the second room 3 people were buried. A top of the coffin was built from the bricks [Zholdasbaev, 36].

According to the writings of Ruzbikhan Abilkhayir Khan (1468) was buried in Syganak. He described that Khan's dome was very high and amazingly decorated [Ruzbikhan, 112]. The mausoleum has been founded in the XV century. And it is possible that it was built for Abilkhayir Khan.

In the south-east of the city, during the archaeological research works in 2004 in front of gate the mosque was discovered. The mosque was built of baked bricks, its measure was length of 26 m and a width of 22 m. All 10 rooms have been opened. The mosque had one large and two smaller rooms and also 7 small rooms which are surrounding the rest of rooms. Their size are different. During the excavations under the floor a necropolis was peeled [Zholdasbayev, 29].

Such mosques and madrassas are known from the XI century [Bartol'd]. The structural system of these mosques were fulfilled four different tasks: 1. The great hall in order to read the Koran; 2. The small lecture rooms; 3. The storage rooms in which Holy Quran and other books are stored; 4. A prayer room. The central prayer room of the mosque was the largest main room. It was surrounded by seven rooms. These kinds of mosques were discovered in the process of excavation of the Dandibay Hill near the Otyrar city, which is situated in Bayildir village in 1973.

According to the written records when the city was the center of the White Horde, it was ruled by Erzhan khan, son of Sasybuka. He had enriched the city, many mosques and madrassas, residential premises had been

built under his control [Grekov]. Therefore, this mosque can be built by Erzen Khan.

The archeological project of this mosque is very similar to the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. Their terms of construction are very close, therefore their style of the decoration, details and ornaments are very similar to each other. According to its archaeological materials it was built in the second half of the XIV century. According to the genealogical materials a saint who is well known as Sunak-Ata in the country had lived at the beginning of the XIII century. But according to the Arabic records Sunak-Ata was born after the Mongol invasion in the Otyrar or Syganak. He was an imam of Khoja Ahmed Yasawi [Derbisaliyev]. There is no doubt that in this necropolis had been buried the family of Sunak, but which generation of descendants were buried is unknown. Because not everyone is allowed to have a necropolis near to mosque.

If these necropolis were from the XV century, this time was described as a widespread of Islam in the middle and lower reaches of the Syr-Darya. That is why there were not found any consumer products except the corpse. This mosque became a holy place and pilgrimage shrine in the XVII century.

One of the most famous monuments of medieval architecture in the city is Kokkesene Mausoleum. It is located on 8 km south of the city. The monument from the baked clay which is made as the high-rise towers was built by Mamyshebek for his wife Gulbarchin. The dome of Kokkesene was made as a sharp arrow, which is also had two columns that decorated with the ornaments. [Yakubovskiy, 135]. The walls of Kokkesene were built as similar as a dome of Alasha Khan which had the carpet ornaments made from the ceramics. The mausoleum was built in the era of Oguz-Kipchak, approximately in XI-XII centuries.

The gates of the medieval Syganak is an unique architectural building. The construction of the gates are different from the gates of Sayran and Otyrar. The main platform of Syganak was made from the baked bricks, and has a protruding about 4.5 m, but two towers were made from the broken clay [Zholdasbayev, 2012]. This method was effective to control the area. The gates of Sauran and Otyrar had the bridge poles. While in Syganak such poles were not found.

The architectural monuments of Syganak shows that city had the developed medieval city culture, the crafts and constructions were at the highest level, the religion of the city population was Islam in XI-XVI centuries, and also that the city had a good organized defence system. The mosques and madrassas indicate how the population were well-educated in the religious sphere. The cities like Syganak, Sauran and Turkestan which are located near Syr-Darya, were not only the trading centres, but had a great contribution to the development of education and science as well.

Conclusion

Syganak was one of the trading, cultural and religious centers along with of Syr Darya cities in the Middle Ages. The city is located along the Great Silk

Road which had given an opportunity to have a cultural communication with the cities of neighboring countries.

Despite the fact that the city were subjected to the Mongol invasion, in which almost the entire population were died, the premises were destroyed, Syganak became the major political and economic center of the region again. The main reason was a suitable location of the city. First of all, the city was located along the Great Silk Road, and secondly, the city was bordered with semi-nomadic tribes.

Syganak had an important role in international trade relations. The city was situated in the caravan road between the East Asian countries and China. Its location was at the crossroads of two directions. The first direction was the semi-nomadic tribes from the Dasht-i Kipchak, by crossing Syganak, went to the Central Asia, and the second direction was on the contrary the traders from Central Asia which is went to the Dasht-i Kipchak.

Syganak was a capital city of Kipchak Khanate, White Horde, Abilhayir Khanate and Kazakh Khanate. So, there are a lot of architectural buildings in Syganak. There were built many mosques, madrassas and other ritual and public buildings. It was confirmed by the results of archaeological excavations.

Currently, a large part of the city had been damaged by the construction works. In the center and east part city were damaged by the local population which buried the dead for a long time, and also many farms and roads were built.

In conclusion, a medieval city Syganak was one of the largest trading centers on the Great Silk Road which connected the East and the West. It can be evidenced by *tenge* (coins) which were found during the archaeological researches. According to the writings of medieval authors and the mosques-madrassas and mausoleums which were found in the city indicate that Syganak along with the cities like Sauran and Turkestan which are located near Syr-Darya, was the

cultural and religious centres, and also had developed education and science as well.

Reference:

1. AHINZHANOV, Serzhan (1989) *Kypchaki v Istorii Srednevekovogo Kazakhstana*. Almaty: Nauka. 216-230.
2. AKISHEV, Kemal. (1972) *Drevnyi Otrar*. Almaty: Nauka. 126-128.
3. ABUL-GAZY-BAHADUR-HAN. *Rodoslovnnoe Drevno Turkov*. Moskva: Vostochnaya Literatura. 89.
4. BARTOL'D, Vasilii. (1963) *Istoria Kul'turnoi Zhizni Turkestana*. T.2. Moskva: Nauka. 143.
5. DERBISALIEV, Abilgazy. (1995) *Kazakh Dalasynyn Zhuldyzdary*. Almaty: Rauan. 13.
6. GREKOV, Boris. (1950) *Zolotaya Orda i Ego Podenie*. 3-oe Izd. M-L: Izd. AN SSSR. 42-49.
7. IBN-RUZBIKHAN ISFAHANI, Fazlallah. (1976) *Mihman Name-i Buhara (Zapiski Buharskogo Gostya)*. Moskva: Vostochnaya literatura. 106-112.
8. KASHKARI, Mahmud. (1995) *Tubi Bir Turki Tili (Diwany Lugat At Turik)* Almaty: Hant. 96.
9. MARKOV, Aleksandr. (1896) *Inventarnyi Katalog Musylmanskih Monet Imperatorskogo Ermitazha*. Sankt-Peterburg. 289.
10. TIZENGAUZEN, Vladimir. (1941) *Sbornik Materialov Otnocyashisya k Istorii Zolotoi Ordyy*. T.2. Almaty: Daik-press. 419-427.
11. YAKUBOVSKIY, Arnol'd. (1929) *Razvaliny Sygnaka (Suganaka)*. Soobsh. GAIMK. T.2. M-L: Izd. GAIMK. 123-159.
12. ZHOLDASBAYEV, Saiden. (2010) *Ortagasyrlyq Syganaq Qalasy (VII-XVIII gg.)*, Turkistan: Turan, 11-35
13. ZHOLDASBAYEV, Saiden (2012) 2011 *Zhyly Ortagasyrlyq Syganaq Qalasynda Atkarylğan Arheologiyalyk Zertteu Zhumystary \ Margulanovskie Chiteniya-2012. Materialy Ezhegodnoi Nauchno-Prakticheskoi Konferencii*. Astana. 184-190.

THE FIRST WORLD WAR AND THE MILITARIZATION OF ECONOMY OF SOUTH CAUCASUS

Pahlevanyan K.

associate professor, candidate of history, lecturer of Chair of the World History and its Teaching Methods, Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan, Yerevan

Abstract

During the First World War for the first time in its history Russia faced with the need to mobilize the economy. The demand for regulation of production and distribution for defense interests led to change in forms of economic management.

The article discusses peculiarities of mobilization of the economy of the South Caucasus during the First World War.

Keywords: Russia, South Caucasus, World War, Military-industrial committees, military orders, military industry.

As it was hundred years ago, there is still a huge amount of conflicts - hot points - in our planet. Today, like hundred years ago, the Caucasus region, considered as a crater of people, is a junction of conflicts. The wars taken place in the Caucasus region, contemporary "frozen" and ongoing conflicts make us explore these

wars and conflicts from different professional standpoints. Though a huge work is done due to ongoing researches, the issue of material satisfaction of Caucasian wars is mainly concealed.

Connected to variety of reasons, the specialists didn't touch the issue of uncovering of militarization process of economy of Caucasus during World War I.

In that sense, this article is an attempt to fulfill the skipped pages of the history of World War I.

In military science the term "military economy" is explained as "a specific military-economic system, which includes the production, distribution, exchange (transformation) and consumption of weapons and other subjects of military significance – materially satisfying the activity of armed forces and keeping the protectability of the state, according to its military doctrine" [1, p. 15].

After the declaration of World War I, all Russian state system seemed to initiate the realization of the above mentioned, but over a year, as in the Russian Military Ministry, as in the General staff, no one was thinking about putting the state economy on military rails [2, p. 51]. Even, there wasn't any general mobilization program. This situation entailed considering the first years of the war as "lost years".

Russian military department, foreseeing the needs of weapons and equipments required during the future military activities and based on the military experience of the end of XIX century and the beginning of XX century, was trying to gather appropriate reserves of weaponry, which, as the Military department was thinking, would give an opportunity to realize military operations due to appropriate foreign orders made from time to time, without developing local military industry. Moreover, the idea, that the supply of the army must not depend on private industry, was also in the circulation [3, p. 70]. Meanwhile, in conditions of capitalism and especially of imperialism the main actor in the state economy was private sector.

In the very first year of the war first time during its history Russia faced the necessity of general mobilization of economy. Distribution of weapons, weaponry, equipments, food, drugs for multimillion army was requiring incredible efforts from the state economy.

Existing military reserves expired during the first 4 months of the war. During the same period a huge demand of products of military significance emerged. Such as, at the end of 1914 the quantity of acting Russian army was 6.500.000, and this was in conditions, when the guns where enough only for 4.500.000 [4, sh. 167]. Of course, the economy of Imperial (Tsarist) Russia had a potential to supply the army, but the started war had its influence on all aspects of social-economic life of the society, including the state - entrepreneurship relations [5, p. 16]. In any way, Tsarism was not accepting the idea, that the private sector of the state economy with its industrial potential might participate in the war.

Before the start of the World War Russian main military industry was concentrated in several factories and 6 armories (one of them was in Tbilisi), which were controlled and financed by the Military department [5, p. 37].

The military industry under the state control in the very beginning of the war was not able to persist the tensions of the war. Gradually, all layers of society were realizing the need of total reconstruction of the

state economy and participation of all sectors of economy in this process.

In his turn, neither Nikolas II, nor the Government was aware about of the military potential of the state economy in general (state and private sectors together). There was also no legislation framework for ensuring militarization of economy in case of war. There wasn't any body, which would take the coordination of the process of transferring the state economy into military rails. Whereas, in order to achieve success in the war, using of whole potential of the state and regulation of this process were important for all countries.

Soon after the declaration of the war –18 September 1914 – applying to Sukhomlinov (Vladimir Aleksandrovich Sukhomlinov (1848-1926) held the post of military minister from 1909 to 1915) Russian Commander in Chief suggested including the private metallurgical enterprises in production process of projectiles' orders [6, p. 24]. This was followed by the creation of "The Central Committee of the fuel supply", which had to put regulations in Russian economy during the war. Actually, this was the first body created for militarization of some part of economy including representatives from several interested departments, also the representatives of Mining Industry Union of South of Russia [7, p. 47].

An attempt to put some part of economy on military rails by creation of mentioned body was more or less realized, but, factually, such kind of initiative remained only an attempt, as this body was not able to coordinate all aspects of the state economy.

Understanding the importance of the initiative and suffering from ongoing difficulties of the war, in spring of 1915 the Government put a draft into circulation, whereby a Special Defense Consultation Body and 3 Professional Consultation Bodies for fuel, transportation and coal industries had to be created [8, p. 9]. These consultation bodies were including large entrepreneurs in fields of coal industry, oil industry, and other aspects, like N. N. Iznar, P. O. Khukasov, L. G. Rabinovich, and others.

Actually these consultation bodies were not able to ensure the process of militarization of economy either, as, anyway, during their activity they had to cooperate mostly with private sector. And on the eve of the war, the private sector had an overwhelming participation in the state economy. Nevertheless, in order to regulate the problem, yet in the initial stage of the war the Government had advanced with public opinion and tolerated the facts of creation of several non-governmental organizations by private sector. Moreover, the administrative staffs of some of these organizations were financed by the Government.

"Pan-Russian Union of Zemstvos" and "Pan-Russian Union of Cities", which at the first glance are seemed to be extraordinarily influential among the institutions, had stated to deal with the problems of army distribution, besides their local-regional management and civil issues. Non-governmental organizations and institutions, created and acting in war conditions, such as "Pan-Russian Union for Assistance of Sick and

Wounded Soldiers”, “War Victims Assistance Committees”, started to engage in above mentioned issues, too.

During the war, in certain regions of the empire, conditioned by geographical, political, national, and other issues, certain state and private organizations were especially active in the process of satisfaction of army's needs.

The Caucasian region was distinguished by its specificity: the region was in the front line, the land was rich with national reserves of military significance, was multinational, and full of interethnic contradictions.

Conditioned with above mentioned specific features, according to the direct instruction of Nikolas II the process of militarization of Caucasian economy and satisfaction of army's needs was realizing “The council of the region” led by substitute of Emperor.

As the region was included in the front line, from the very beginning of the war the issue of needs of refugees and the wounded was made by all Caucasian nongovernmental organizations as their main function, and the issue of army needs' supply received a secondary meaning in their activity.

Caucasian regional committees of “Pan-Russian Union of Zemstvos” were created right during the military actions and were actively operating from the first days of their foundation. For example, G. G. Evangulov, an authorized representative of “Pan-Russian Union of Zemstvos”, arriving in Igdir gave doctor Aslanov 2.200 rubles and ordered to found a local committee of Union of Zemstvos [9, sh. 77-82]. Afterwards, by initiative of Evangulov, such committees were founded in Ashtarak, Vagharshapat, Kanaker, as well [9, sh. 77-80, 406-408].

Despite the fact that unlike the Russian (Eastern) front, the Caucasian front was formulated months later by instructions of Emperor's substitute Vorontsov-Dashkov, on August 2 of 1914 in Tbilisi, in the palace of Emperor's substitute a founding session of “Caucasian committee of war wounded people's assistance” was held. Here among the discussed issues “the issue of subjects under the Committee's implementation” should be pointed out. During the founding session the committee set a task for itself to promote the creation of all private and nongovernmental organizations, which would operate within the Caucasus region's borders. At the same time the committee should register the similar organizations and individuals involved in charities acting at the moment. During the founding session a decision about informing the society about the creation of new institution and other technical issues was also made [9, sh. 1-2t.].

A short time later local branches of “Caucasian assistance committee of war wounded people” were opened in Yerevan nahang (state), Kars marz (region), Alexandropol and Akhalkalaki gavar (province), which were mainly dealing with providing assistance to refugees and wounded until the liquidation of the Caucasian front [9, sh. 60-63].

For example, at the request of commander of the fourth Caucasian army corps, General Oganovski, “Caucasian committee of war wounded people's assistance” together with local committee of “Pan-Russian

Union of Zemstvos” organized the purchase of goods for the army from civilian population (animals and other things) under the military agency funds [9, sh. 77-80, 406-407]. Anyway, besides humanitarian aid, these committees were able to provide some amount of products to Russian army.

These non-governmental institutions were encouraged by the Government while they were doing only humanitarian and social activities. But later when they also started to deal with the issues of army supply, complied with many domestic political pressures and faced the program provisions of several political powers.

The time showed, that operating separately under the war conditions those bodies were not able to effectively solve the emerged problems. But even though the mentioned bodies were viable and were cooperating, they were not able to ensure the militarization of Russian economy. Moreover, many of these nongovernmental institutions, having an aim to promote the Government during the war, were gradually delving into the factual state management process, that is why they were not fully accepted by the Government.

In Caucasus like in Russia in general concrete steps were not being made for militarization of economy, and private sector of the economy - the entrepreneurs, were ignored. This refers mainly to ignored potential of representatives of industry and market, actually through whom the replacement of economy into military basis had to be done.

Thus, over a year no practical step was done in respect of militarization of the state economy.

As a result of inability of the authorities to solve the issue of army supplies, in spring- summer period of 1915 in Eastern (Russian) front Russian subdivisions suffered heavy defeats. Russian military department couldn't change the current situation by traditional command methods. Moreover, Russian military ministry was unable to find new solutions. As the chief of staff of the Commander in Chief - General Yanushkevich - exactly described, -: “No science has taught this method - fighting without bullets, guns and cannons, yet” [10, p. 183].

Trying to touch the issue in terms of historical objectivity, it should be mentioned, that the militarization of Russian industry was really a huge and time consuming task, connected to the serious consequences of Russian-Japanese war of 1904-1905 and Russian first revolution of 1905-1907 [11, p. 211].

In the second year of the war, when the reputation of the Russian empire was finally shattered and the Russian society ceded its position in sense of vision of war's victorious final, an important event took place: in May 1915, during the 9th Pan-Russian session of industry and market representatives of private sector of the state economy firstly voiced the idea of necessity to create “Military-industrial committees” in the country. The Russian government and supreme commanding staff of the armed forces, being unable to explain the reasons of war failures and also for prevention of gradually growing disruption between the society and armed forces, welcomed the realization of the idea. Moreover, to some extent also promoted, especially

when already there were precedents in allied countries of Russia - in England and France.

In such military-political situation the regional institutions of those committees started to be formulated in local levels rather quickly.

244 regional and local committees were created across Russia. In Caucasus region such military industrial committees were created in more or less important places - in Tbilisi, Yerevan, Baku, Kars, Batumi, Kutaisi, Alexandropol, Gori, Sukhumi, Nakhichevan, Shushi, Kharakilisa, Elizavetpol, Poti and in other places. On 25-27 July, 1915, during the first congress of Military-industrial committees the Central Military-industrial committee (CMIC) was formulated by leadership of A. I. Gichkov.

Through creation of Military-industrial committees the state authorities were able to make a huge part of the state economy a participant in the issue of military needs' satisfaction, but they were not able to discharge the political tension. Works of the first congress of the same Military-industrial committees were going on under a sharp criticism towards the government [12, p. 93, 95].

Since the creation of CMIC several representatives of Caucasus region were occupying significant places in the institution [13, sh. 5]. For example, among the multimember council of CMIC the representative of Trans-Caucasian military-industrial committee - A. I. Dzyuban, the representatives of military-industrial committee of Baku - D. V. Bryanov, G. G. Kyandjunsev, A. M. Mango were included, too [13, sh. 255-258t.].

It should be noted, that in staffs of both central and regional institutions of military-industrial committees the most influential public actors and entrepreneurs of each region were included. In the Caucasus region municipal Duma took the role of organizer of military-industrial committees.

The central body of military-industrial committees declared, that the committees were nongovernmental organizations created for supplying the army. Representatives of industry and market system, technical intellectuals, representatives of railway management system, zemstvos and municipal Dumas were included in committees' works.

During the first congress of military-industrial committees a decision about involvement of labor representatives in committees' staffs was also made. Labor groups composed of about ten people were formed within each committee, whose election was held through two-round system [14, sh. 40, 42].

The idea of workers' involvement into the committees belonged to Konovalov, who thought, that if they referred to workers' organizations hostilely, eventually they would face the danger of whole Russian industrial system's collapse. As many people believed, the creation of labor groups and cooperation with Russian proletariat should promote the establishment of domestic peace and political stability in the country. In essence, the labor groups should take the role of public appeasers and mediators. Moreover, being involved in staffs of labor committees the workers were allowed to participate in activities of state bodies and in military,

economic management systems, which, as R. Paypsi thought, was "one more phenomenon of indicator of social and political changes in the country" for Russia [15, p. 83].

In contrast to the Bolsheviks, the Mensheviks of South Caucasus adopted a resolution in favor of participation of labor groups in military-industrial committees (during the conference held in Akhali Senaki) [16, p. 162], but under the influence of Bolsheviks' ideas the workers refused to cooperate from the very beginning. Moreover, those labor groups declared about their independence and their own aims and problems [14, sh. 42t.].

The Bolsheviks viewed military-industrial committees and workers' participation in these committees in general from other point of view. Thus, in the article titled "Several thesis" published in the newspaper "Social-democrats" on October 13, 1915, the leader of Bolsheviks - Lenin - wrote: we are against the participation in military-industrial committees, through which we would help the realization of imperialist war. We are in favour of participation in election process only in the first stage of committees' works, and this only for purposes of propaganda.

The works of military-industrial committees boycotted also "Black hundreds", "Monarchists".

After the formation of CMIC an importance for creation of one general regional body for coordination of military-industrial committees' works operating in the South Caucasus region emerged. As a result, on 31 July, 1915 the CMIC division of Caucasus region was formed in Tbilisi, under the leadership of N. F. Rudolf, who was a representative of Caucasian educational district [17, sh. 1t.]. In the founding session apart from the president, 26 other participants were also included in the division. The members of the division were mostly representing all administrative system of the region. For example, from the Tbilisi stock market committee S. K. Sulkhanov and S. P. Manvelyan were included, from the municipal self-government bodies of Tbilisi - G. D. Zhurul and M. A. Jambar, from the Caucasus division of "Pun-Russian Union of Cities" - A. I. KhatISOV and A. I. Mitkevich, from the Caucasus division of "Pun-Russian Union of Zemstvos" - prince M. A. Sumbatov, from the Caucasus military department - General N. I. fon-Rubenean and M. P. Denisenko. The representatives of already formed military-industrial provincial committees of Tbilisi, Erivan, Baky, Elizavetpol, Poti, Kutaisi, the representatives of financial management system of the region [17, sh. 1] and others were also members of the division.

Despite the fact, that the social staff of committees was rather comprehensive, as a rule, they were headed by entrepreneurs. Committee of Moscow was headed by P. P. Ryubushinski, committee of Petersburg - by E. L. Nobel, committee of Baku - by A. O. Khukasov and so on.

Speaking about party-membership of committee members, it should be noted, that representatives of different parties were included in the committees. In this regard, the "Octoberest" Guchkov mentioned, that the committees are not political, but purely practical organizations, were people from different political spheres

were gathered on general basis in order to achieve a unique problem. The fight among them on different political grounds was not completed, but was postponed by the end of the war [18, p. 3]. Caucasian military-industrial committees were more depoliticized in contrast to CMIC and Moscow committee.

In a short period of time the committees started to strengthen their positions in the political management system of the state, periodically criticizing the policy of Russian authorities held in war conditions. For example, in his speech during the second congress of military-industrial committees W.W. Zhukovski was insisting, that the desire of bourgeoisie to participate in mobilization of the state industry was conditioned by the fact that Russian authorities were not able to solve that problem [19, sh. 129].

We are deeply convinced, that the idea and purpose of creation of military-industrial committees were not only the result of noble emotions of patriotism towards the fate of the motherland, but it was connected to the fact, that the private industrial sector of the state was thereafter becoming a participant in distribution of military orders, which was supposing a management of huge finances, too.

It should be noted also, that there were few committees, which immediately started a research of economic situation in their regions right after their formation, before taking their main activity problems. The committees of Caucasian region were some of them, which started massive works in order to identify the military-economic potential of Caucasus region. In a short period of time the Trans-Caucasian military-industrial committee was distinguished from others as one being specialized in researches of minerals in mountainous areas.

Both central and regional organizations of military-industrial committees received their first orders just after their formation- in July 1915. As of 1 March 1916 the amount of money received by CMIC for distribution of primary orders was 194.756.997 rubles [20, p. 4].

Months later after their formation military-industrial committees became a new arena of domestic political conflicts for nongovernmental and political powers of Russian Empire. Even at the end of 1915, when the formation of committees was not complete yet, Nikolas II was receiving letters from different sides of the empire, which were causing concern, as there was thoroughly mentioned about propaganda campaigns realized by the committees in regions instead of their main activity. They were mentioning also, that those political powers –“Teutons” and “left party members” - would be a real danger after the war, too [21, sh. 192].

According to the relevant report of police department “the toleration of committees’ activities had become a threat for security of state order and on this occasion it was necessary to undertake appropriate targeted measures in order to prevent their activity” [22, p. 62].

Under such conditions the orders given to the committees were severely reduced in state level. Adding also the fact, that during the war several intra-governmental representatives – influential officials - were

trying to solve mutual controversies within the committees, at the beginning of 1916 these organizations transformed into political bodies.

It should be mentioned also, that due to their social status the committees couldn’t be inert towards the political life. In a country, living political crisis, any public activity receives political nature. Multiple economic issues, that the committees were trying to solve, were closely interlinked with political issues, and the necessity of their solution was drafted by the logic of development of committee-society-state relationship. This was promoted by the fact, that after dissolution of Duma in September 1915, representatives of different parties, losing the tribune of Duma, started to carry out their activity in non-governmental organizations.

Regulation rules of military-industrial committees were discussed at the Government session on August 4, 1915, and was approved by the emperor on August 27 [14, sh. 17]. Parallely, the activities of creation of new military-industrial committees were going on in new places of the country. Committees were creating even in places, where there were not any industry [23, p. 127].

Touching upon the activity of military-industrial committees created in different regions of the South Caucasus, it should be mentioned, that the committees of that region had several specificities in contrast with committees created in other regions of the Russian empire. That was connected with natural resources of the region and the fact of being located just on the front line.

But, it should be mentioned also, that some committees didn’t do any activity from their creation to their dissolution and remained on paper. For example, on April 22, 1917 Ranovski - a warrant officer of Caucasian manufacture consultation of Trans-Caucasian regional military-industrial committee - applying to the authority by his report No. 17 was representing the results of his research made in Black Sea coastal areas. Representing military potential of Tuapse, Sochi, Gagra, New Athos and Sukhumi regions and measures aimed to satisfy army’s needs, the author noted also, that local military-industrial committee of Gagra existed only on paper, while the region had rather huge potential, which might be used for military purposes [24, sh. 1-4]. At the same time many citizens of Gagra working “for the aim of distribution of army’s needs” were granted a delay on the initiative of the same military-industrial committee.

Totally, as for October 1, 1916, 976.312 people were working in military-industrial committees [25, p. 51, 116].

For evaluation of effectiveness of committees’ activity in Caucasus region, we have compared the results of activities of CMIC and several regional committees with each other. At the same time we have taken into consideration the fact, that being far from the CMIC, the committees acting in Caucasus military district had additional difficulties during the whole period of their activity.

Anyway, in the Caucasus region military-industrial committees were mostly able to solve their tasks. For example, Caucasian military-industrial committees

had signed 28 agreements on amount of 15.289.600 rubles in order to satisfy the basic needs of army, which was 7.7% of total orders of Russian army [20, p. 14]. In order to imagine this amount it should be mentioned, that the main part of those orders had completed the military-industrial committees of Petrograd and Moscow, while military-industrial committees of Ural, Kharkov, which owned the main part of national resources, yielded the military-industrial committees of Caucasus region in terms of realization of orders. (Military-industrial committee of Ural completed 7.3 %, Committee of Kharkov completed 5.7%) [20, p. 14].

Military-industrial committees of Caucasus region mainly realized the following activities for army's needs: purchase of metal, wood, other goods from the population, smoothing of roads and other works. Before Turkey entered into the war a viable military-industrial mobilization system had already been formed in the region, which was viable after the formation of Caucasus front, too. The militarization system of Caucasus economy was destroyed when Russian government gradually minimized the orders and financial contributions given to the committees (started in April 1916). Two months later the committees didn't receive any serious orders [26, sh. 237]. In general, centralizing everything in its hands, the Russian government disorganized the activity of more than 200 committees and the interconnected military-industrial system.

As a result of February Revolution of 1917 the activity of committees entered a new phase. In new political conditions their activity accepted mostly political nature. In 1917 Guchkov mentioned: "We (Military-industrial committees – K. P.) were not revolutionary organizations, when we were created, ...but we became like this... we, as peaceful, active, industrial, though also military-industrial organization, had to include the revolution in the main provisions of our program..." [27, p. 113-114].

After the February Revolution of 1917, in spite of new nature of activity and changes in leading staff, the committees completed certain military orders during the spring-summer period. And when the labor groups - that is to say, the Bolsheviks - took the leadership of committees, they lost their independence and assimilated with other institutions in January 1918.

Summarizing the results of the activities of CMIC and regional committees, it should be mentioned, that those firstly non-governmental, then political organizations, nevertheless, had an important role in hard work of militarization of the state economy. Realizing nearly 17.5% [28, p. 107-108] of military orders, at the same time the committees were able to mobilize the state economic potential, helping the authorities by these volumes. We think, the role of committees and other non-governmental organizations initiating the militarization of the state economy in general is more than we know, whereas not in all cases the results of their activity was recorded or registered. For example, in October 1917 the officials of "Zemgori" were protesting, that in certain military divisions the recipients of ordered goods didn't give any document to the Head Committee, which would clarify the recipient military unit, characteristics of the order and the personality of accepting

official. In the best case a receipt with such inscription was left: "I have received 150 units of complex means of military supply conveyance", and an unclear signature - at the end [29, sh. 161].

The unprecedented rise of quantitative indicators of output in the field of military industry was also the result of committees' activity. If in 1914 the Russian industry was able to produce 100.000-150.000 projectiles per year, in 1915 the industrial capacity reached to 950.000, in 1916 it was 1.850.000 [6, p. 117]. Artillery shell production for Russian light artillery was realized by private enterprises.

The activity of committees in war conditions, whether politicized or depoliticized, was highly appreciated by the Minister of Defense A. A. Polivanov, who mentioned in February 1916, that the quantity of military industrial enterprises producing goods for needs of state defense had increased by 3.5 times compared to the quantity in the beginning of the war, and the production of important measures for defense had increased by 5.5 times, which the Minister of Defense was connecting with the activity of committees [30].

The activity of military-industrial committees was the first attempt towards the state economy's militarization, the peculiarity of which was that the process was realized by non-state organizations.

Reference:

1. «Военная экономика: Теория и актуальные проблемы», Москва, 1999.
2. Данилов Ю.Н., Россия в Мировой войне: 1914-1915, Берлин, 1924.
3. Бескровный Л.Г., Армия и флот России в начале XXв.: Очерки военно-экономического потенциала, Москва, 1986.
4. Russian state military-historical archive (RSMHA), F. 13251, L. 1., C. 148.
5. Кюнг П.А., Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны, Москва, 2012.
6. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны, Москва, 1973.
7. «Вестник финансов», 1915, № 2.
8. «Регулирующие мероприятия государственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны», Пг., 1917.
9. Georgian State Archive (GSA), F. 519, L. 1, C. 47.
10. Поливанов А.А., Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощников. 1907-1916 г., Москва, 1924.
11. Китанина Т.М., Проблема мобилизации промышленности и позиция предпринимателей в годы Первой мировой войны /Экономическая история. Обзорение/, под ред. Л.И.Бородкина, Москва, 2005.
12. Дякин В.С., Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914гг: Разложение третьеиюнской системы, Ленинград, 1988.
13. RSMHA, F. 13251, L. 1. C. 1.

14. Archive of Military-historical museum of artillery, engineering troops and troops of communication (AMHMAETandTC), F. 13, L. 87/1, С. 137.
15. Пайпс Ричард, Русская революция, Книга 1, Агония старого режима, 1905-1917, Москва, 2005.
16. Качарава Ю., Киквидзе А., Ратиани П., Сургуладзе А., История Грузии, Тбилиси, 1973.
17. RSMHA, F. 13251, L. 43, С. 1.
18. «Деятельность Московского ВПК и его отделов 1 апреля 1917 г.», Москва, 1917.
19. RSMHA, F. 13251, L. 1, С. 138.
20. «Статистическая разработка данных о деятельности Главного по снабжению армии комитета, Всероссийского и городского союзов и военно-промышленных комитетов по выполнению плановых заказов военного ведомства первой очереди», Москва, 1917.
21. State archive of Russian federation (SARF), F. 116, L. 1, С. 346.
22. «Известия московского ВПК», 1916, №№ 23-24.
23. Айрапетов О.Р., «Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию (1907-1917).», Москва, 2003.
24. RSMHA, F. 13251, L. 43, С. 8.
25. Герасименко Г.А., Земское самоуправление в России, Москва, 1990.
26. RSMHA, F. 369, L. 1, С. 184.
27. Гучков А.И., Речи по вопросам государственной обороне и общей политике. 1908-1917 гг., Пг., 1917.
28. Юрий М.Ф., Центральный военно-промышленный комитет (1915-1917 гг.), диссертация, Москва, 1981.
29. Moscow Central Historical Archive, F. 1082, L. 1, С. 14.
30. «Утро России», 1916, 10 февраля.

JURISPRUDENCE

COMPARATIVE ANALYSIS OF COLLABORATIVE FOREST MANAGEMENT AND FORESTRY LEGISLATION FOR THE ACHIEVEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS IN CENTRAL ASIA

Kraskovska A.

PhD candidate in Comparative Law and Integrational Processes

Department of Political Sciences "Jean Monnet"

Universita degli studi di Campania Luigi Vanvitelli, Caserta, Italy

Abstract

Countries of Central Asia are very diverse and display a high bio-geographical, socio-economic and cultural diversity. Analysed region is currently in a phase of economic and social transition after deep political disturbances, and experiencing rapid social and economic restructuring, which has significant impacts on all aspects of society including forestry. National forest policy frameworks and instruments underline the role of forest as an integral part of the environment, providing employment, products and services for both domestic consumption and international trade. Favorable policy decisions concerning community forestry management have the potential to promote value chains, rural and community development, and ensure food security with the added bonus of climate change mitigation. Appropriately legislated forest products management and collaborative forest management has a potential to create significant economic benefits for the forest sector and countries' well-being, help to cope with global challenges and achieve sustainable development goals (Agenda 2030).

Keywords: collaborative forest management, forestry framework, sustainable development, forestry governance, environmental legislation/

Introduction. Many rural households are dependent on forests for both environmental and social benefits. The challenge lies in balancing the short term benefits derived from fuel wood for heating and cooking, and the long-term environmental benefits of a healthy forest. Communities also rely on the forest for forest products (berries, nuts, etc.) and require access through the forest areas to reach community grazing lands. And they benefit from environmental services provided by the forest resource, such as prevention of erosion and flooding. The state supports private forest owners' organizations. Support shall take account in particular of organizations operating efficiency [4].

Forests have the status of public resource, which is implemented by ensuring universal access to forests, so that people can use forest functions to meet their own needs. The use of forest resources by any enterprise which raises cattle or sells plants; extracts minerals; organizes tourism, recreation and sport activities or uses forests for specific purposes, is considered to be management.

The forests are the most natural formation natural for centuries inherent to the country's landscape, an essential factor in the balance of the natural environment, conditioning the development of the country. Forest brought through human work that uses the natural forces of nature for the needs of society have become an inseparable part of the present and future of civilization [3].

Methodology. Community (collaborative) Forest Management (CFM) according to the national policy frameworks of countries of Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan) is management of the local community, located directly at the forest or close to it, and includes planning and implementation of forest management (forest protec-

tion, reforestation, afforestation and forest management). Forestry policy frameworks in Central Asia are represented by national policies, programs, plans, strategies and concepts. Policy instruments in the region address the importance and values of forest products, implement regulations on conditions and timeframes of access, harvesting rights, protection of rare and endangered species and include laws, orders, regulations, decrees and rules. National forest policies in analysed countries primarily reflects the high ecological values of forests, including species and landscape diversity, stands of natural structures, etc., the existence of which can help solve the problems of both local and international importance.

Results. Forest management is dependent on forest ownership, planning, permits, fees and monitoring by the Forest Administration. The access and use of forest may be limited and prohibited if it is in the interest of forests and biodiversity protection. In order to ensure maximum benefits from forests, economic valuation of forest functions should be conducted according to purposes. Gaining knowledge about financial value of forest functions which are marketed, such as timber production and production of non-timber products, will be used in identifying priorities for investment in forest management [5]. Forests have next functions:

1. Ecological functions provide: the stabilization of the water cycle, preventing floods, avalanches and landslides, soil protection against erosion and the landscape against desertification, shaping the global climate and local stabilize atmospheric composition and its cleansing, to create conditions for preservation of biological potential of number of species, ecosystems and the genetic organisms and to provide enriching diversity and complexity of the landscape, better conditions for the life and health of the population and agricultural production;

2. Production functions (economic) consisting of: maintaining the sustainability and sustainable use of wood, non-wood forest land recovered from the forest and hunting economy, the development of qualified tourism, profits from the sale of the aforesaid goods and services and involving the creation of jobs and power tax revenues of the state and local budgets;

3. Social functions: formation of favorable conditions for health and recreational facilities for the public, enrich the labor market, serve to create various forms of forest use by local communities, land use degraded and marginal soils, strengthening the defense of the country, serve for the development of culture, education and science.

4. The growth of some forest functions can limit the functions of the other, which creates conflicts between them. At the same time many types of functions of forests complements each other or with each other and the result is variable in space and time.

5. Ecological functions have long term significant economic and social importance. Through the retention and stabilization of the water conditions of the forests reduce the threat and extent of flood damage, periodic water shortages in forestry and agriculture, reducing the risk of fire. By purifying the atmosphere and climate regulation improve the conditions of society.

6. Production functions of forests are expressed mainly produce wood - a renewable, people friendly, ecological raw material which is the basis of many professions, traditions and cultures, extensively used, which determines the development of many industries. Wood binds and accumulated carbon as atmospheric, thereby helping to reduce the greenhouse effect, and is easy to dispose, which is important pro-environmental.

7. Social functions of forests are largely determined by environmental functions and production: a greater variety of natural forests creates more opportunities for their use for social uses providing jobs, the supply of building material, opal, areas of recreation and tourism.

8. Conflictuality functions of forests is expressed in the existing antagonism between intensive use of economic or recreational and ecological some functions as protecting biodiversity, soil protection. The conflict also exists between the use of forests and tourist functions production and environmental (littering the forest, destruction of undergrowth and young trees, increased fire hazard, disturbance of animals, etc.).

Functions of forests are a key element of ecological safety of the country and represent that policy and forest management have a strategic importance, similar to military security, social and energy state, in which forests and forestry also participate [5].

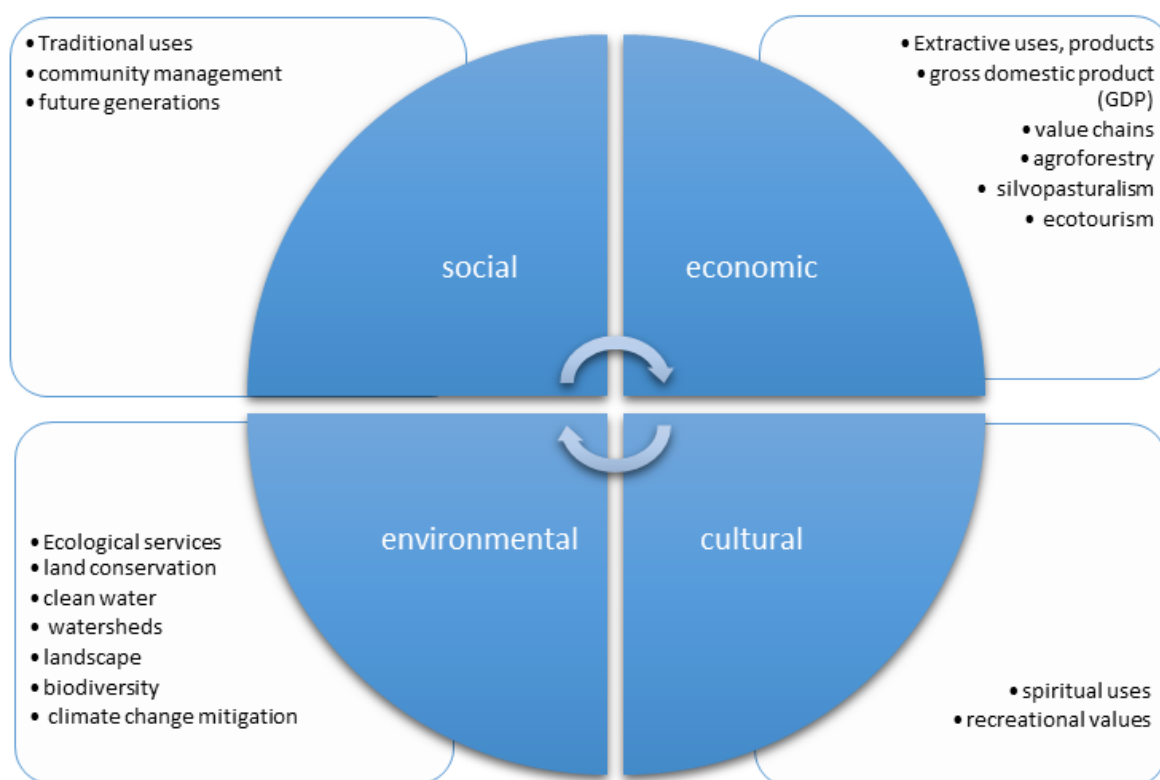

Figure 1. Forest values

The value of forest ecosystem services has not yet being fully understood by society and market-based economies. This lack of understanding endangers the sustainability and balance of global economies leading to wrong policy actions and strategic social choices. It is therefore necessary to improve the decision-making process in national accounting, regulation and fiscal

policy, public and private procurement and government spending, to preserve the value of our natural capital. Improved knowledge of how forests ecosystems work, and the full value of forests services will allow European decision makers to make more relevant choices about how forests resources should be used, managed or allocated, in order to foster sustainable development

and better conservation of forests ecosystems and biodiversity [6].

Through generations forests used to be not only a source of living and recreation, but also respected with

other many functions including protection of the environment. All forests perform particularly water conservation, soil protection, and climate-regulating functions, which are also mentioned in forest policies in most of the countries of Central Asia.

Table 1

Institutional framework of forestry governance in Central Asia

Country	State governing bodies
Kazakhstan	Ministry of Environment, Ministry of Agriculture, Forestry Committee
Kyrgyzstan	National forest Agency, Ministry of Environmental Protection
Tajikistan	National committee of Environmental protection, State Forestry Enterprises
Turkmenistan	Ministry of Environmental Protection, Cabinet of Ministers of Turkmenistan, the authority of the state forest management, local executive authorities and local self-government in accordance with the legislation of Turkmenistan
Uzbekistan	General Directorate of Forestry under the Ministry of Agriculture and Water Resources of the Republic of Uzbekistan and the State Committee of Uzbekistan for Nature Protection

All national forest policies in the countries of Central Asia mention community forestry management as one of the most efficient ways to preserve biodiversity,

forest covered areas and develop economic activities for the population (Table 2).

Table 2

Collaborative forestry management within forest policies in Central Asia

Country	National forest policy	How CFM is mentioned within the policy
Kazakhstan	National forest Policy of Kazakhstan	Forests, as bearers of the various functions, products, utilities and services bringing the economy, social and cultural sphere and ecology tangible benefits, which in total is estimated between 50% and 97% of the total value of each hectare of forest. Initial guidelines for the formation of forest policy are: Community forest resources and utilities for forest industries and consumers, an integrated and sustainable forest management; Equal access to forests and forest resources (excluding protected areas); etc.
Kyrgyzstan	Concept of Forestry development of Kyrgyz Republic till 2025	Concept of forestry sector development is open to the direction of the reforms taking into account the need for a broad involvement of local people in forest management in order to support socio-economic development of regions and preservation of forests through sustainable multifunctional use. The concept of the Kyrgyz forestry sector is based on three building blocks of forest policy "Forest - Man - State". Household functions should be transferred to the private sector, subject to certain technical, socio-economic and environmental conditions that guarantee the sustainable development of forests in the future. Private initiative is absolutely necessary, especially for the creation of industrial plantations of fast-growing zoned commercially valuable tree species in order to reduce dependence on raw materials, in particular for the construction and energy needs. To support the private sector, it is necessary to develop methods for the promotion at the legislative level. Joint management of the forestry sector will be supported as a basis for employment and reduction of poverty.
Tajikistan	Forestry development programme of Tajikistan 2006-2015	Community forest management refers to the various types of processes and procedures, aimed at the integration and collaboration of various partners - public, private and public institutions for the joint definition and implementation of forest management activities on forest management. Since forest is the total wealth of the country, providing various types of use to population, and forest development cycle is very long, much longer than one human generation, the majority of forests should remain in state ownership. Private initiative is also required to perform other tasks such as harvesting, transportation and processing of wood and non-wood forest products, and various expert services.
Turkmenistan	National Forest program of Turkmenistan	Forestry in Turkmenistan is of value as a source of food, medicine and raw materials for the production of dyes, ornamental plants, seeds of various species of plants and is also a major carbon sink - the main greenhouse gas. The forest has indispensable economic, environmental and social significance. The National Forest Policy aims emphasizing the conservation and development of environmental, social and economic properties of forests,

Country	National forest policy	How CFM is mentioned within the policy
		for the benefit of the people and the prosperity of the country. It will create new jobs and will have a positive social effect, leading to a decrease in social tensions, especially in rural areas.
Uzbekistan	Forestry Development Program of Uzbekistan 2016-2026	The main directions of the program are: Increase in institutional capacity and material base of the forestry sector; Development of market mechanisms for development planning and sustainable use of forest resources on the basis of economic evaluation; Development of effective mechanisms to involve local populations in the planning and use of existing forest resources, including leases; Raising the level of education, awareness and public participation in forest management; raising the level of the local population, increasing employment and ensuring social guarantees through participation in the management and use of forests, equitable distribution of benefits arising from the use of its resources. Development of linkages with the market economy includes encouragement of private activities, community forestry management, attraction of private and specialized companies in carrying out productive activities and services in forests and pastures, different governmental promotion measures in the support of forest activities and services, levying of a tariff/tax for the service that forests carry out in the protection of the drinkable water and hydropower watersheds for the erosion control and improvement of the existing forests. Involvement of local actors and users in maintenance and development of forestry takes into account - The importance of supporting the private sector, which has amply demonstrated its capabilities since the privatization of the farm lands with steady increases in production even in the face of uncertainty; - The need to depend on and facilitate private initiative, both in the formal sector and among the rural population, for sector investment because of the decision to realign government roles and capabilities and the limitations of the investment resources available to the State. - The need to recognize that woman plays a critical role in the forestry and pasture management. The strategy intends to take into account the role and potential of women and expand their opportunities to increase their contribution to forestry and pasture sector development.

Case study of community forestry management in Kyrgyz Republic

According to the Concept of Forestry development of Kyrgyz Republic till 2025, for private sector development in the forest industry there is a need to release the entrepreneurs from the water and land taxes in the first years of activity under certain conditions and controls for application of forest management activities. Taxes will depend only on profits from the performance of the activity and the determined level, contributes to sustainable development related activities in the future [4]. Regulation on community forest management in the Kyrgyz Republic n.377 (updated on the 19 October, 2007) states that the radical change in society's attitude towards forests, a sharp increase of their ecological importance, a feature of the territorial forest placing and downward trend in financing forest industry, the high cost of energy and the lack of wood supply from other countries, negative anthropogenic influence in the form of unauthorized felling and unsystematic grazing require setting new goals and directions of development of forestry. For effective forest management, improving the social standards of living, living in the forest area and forest area adjacent to or close to it, to ensure the population's needs in forest products is necessary to attract the population to forest management, reforestation, afforestation, forest protection [2].

Collaborative Forest Management is based on joint work on the implementation of forest management, afforestation, reforestation economic partnerships and companies, families or individual citizens' organization based on kinship and family ties of persons living in compact areas of the State Forest Fund or near it. Collaborative Forest Management contributes to the welfare of the local population, the growth of their consciousness and responsibility for forest resources, as well as strengthening the safety and the implementation of reforestation. Community Forest Management provides a mutually beneficial cooperation of the local population and the state forestry authorities to improve the condition of the forest [4].

The objectives of community forest management is: to contribute to the sustainable use, conservation and protection of forest areas through management of sustainable use, enhance protection from unauthorized felling, fires and other violations of forests, to promote the protection from pests, diseases and other adverse factors; raising the living standards of the rural population, by meeting the population's needs for forest products from sustainably and rational use of forest resources and the exploitation of established plantations; increase forest cover through reforestation and afforestation on for this purpose the state forest fund lands and marginal lands of the State land reserve and land

redistribution fund and private lands not used in agriculture, but suitable for afforestation, through the involvement of the local population; support to local initiatives to establish forest plantations, orchards and nurseries; involvement of local people in forest management. CFM in the Kyrgyz Republic is carried out on the principles:

1. The continued existence of the forest.
2. Sustainability of forests, plantations and gardens: the community forest management, forest land should not be reduced. Management activities should be aimed at the preservation, reforestation and afforestation. Deforested areas arising in the operation of natural and artificial plants, should be restored.
3. Zoning varieties. Plantations and gardens for greater economic effect and quick production should be created of the promising local zoned trees and shrubs that are adapted to the soil and climatic conditions of the area.
4. Conservation and protection of forest plantations. Sent and started forest plantations with CFM need to be protected from fire, from unauthorized

fellings and other violations of forest and protected from pests and diseases.

5. Equality, transparency and justice in the allocation of plots, access to forest areas, CFM should take place, taking into account all stakeholders.

6. Compliance and protection of the property rights of those engaged in community forestry.

7. Participation of persons carrying out CFM planning and forest management: Persons involved in community forestry, have the right to participate in planning and forest management.

8. Payments for planting: Planting material has a price, which is determined by the requirements of supply and demand market.

9. Mutually beneficial: Persons involved in collaborative forest management, silvicultural work carried out in proportion to the amount of income that can be obtained from the use of land.

10. Ensuring state control: state control of condition, preservation, protection, reproduction and use of forest resources on the ground by the relevant forestry [4].

Box 1

Promotion of collaborative forest management in Kyrgyzstan in 2010-2013

Particular project for promotion of forest management with the participation of communities in Kyrgyzstan have been done during 2010-2013. The objective of the project has been to develop, test and disseminate sustainable forest management model with the participation of local communities, based on the traditional ecological knowledge of local communities, as well as leading international experience in the field of sustainable forest management. The project was funded by the Christensen Fund, USA, founded in 1957. Project took place in two forest farms in the south and north of the country. In the district of Batken forestry project covered ayl district of Ak-Sai, Ak Taty and Samarkandek and the National Park "Chon-Kemin" - ayl district of Chon-Kemin and Kok Oirok. *The main activities of the project*

- Assess the needs and expectations of the target communities in respect of their participation in forest management (situational assessment of the village, the community studies of the role of traditional ecological knowledge in the management of forest resources, community mapping forest resources using GIS, survey among forest users, and analysis of the value added chain of timber and other forest resources.

- Organization of the process of developing community-based forest management plan and bio-cultural diversity. A specific tool has been developed for the preparation of the plan of co-management forces the communities themselves. At the same time, technical and organizational support at the stage of development and implementation was provided by experts.

- Implementation of the program of micro projects to facilitate the execution of the plan of community forest management and bio-cultural diversity.

- Implementation of an information strategy, resulting in the spread of project experience among the key stakeholders, to develop recommendations to improve the framework on joint forest management.

Standard agreement on the Community (Collaborative) Forest Management is made for a period of five (5) years, in the case if it becomes a subject to fair and appropriate use of forest areas and meet all conditions of the contract, the contract period can be extended up to 50 (fifty) years.

Collaborative Forest Management is based on collaboration and mutual responsibility of forestry enterprises and individuals engaged in community forestry. The objects of the community-based forest management in the forests are areas of state forest fund, which

are transmitted to persons engaged in community forestry. Woodland areas have the location and boundaries in nature (on ground) and plan (map). The right of use of forest areas for the implementation of community-based forest management is certified by the contract, which is recorded in forestry and in the management of land management and registration of rights to immovable property [1].

Conclusions. Forest sector of the economy the country needs to adapt to the globalization of markets, technological development, and emergence of new

types of wood products, increased competition and tightening environmental requirements.

The knowledge and capacities of the private sector, forestry enterprises and local communities in sustainable harvest, establishment of small-scale collection and processing facilities should be built up, as well as development and implementation of educational programs (primarily personnel involved in the management, protection and conservation) for owners of community and private forests and other forest vegetation, and informing the public about the role of forestry and forestry staff in the community, as well as on the situation in the field of forestry, materials development and promotion of programs to improve the environmental awareness of the population and the creation of a favourable image and prestige of the profession of forestry workers.

There is no doubt that the local population will play an increasingly significant role in the management of natural resources, and therefore, in forest management. Community forestry management in Central Asia has proved to be a powerful driving force for the promotion of sustainable forest management, poverty reduction and the creation of jobs and income for rural communities, but to reveal its full potential will require a lot of support from governments through policy reforms and other measures. Many modes of community forestry can serve as engines of sustainable development, but often still unable to reveal its full potential. When using this approach, local communities come in partnership with governments, to play a leading role in the adoption of land use and forest management decisions on which they depend for their livelihood.

According to the FAO report, "Forty years of community forestry: a review of the scope and effectiveness", almost a third of the area of forest in the world is now under some form of community management. However, in many cases, even if the policy of decentralization and transfer of rights and obligations of the communities, the necessary conditions may be absent in practice, allowing them to fully realize their rights. Access to markets and knowledge of market mechanisms is also essential if communities and small farmers decide to commercialize its forest products that can make a significant contribution to poverty reduction. Community forestry management in Central Asia aims to promote and facilitate:

- biodiversity through active and productive management of selected areas;

- empowerment of the local population, providing them greater responsibility for forest management and an increase in motivation for forest conservation;

- justice, to the extent possible, through the forest management group (looking for opportunities to build traditional systems); and finally

- improve quality of life through sustainable use of resources and the consequent possibility of establishing sources of income.

CFM in Central Asia was introduced in 1998 in the Kyrgyz Republic on a trial basis as a specific form of public participation in forest management. Other forms of individual access to forest resources already exist, but none of them there is no place for a sustainable role of communities in forest management. The resident population is to some extent dependent on the forest products and will be a strong interest in the conservation and management of these resources if they are to benefit from the post-harvest forest products, particularly walnuts; in good years it can become a major source of income. In this way guaranteed long-term access to the forest area would be a strong incentive for people to protect and use the forest as a reliable source is an important aspect of strategies for the extraction of livelihood. It was also believed that the role of communities in forest management should involve participation in planning and decision-making, rather than simply providing labour.

Reference:

1. Achievements of community forestry development programmes in Kyrgyz Republic. Web-source. - Available online: <http://msri-hub.ucecentralasia.org/ru/node/4737>
2. Regulation on community forest management in the Kyrgyz Republic N377 from 27.07.2001. Web-source. - Available online: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/33548>
3. National forest Policy of Kazakhstan. Web-source. - Available online: <http://fhc.kz/index.php>
4. Concept of Forestry development of Kyrgyz Republic till 2025. Web-source. - Available online: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/55272>
5. Forestry development Program of Tajikistan 2006-2015. Web-source. - Available online: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=7010
6. Forestry Development Program of Uzbekistan 2016-2026. Web-source. - Available online: <http://uz-nature.uz/?q=ru/node/156>

**ПРИНЦИПЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ ПРОТИВ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПО УГОЛОВНОМУ
КОДЕКСУ РОССИИ И УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ФРГ**

Серебrenникова А.В.

*доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова*

**PRINCIPLES OF CRIMINAL OFFENSES AGAINST THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND
FREEDOMS OF INDIVIDUALS UNDER THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA AND CRIMINAL
LEGISLATION OF GERMANY**

Serebrennikova A.

*Doctor of Law, Professor of the Chair
of Criminal Law and Criminology of the Law faculty of the Moscow State Lomonosov University*

Аннотация

В статье рассматриваются такие основные уголовно-правовые понятия, как принципы криминализации преступных деяний. В научной работе подчеркивается, что в доктрине уголовного права встречается несколько точек зрения по вопросу принципов криминализации, в том числе предпринимаются различные попытки их систематизировать. Проводя их анализ, автором приводятся примеры по указанному вопросу из УК РФ и уголовного законодательства ФРГ относительно криминализации преступных деяний против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Abstract

This article discusses the basic criminal law concepts as the principles of criminal offences. In scientific work it is emphasized that the doctrine of criminal law there are several points of view on the question of the principles of criminalization, including there have been several attempts to systematize them. Conducting their analysis, the author gives examples on the subject of the criminal code and criminal law of Germany concerning the criminal offences against the constitutional rights and freedoms of man and citizen.

Ключевые слова: РФ, ФРГ, уголовное законодательство, Уголовный кодекс, принципы криминализации преступных деяний против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Keywords: Russian Federation, Germany, criminal laws penal code, the principles of criminal offences against the constitutional rights and freedoms of man and citizen.

В науке уголовного права принципы криминализации определяются как «основные идеи, отправные моменты при осуществлении криминализации, в определенной мере являются гарантией от возможных при криминализации ошибок» [12, с.76].

В доктрине уголовного права встречается несколько точек зрения по вопросу принципов криминализации, в том числе предпринимаются различные попытки их систематизировать.

По справедливому мнению Н.А. Лопашенко, принципы криминализации – это прикладные принципы, в соответствии с которыми устанавливается необходимый и эффективный уголовно-правовой запрет. [8, с.288]

Применительно к нормам УК РФ и уголовного законодательства Германии, устанавливающих уголовную ответственность за посягательства на конституционные права и свободы человека и гражданина, рассмотренные выше принципы полностью реализованы при криминализации общественно опасных деяний, предусмотренных главой 19 УК РФ и в Особенной части УК Германии, а также в иных федеральных законах, содержащих нормы об уголовной ответственности за посягательства на данную группу прав.

Традиционно в любом обществе складывается такая ситуация, что если провозглашаются какие-либо права человека, то почти сразу же другой человек предпринимает попытки нарушить эти права.

В связи с этим уже с конца 40-х гг. прошлого века в германском обществе появились общественно опасные деяния, посягающие на основные права человека и гражданина, к примеру, посягательства на неприкосновенность жилища, которые необходимо было криминализовать. Появление общественно опасных деяний (вредоносных по терминологии германских правоведов) являлось основанием криминализации. Причем ожидаемые положительные последствия криминализации этих деяний превышали ее негативные последствия. Их криминализация не противоречила Основному закону Германии 1949 г., действующему праву и международным соглашениям ФРГ, нормам нравственности, была осуществлена в процессуальном и криминалистических аспектах [9, с.19-26]. Доказательством такой криминализации явилось принятие ряда законов, относящихся к так называемому дополнительному уголовному праву (*strafrechtliche Nebengesetze*) (к примеру, Закон о регулировании публичного права на объединение от 5.08.1964 г., Закон о собраниях и шествиях от 24.07.1953 г., Закон об авторских и смежных правах от 9.09.1965 г. и др.).

Следует согласиться с точкой зрения Н.А. Лопашенко, что в число принципов криминализации следует включать принципы достаточной общественной опасности криминализируемых деяний, их относительной распространенности, возможности позитивного воздействия уголовно-правовой

нормы на общественно-опасное поведение, преобладания позитивных последствий криминализации, неизбыточности уголовно-правового запрета, своевременности криминализации [8, с.288].

Подробно рассмотрим эти принципы применительно к главе 19 УК РФ и нормам УК Германии и германского законодательства, устанавливающего уголовную ответственность за посягательства на конституционные права и свободы человека и гражданина.

Принцип достаточной общественной опасности состоит в том, что криминализируемое деяние должно причинять значительный ущерб охраняемым интересам, быть вредоносным для общества настолько, что требует применения самых строгих мер государственного принуждения [12, с. 78]. С этой точкой зрения, на наш взгляд, можно согласиться, однако следует заметить, что в данном случае можно говорить не только о вредоносности данного деяния для общества, но и, прежде всего, для отдельного человека. Поэтому применительно к германскому уголовному праву, где не используется термин «общественная опасность», данный принцип мог бы быть назван принципом достаточной вредоносности (общественной опасности). Такое общественно опасное деяние приводит к таким вредоносным последствиям, что воздействие на него любыми другими, не уголовно-правовыми методами, является неэффективным и несправедливым.

По мнению большинства российских правоведов, принцип достаточной общественной опасности учитывается законодателем далеко не всегда. Как справедливо отмечает А.И. Коробеев, «в целом УК РФ 1996 г. страдает ... ярко выраженной криминализационной избыточностью» [4, с.10]. Это утверждение является вполне оправданным для главы 19 УК РФ. К примеру, таким примером криминализационной избыточности можно считать ст. 141.1 УК РФ – нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, ... В этой связи А.И. Коробеев обоснованно замечает, что такое деяние является «псевдопреступлением» и что «такие нормы либо не применяются, либо служат препятствием, которое общество различными путями обходит.... Если верно, что практика – критерий истины, то следует признать и то, что массовое неприменение на практике отдельных уголовно-правовых норм означает их несостоятельность, ненужность, криминализационную избыточность» [5, с.111].

В этой связи заметим, что Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. декриминализировал несколько деяний, являющихся такими «псевдопреступлениями», к примеру, заведомо ложную рекламу (ст. 182), обман потребителей (ст. 200), оставление места дорожно-транспортного преступления (ст. 265). Однако такая декриминализация не коснулась преступлений, предусмотренных главой 19 УК РФ. Наоборот, ст. 141.1 была введена в УК не задолго до этого – 4 июля 2003 г. (Федеральный Закон от 4 июля 2003 г. № 94 – ФЗ).

Примером избыточной криминализации в уголовном законодательстве Германии может служить, на наш взгляд, § 23 германского Закона о собраниях. Он пересекается с составами преступных деяний против общественного порядка, предусмотренными в разделе 7 Особенной части УК ФРГ (параграф 140) [11]. Данная норма является специальной, т.к. она устанавливает уголовную ответственность за публичные призывы к участию в запрещенном собрании или шествии. Состав рассматриваемого преступного деяния формулируется следующим образом: «Кто публично, на собрании или путем распространения изданий, звукозаписи или письменных носителей информации, изображений или иным подобным способом призывает к участию в публичном собрании или шествии после того, как компетентным органом было запрещено его проведение или был предписан его роспуск, тот наказывается лишением свободы на срок до одного года или денежным штрафом». В УК РФ подобная норма отсутствует вообще, что представляется нам вполне оправданным. Установление уголовной ответственности за публичные призывы к участию в собрании или шествии, если данные мероприятия были запрещены, означает, по нашему мнению, неоправданное расширение уголовной репрессии. За совершение этих действий более обоснованным представляется установление административной ответственности.

Принцип относительной распространенности криминализируемых деяний подчеркивает необходимость учета при установлении уголовной ответственности за какое-либо общественно опасное деяние его неединичного характера [2, с.117]. По справедливому мнению Н.А. Лопашенко, «деяние, преследуемое в уголовном порядке, не может быть случайным или редким для общества, исключительно в силу сложившихся обстоятельств; и напротив должно быть типичным, повторяющимся в разных условиях» [8, с. 290]. В этой связи Г.А. Злобин заметил, что «возможная повторяемость – необходимое свойство деяния, отнесенного законом к числу преступлений» [6, с.218]. Этим обстоятельством, в том числе, можно объяснить, на наш взгляд, введение в главу 19 УК РФ ряда новых составов со значком прим., к которым относятся ст.ст. 141.1, 142.1, 145.1 УК РФ.

Примером этому может служить введение в УК РФ Федеральным законом от 15 марта 1999 г. ст.145.1, которая предусматривает уголовную ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат в течение срока свыше двух месяцев [10].

Такая же ситуация сложилась в Германии чуть раньше, в начале 80-х гг. прошлого столетия, когда случаи, связанная с невыплатой заработной платы, стали носить неединичный характер и приобрели распространение во многих федеральных землях. Следствием необходимости криминализации такого общественно опасного поведения стало введение в 1986 году в УК Германии нормы, устанавливающей уголовную ответственность за утаивание и

растрату заработной платы (§ 266a).[1, с. 721]. Параграф 266а (Утаивание и растрата заработной платы) по оценке германских правоведов представляет собой специальный случай преступного злоупотребления доверием (§ 266). Абзац данной нормы был изменен Законом от 23.07.2002 г. [15] (О практике применения данной нормы см: BGH wistra 2002 [16, с. 340]).

Принцип возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение предполагает обязательный учет того, сможет ли уголовно правовая норма эффективно бороться с общественно опасными деяниями. При решении этого вопроса также необходимо обращать внимание на степень распространенности общественно-опасного поведения, однако учитывается уже другой аспект этого вопроса. Если деяние распространено повсеместно, является едва ли не нормой поведения для общества, введение уголовной ответственности за него принципиально неверно [12, с. 81]. А.И. Коробеев придерживается точки зрения, что «реализовать в полной мере принцип неотвратимости наказания в случае криминализации подобных деяний будет практически невозможно. Причем из-за чрезмерной их распространенности. А значит, престиж уголовного наказания будет подорван» [3, с. 73]. По справедливому мнению Н.А. Лопашенко, в данном случае «введенный уголовно-правовой запрет должен если не купировать нежелательное общественно опасное поведение субъектов, то хотя бы превентивно воздействовать на отдельных из них» [8, с. 292]. По мнению российских исследователей, в настоящее время названный принцип криминализации не нарушается [12, с. 83], поэтому нами не могут быть приведены какие-либо примеры из УК РФ.

Принцип преобладания позитивных последствий в криминализации имеет в своей основе проведение криминалистических прогнозов, связанных с установлением эффективности данной нормы. Криминализация данного поведения является эффективной только тогда, «когда вред, причиненный применением мер уголовно-правового воздействия за общественно опасное поведение явно меньше того вреда, который причиняется самим этим поведением. ... Поэтому при осуществлении уголовно-правовой политики, криминализация должна производиться только при преобладании в ее результате позитивных последствий» [12, с. 83].

В качестве примера учета принципа преобладания позитивных последствий в криминализации можно привести § 202а, о действиях, направленных на получение информационных данных, который был введен в УК ФРГ Вторым законом о борьбе с экономической преступностью от 15.05.1986 г. [14]. Введение данной нормы было обусловлено, прежде всего, развитием компьютерных техники и технологий в Германии и появлением в связи с этим нового способа совершения преступлений.

Принцип неизбыточности уголовно-правового запрета состоит в совокупности из двух факторов: соответствие объемов уголовно-правового

запрета и, прежде всего пределов наказания, которое может быть назначено за преступное деяние, характеру и степени общественной опасности проявления – запрет должен быть не слишком мягким, не слишком жестким, но справедливым, и исключение возможного дублирования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за конкретное общественно опасное поведение [12, с. 85].

Примером такой своеобразной избыточности уголовно-правового запрета, на наш взгляд, может быть § 201а, устанавливающий уголовную ответственность за нарушение особо личной сферы жизни посредством фотографирования. Данная норма была введена в УК Германии 36-м Законом об изменении уголовного права от 30.07.2004 г. (BGBl. I S. 2012).

Нам представляется, что достаточно было бы внести в § 201 УК Германии, в котором устанавливается уголовная ответственность за нарушение конфиденциальности слова, такой криминообразующий признак, характеризующий способ совершения преступления, как фотографирование человека, находящегося в квартире или в другом особо охраняемом от постороннего доступа помещении.

Принцип своевременности криминализации означает, что криминализация должна проводиться именно тогда, когда появилось ее основание – общественно опасное поведение [12, с. 88]. Такое поведение должно быть криминализировано в возможно короткие сроки. По мнению В.В. Лунеева, криминализация в России часто может запаздывать, причем речь идет об «избирательном запаздывании». «Особенно тогда, когда возведение того или иного поведения в ранг преступления нежелательно для определенной части политической, экономической и правящей элиты» [7, с. 107].

Примером такого запаздывания в криминализации может служить, на наш взгляд, введение в УК РФ только в 2003 г. ст. 141.1 УК РФ (нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, избирательного блока, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума). Несмотря на то, что в доктрине уголовного права нет единодушной положительной оценки данной новации УК РФ, криминализацию данного общественно опасного поведения нельзя признать своевременной. На наш взгляд, это норму необходимо было ввести уже в УК 1996 г., т.к. в России на тот период нередко вскрывались факты, связанные с нарушением порядка финансирования избирательной кампании, однако, эти действия не были преступными.

Примером своевременной криминализации может являться, на наш взгляд, введение Первым законом о реформе уголовного права от 25.06.1969 г. в УК Германии новой редакции раздела 11 Особенной части [13].

В заключении хотелось бы отметить, что еще в 80-е гг. прошлого века вполне обоснованно было отмечено, что объем и характер криминализации посягательств на права граждан тесно связаны с объемом и характером законодательно – прежде

всего конституционно - закрепленных прав граждан. По мере развития общества шел закономерный процесс расширения и обогащения прав и свобод граждан, укрепления реальных гарантий их осуществления. Поэтому законодательное закрепление составов преступлений, предусмотренных главой 19 УК РФ и в уголовном законодательстве Германии, напрямую зависит от объема и характера законодательно, прежде всего, конституционно, закрепленных, прав и свобод человека и гражданина. Появление в УК РФ 1996 г. главы 19 стало закономерным следствием принятия Конституции РФ 1993 г.

Список литературы:

1. Второй закон о борьбе с экономической преступностью от 15.05.1986 г.//BGBI. 1 340
2. Кладков А.В. Реализация принципа справедливости в уголовном праве. Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы// Москва, 2003.
3. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации// Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 1987.
4. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: проблема обоснованности запретов в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г./Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации// Саратов, 2002.
5. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и декриминализации в новейшем уголовном законодательстве России. / Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции и взаимовлияние. Под ред. Н.А. Лопашенко// Саратов, 2004.
6. Кудрявцев В.Н, Дагель П.С., Злобин Г.А., Келина С.Г., Кригер Г.Л., Минаева Т.И., Яковлев А.М. Основания уголовно-правового запрета//Москва, Наука, 1982.
7. Лунеев В.В. Правовое регулирование общественных отношений – важный фактор предупреждения организованной и коррупционной преступности. // Москва, Государство и право, 2001, № 5..
8. Лопашенко Н.А. . Основы уголовно-правового воздействия, уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика// Санкт Петербург, 2004.
9. Серебренникова А.В. Система Особенной части УК ФРГ. Диссертация кандидата юридических наук// Москва, 1996.
10. Собрание Законодательства Российской Федерации. 1999. № 11. Ст. 1255.
11. Уголовный кодекс ФРГ, перевод Серебренниковой А.В.// Москва, Макс Пресс, 2001.
12. Энциклопедия уголовного права, Том 1 Понятие уголовного права // Санкт Петербург, 2005.
13. BGBI. 1969 I S. 645.
14. BGBI.1986 I S.721.
15. BGBI. 2002 I S. 2787.
16. BGH wistra 2002.

PEDAGOGICAL SCIENCES

КРИЗИС ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ

Алексеева О.В.

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и методики дошкольного и начального образования
Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут*

CRISIS OF EDUCATION AND TRAINING OF TEACHERS OF THE PROBLEM

Alekseeva O.V.

*Ph.D., assistant professor of theory and methodology of preschool and primary education
Surgut State Pedagogical University*

Аннотация

Современная система образования переживает глобальный кризис, причины которого ей неподконтрольны. Но мы можем смягчить последствия кризиса за счет послевузовского образования. При этом надо учитывать особенности андрагогики: самостоятельность взрослого как обучающегося, необходимость организации коллективной деятельности при равноправном партнерстве, необходимость сочетать когнитивно-ориентированное обучение на начальном этапе с деятельностью-ориентированным на основном и личностно-ориентированным на заключительном этапе обучения.

Abstract

Modern education system is going through a global crisis, the causes of which are beyond the control it. But we can mitigate the effects of the crisis at the expense of post-graduate education. Thus it is necessary to consider features of andragogy: the independence of the adult as a learner, the need for collective action with the equal partnership, the need to combine cognitive-based learning at an early stage with the action-oriented and mainly personal-oriented at the final stage of training.

Ключевые слова: кризис образования, андрагогика, профессиональная редукция, личностно-ориентированное обучение, самопроектирование.

Keywords: the crisis of education, andragogy, professional reduction, personal-oriented learning, self-projecting.

О кризисе современного образования писали давно и много как в России, так и на Западе. В западной постмодернистской социологической литературе этот кризис обычно связывают с формированием в результате неолиберальной политики властей «общества риска». Термин этот получил права гражданства в социологии благодаря известной работе немецкого социолога Ульриха Бека «Общество риска», вышедшей в ФРГ в 1986 году.

Особое внимание У. Бек уделяет кризису системы образования. Социальные причины этого кризиса он связывает, прежде всего, с ситуацией на рынке труда: «Образовательная система уступила свою реальную распределяющую функцию отделам кадров предприятий и их начальникам, а общественный контроль за распределением шансов в образовательной системе сведен к негативному отбору с целью незаконного лишения шансов» [3, с. 226]. Роль вузов изменилась, так как их диплом перестал быть гарантией престижной работы по специальности. «Диплом об образовании ничего более не сулит, но он по-прежнему и даже более, чем когда-либо, есть условие, могущее предотвратить грозящую безнадежность» [3, с. 229], - пишет немецкий социолог. Результатом становится формальное отношение студентов к обучению: «...осознавая обесценивание содержательных квалифика-

ций, человек стремится лишь к формальному завершению образования как к страховке от грозящего падения в бездну безработицы» [3, с. 229]. А на рынке труда, по словам У. Бека, происходит рефеодализация шансов и рисков, особую роль начинают играть такие признаки, как пол, возраст, здоровье, мировоззрение, манера держаться, связи и т. д. [3, с. 229].

Развитие постмодернистской концепции «общества риска» мы можем найти в работе видного британского социолога Зигмунда Баумана «Индивидуализированное общество», написанной в самом конце прошлого века. Британский социолог считает, что в основе развития общества и культуры до недавнего времени лежало напряжение, возникающее между осознанием краткости собственной жизни и стремлением приобщиться к какой-либо более долговременной социальной реальности [2, с. 4]. Но современное общество разрушает связь индивидуального и социального [2, с. 7]. Новыми силами управления становятся ощущение риска и разъединение людей [2, с. 15]. Важнейшим орудием формирования ощущения риска и социального разъединения стала угроза безработицы, нестабильность трудовой карьеры: «Согласно последним подсчетам, молодого американца или американку со средним уровнем образования в течение их трудовой жизни ожидают по меньшей мере

одиннадцать перемен рабочих мест, и эти ожидания смены точек приложения своих способностей наверняка будут нарастать, прежде чем завершится трудовая жизнь нынешнего поколения. Лозунгом дня стала «гибкость», что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переход к работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий, но лишь до «очередного уведомления» [2, с. 29-30]. В кризисе оказывается и система образования, т. к. жизненный успех зависит от той скорости, с которой люди расстанутся со старыми привычками, а не от скорости приобретения новых. Университеты все меньше являются тем местом, где приобретаются и теряются репутации. Известность заменяет собой славу и научные дипломы. Формирование устойчивой идентичности уже больше не является целью образования [2, с.158-185].

В то же время развитие современных технологий требует наличия инициативных и креативных работников. Эта проблема поднимается, в частности, в работе современного американского социолога Ричарда Флориды, посвященной так называемому креативному классу. Американский социолог отмечает рост значения креативности для развития современной наукоемкой экономики, а так же то, что «...капитализм втянул в свою орбиту таланты различных групп эксцентриков и нонконформистов, прежде исключенных из его экономики» [11, с. 20-21]. Для Р. Флориды креативность по сути противоположна тому, что А. А. Зиновьев называл коммунальной: «Тогда как новая рабочая среда «профессионалов без воротничка» выглядит, несомненно, более расслабленной, чем старая, в ней на смену традиционным иерархическим системам контроля пришли новые формы самоорганизации, признание и воздействие со стороны коллег и внутренние формы мотивации, которые я называю «мягкий контроль». В подобной обстановке мы стремимся работать более независимо и с трудом выносим некомпетентность руководства и грубость начальников. Мы отказываемся от гарантии занятости в обмен на самостоятельность. Мы хотим не только приличной оплаты своего труда и навыков, но и возможности учиться и развиваться, влиять на содержание своей работы, контролировать свой график и выражать себя как личность посредством профессиональной деятельности» [11, с. 28]. Общая доля креативного класса от всех работающих в США на 1999 г. оценивается американским социологом в 30%, а суперкреативного ядра – в 12% [11, с. 91]. Однако, противореча самому себе, Р. Флорида пишет, что этот класс в значительной степени концентрируется в определенных городах [11, с. 247], так что, как нам кажется, американский автор скорее склонен отождествлять креативный класс с суперкреативным ядром.

Очевидно, что столкновение выделенных выше тенденций будет оказывать огромное влияние и на развитие систем образования, и на расширение или сужение возможностей инновационного

экономического развития тех или иных стран. И здесь особое значение приобретает непрерывное послевузовское образование в частности и обучение взрослых вообще. При этом повышение квалификации учителей, усиление их креативности в идеале должно оказывать влияние и на их профессиональную готовность воспитывать креативных учеников, а следовательно – на работу системы образования в целом. Отечественный автор А. А. Арасланова пишет: «Современный кризис российского образования, который принято связывать с переходным периодом в жизни российского общества, представляет сложное наложение кризиса государства, социально-экономической и общественно-политической системы на «мировой кризис образования»» [1]. По ее мнению, российское общество заинтересовано, чтобы отечественная система высшего инновационно ориентированного образования как основного звена подготовки специалистов для инновационной экономики стала бы генератором новых идей и технологий, превратилась бы в более гибкий и динамичный образовательный комплекс, обеспечивающий должную адаптацию к изменяющимся социально-экономическим условиям [1]. К наиболее значимым профессионально-личностным характеристикам специалиста, формируемым в вузе, она относит фундаментальные знания, развивающие способность к теоретическому мышлению, профессиональную компетентность, умение работать с информацией, самостоятельно находить и принимать ответственные решения в условиях неопределенности, готовность и сформированную внутреннюю мотивацию к самообразованию и саморазвитию [1]. Интеграция высшей школы в экономику региона возможна через построение долгосрочного социального партнерства, связанного с привлечением предприятий бизнеса, научно-исследовательских организаций и других представителей социума для совместных с вузами разработок и их реализации в сфере формирования и воспроизводства интеллектуального капитала. При этом важнейшим партнером образовательных учреждений остается государство [1].

Какова же социально-психологическая среда современного учительства? Авторы коллективной монографии, посвященной персонифицированной модели повышения квалификации работников образования, отмечают, что профессия учителя становится все более женской сферой деятельности (женщины составляют 87,6% от общей численности учителей); доля лиц в пенсионном возрасте среди учителей в 2009 г. составила 17,4% (в 2000 г. – 10,6%); при этом учителя стали более образованными, если в 2000 г. доля лиц с высшим профессиональным образованием составляла 75,8%, то в 2009 г. она возросла до 82,3%. У половины учителей появляются заболевания, связанные с регулярными психологическими нагрузками. 91% процент опрошенных отметили, что работа у них усложнилась, но только 51% процент педагогов признались, что могут при возросшей нагрузке успешно справляться со всеми своими обязанностями. Многие

учителя хотели бы сменить место работы или перестать работать, но в последнее время этот показатель снизился с 44,3% до 36% [10, с. 10]. На наш взгляд, все эти данные прямо говорят о социально-психологическом кризисе профессиональной среды. Неслучайно, что по данным тех же исследователей половина населения считает профессию учителя непрестижной [10, с. 10]. Больше всего беспокоит учителей и мешает продуктивной творческой работе, по данным Института педагогического образования РАО, слабое техническое обеспечение учебного процесса, низкая зарплата, «постоянное ухудшение контингента», связанное с либеральным стилем педагогической деятельности [10, с. 11]. Авторы коллективной монографии указывают, что последствиями такого положения учительства могут стать снижение качества и доступности общего образования; маргинализация учительства, снижение уровня его профессиональной компетентности; значимые кадровые потери в школе, особенно среди молодых учителей и учителей среднего возраста, которые еще могут найти себе другую работу; разрушение корпоративной культуры учительства и др. [10, с. 11].

При этом запросы общества к психологическим качествам учителя все более растут. Авторы монографии постарались выделить основные качества идеального учителя. Хороший учитель справедлив и честен перед собой, своими учениками и коллегами, он чувствует состояние другого человека, умеет наладить контакт с каждым учеником. Настоящий учитель гибок, то есть способен проявлять большую жесткость или мягкость в зависимости от ситуации. Он умеет задавать вопросы, может показать свою компетентность в преподаваемом предмете, устанавливает четкие процедуры проверки знаний учеников, при этом демонстрируя желание помочь учащимся. Любит и умеет экспериментировать, ищет новые формы и методы работы. Хорошему учителю свойственно положительное восприятие самого себя, учеников, коллег [10, с. 12]. В монографии приводится социально-психологическая классификация учителей, предложенная Г.Е. Зборовским: «друг» (с ним можно поделиться переживаниями); «менеджер» (помогает учащимся раскрыть способности); «тренер» (формирует знания, умения и навыки, которые пригодятся в жизни); «философ» (приучает мыслить творчески, нестандартно); «воспитатель» (и на досуге общается с учащимися); «экскурсовод» (дает необходимые знания, но сохраняет дистанцию с учениками); «генерал» (поддерживает на уроках «железную дисциплину»). Авторы монографии отмечают, что большинство учащихся отдадут свое предпочтение «учителю-другу», «учителю-менеджеру». Типы «генерала», «экскурсовода» и «воспитателя» значимы лишь для 7-11%. При этом, чем меньше ученикам нравится учиться, тем сильнее они выражают предпочтение... учителю-другу. И наоборот – чем больше нравится учиться, тем предпочтительнее учитель-менеджер, учитель-философ. По мнению авторов монографии, выбор учащимися

типа учителя во многом обусловлен их неудовлетворенностью положением в школе, недостатком подлинного, искреннего, равноправного эмоционального общения, их стремлением почувствовать и осознать себя личностью [10, с. 12-13]. На наш взгляд, такая ситуация может свидетельствовать о том, что образовательная функция школы неудовлетворенными обучением учениками воспринимается как второстепенная. А это – серьезный повод задуматься о роли образования в обществе. Возможно, сказывается и преобладание среди учителей женщин. Ученик подсознательно ищет учителя-мату. Любовь матери, как правило, безусловна, любовь отца еще надо заслужить. Заметим также, что преобладание психологического типа учителя-мамы в начальной школе совершенно естественно, но в старших классах такое преобладание (если оно ярко выражено) может иметь в будущем серьезные негативные последствия для выпускников в их последующем обучении, так как там обычно преобладает совсем иной тип преподавателя.

Авторы монографии считают, что профессия учителя относится к духовно опасным. Право оценивать другого дает ощущение власти, затрудняет профессиональный и личностный рост, ведет к эмоциональному сгоранию. В условиях глобального обновления всей системы образования, по их мнению, необходима непрерывная профессиональная подготовка педагогов. Необходимость преодоления учителями психологических стереотипов требует создания системы повышения квалификации как части системы дополнительного профессионального образования. Концепция непрерывного образования на протяжении всей жизни была провозглашена ЮНЕСКО еще в 1972 г. Ее реализация требует в первую очередь создания эффективной системы обучения взрослых. Однако эффективность существующей ныне системы повышения квалификации большинством педагогов оценивается весьма низко [10, с. 14-18]. Участники курсов повышения квалификации указывают, что преподаватели на этих курсах часто не знают последних изменений в образовании (недостаток квалификации самих обучающихся), слишком увлекаются интерактивными играми (неясность целей обучения), не создают системы обратной связи (отсутствие дискуссий), а некоторые говорят, что приходят на курсы уставшими, поэтому лучше им все быстро продиктовать и отпустить [10, с. 18]. Думается, в трех последних случаях негативное отношение к этим курсам можно было бы значительно уменьшить, если бы сами курсы проводились с отрывом от повседневной работы, а не превращались в дополнительную трудовую повинность для получения «бумажки». Авторы монографии, ссылаясь на материалы социологического опроса Г. Н. Прозументовой и И. В. Пироговой, говорят о профессиональной редукции педагогов, неспособных определить личностные цели и смысл своей деятельности и сформулировать свой заказ на повышение квалификации [10, с. 19]. Но, видимо, если такая редукция является достаточно массовой, можно говорить о

серьезном сбое в работе всей системы повышения квалификации.

С. И. Змеев считает, что преподаватель высшей школы должен уметь организовывать процесс обучения лиц различных возрастных категорий и социально-психологических особенностей [6, с. 52]. Думается, однако, что такая цель, если ее ставить для всех преподавателей, недостижима. Вуз, как и любая сложная социальная система, требует внутренней специализации. Одному лучше удастся организаторская деятельность, второму – научная работа, третьему – лекции, четвертому – культурно-просветительская деятельность и т. д. Безусловно, в вузе должно быть достаточное количество профессионалов, умеющих учить взрослых и работать на курсах переподготовки и повышения квалификации. В связи с низкой рождаемостью в 1990-е и быстрым изменением всей системы образования сейчас именно обучение взрослых становится крайне важным направлением в деятельности педагогических вузов. Помимо всего прочего это поможет укрепить престиж самого вуза, т.е. смягчить влияние того глобального кризиса образования, о котором говорилось в начале статьи.

И здесь мы подходим к проблемам андрагогики, т. е. к выявлению специфики обучения взрослых, к тому же уже являющихся и считающих себя специалистами в данной сфере. И. А. Желтова, ссылаясь на американского психолога А. Маслоу, пишет, что у взрослого человека потребность в знании интегрируется со страхом перед знанием, с потребностью в безопасности и уверенности. Преодоление страха может способствовать обучению в группе. Но при этом модератор должен помнить пять основных отличительных особенностей обучающегося взрослого. Взрослый осознает себя самостоятельной личностью и критически относится к любым попыткам руководить им. Взрослый имеет большой запас жизненного, социального и профессионального опыта, с позиции которого оценивает любую поступающую информацию. К учебе взрослый относится прагматично. Он стремится к безотлагательному применению полученных знаний или к получению немедленного удовлетворения от самого процесса учебы. Его восприятие непременно сопровождается эмоциональной оценкой, при этом отрицательная информация часто блокируется [5, с. 256].

Отсюда, согласно И. А. Желтовой, вытекают и основные принципы работы модератора с группой взрослых. Первый – принцип равенства. Модератор должен всеми силами давать понять, что он такой же участник группы, как и остальные, и все в группе имеют право на свое мнение. Второй – принцип активного творчества. Любое новое знание должно не просто обсуждаться, но и самостоятельно формулироваться. Третий – личностность. Модератор должен учитывать, что каждый из участников группы – личность со своими особенностями. Четвертый принцип – комфортность. Занятия должны сочетаться с разминками, перерывами, необходимыми в т. ч. для обдумывания полученной

информации [5, с. 257-258]. При этом надо помнить, что взрослые приходят на занятия со своим опытом и знаниями, которые нужно учитывать и увязывать с материалом курса. Модератор должен отталкиваться от того уровня знаний, который уже имеется у обучающихся. Необходимо использовать профессиональный язык, но нельзя злоупотреблять специальной терминологией, желательно уметь подыскивать синонимы. Следует помнить, что темп обучения пожилых людей должен быть более медленным (пожилые часто не выдерживают в большой группе более 1,5 часов, у них поднимается давление), а само обучение должно быть более ориентировано на дедуктивный метод (от общего к частному). Необходимо больше ориентироваться на общие принципы работы, на визуализацию материала и стараться меньше подсказывать обучающимся [5, с. 258-259].

Авторы статьи «Инновационные методы профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников образования» В. М. Дюков, И. Н. Семенов и Р. В. Шайхутдинова считают, что инновационная адаптивная модель повышения квалификации учителей и администрации образовательных учреждений должна быть ориентирована на использование практик «проживания», самоопределения и сопроектирования. В основе должна лежать идея взаимной адаптации учителей, администрации образовательных учреждений и современного комплекса наук об образовании. Новая концепция профессиональной переподготовки и повышения квалификации должна быть ориентирована на экспериментальные формы работы, на проблемный и проектный способ построения курсов, учитывать принцип обратной связи [4, с. 58-59]. Правда, предлагаемая данными авторами систематическая учеба без отрыва от работы кажется нам не очень эффективной в связи с высокой загруженностью педагогов. Более рациональным выглядит сочетание очных стажировок с дистанционно выдаваемыми и проверяемыми заданиями и конечной защитой проекта. Очень важна, на наш взгляд, мысль авторов статьи о том, что курсы повышения квалификации должны быть ориентированы не столько на эталоны, нормы и профессиограммы, содержащиеся в требованиях к аттестации, сколько на достижение успешности в зоне ближайшего развития [4, с. 60]. И здесь, как нам кажется, необходимо создание специальных механизмов согласования интересов самопроектирования педагогического развития самих преподавателей и стратегических интересов развития их образовательных учреждений, без чего, как уже говорилось, обучение взрослых может оказаться малопродуктивно.

Большой интерес в этом отношении представляет подход Е. В. Лопановой, которая разделяет понятия «профессионал» и «специалист». Специалист, по ее мнению, – это носитель конкретных знаний, умений и навыков, предельной нормой развития которых выступают служебные функции. Профессионал же знает содержание деятельности различных специалистов и способен реализовать целостную деятельность. Он умеет управлять своей

деятельностью, программировать развитие своей профессии и свою специальную деятельность, способен выходить за рамки простого функционирования [8, с. 50]. Именно подготовка профессионалов и становится ныне целью курсов повышения квалификации. А это, в свою очередь, требует изменения форм обучения, ориентации на активные коллективные формы, сочетания аксиологического и деятельностного подходов в диагностику профессиональных качеств, удовлетворение потребности личности в повышении компетентности и подготовленности, развитие профессиональной мобильности, способности к самообразованию и самоменеджменту, создание первоначальных условий для преодоления профессиональных кризисов и раскрытия творческого потенциала специалиста. По мнению Е. В. Лопановой, ссылающейся на схему Э. Ф. Зеера и Э. Э. Сыманюк, процесс повышения квалификации должен идти от когнитивно-ориентированного обучения на начальном этапе к деятельностно-ориентированному на основном и личностно-ориентированному на заключительном этапе обучения [8, с. 51-53].

А. Е. Марон и С. А. Филин особое внимание уделяют мотивации взрослого к обучению. Данная мотивация должна создаваться в рамках самого предприятия (в нашем случае – образовательного учреждения), когда коллектив обучает каждого своего члена и каждый член коллектива участвует в обучении своих товарищей, для чего необходимо создание в коллективе особой андрагогической среды. Приобретенные при этом теоретические знания становятся основанием для принятия собственных практических решений. При этом мотивированность к обучению всегда определяется личной значимостью целей, когда в ходе решения учебных задач формируются обобщенные способы действия, переносимые затем в профессиональную практику [9, с. 12-13]. Все это, конечно, не отрицает, на наш взгляд, необходимости специальных курсов повышения квалификации.

А. В. Копылова ссылается на зарубежный андрагогический опыт. Согласно М. Ш. Ноузу, андрагогика предполагает ведущую роль взрослого обучающегося, совместную деятельность обучающегося и обучающего, неформальный психологический климат, основанный на взаимном уважении, ответственности и совместной работе. Группа исследователей Ноттингемского университета основной целью такого обучения считает развитие критического, творческого мышления, интегрированного с чувственной сферой. При этом обучение должно проводиться в группах и предполагать сочетание экспозиционных (демонстрационных), управленческих (управляемых модераторами) и поисковых (вовлекающих обучающегося в активную деятельность) методов при постоянном обсуждении содержания, форм, методов обучения и поддержании связи с практикой [7, с. 44]. Сама А. В. Копылова ссылается на работы С. И. Змеева, выделяя такие параметры андрагогической модели, как самосознание, наличие жизненного опыта, готов-

ность к обучению и цель обучения, участие в организации процесса обучения, ориентация на использование знаний, умений, навыков и качеств. Все это предполагает в первую очередь активную позицию самого взрослого как обучающегося, совместную деятельность равноправных участников процесса обучения [7, с. 44]. Среди этапов процесса повышения квалификации А. В. Копылова выделяет диагностику, планирование, реализацию, рефлекссию и коррекцию процесса повышения квалификации. При этом среди самих курсов вполне уместны и курсы по андрагогике [7, с. 45].

Суммируя написанное выше, можно сказать, что основные условия кризиса образования находятся вне нашей власти. Но мы можем существенно смягчить негативные последствия этого кризиса за счет развития послевузовского образования. При этом необходимо учитывать основные особенности андрагогики: самостоятельность взрослого как обучающегося, необходимость организации коллективной деятельности при равноправном партнерстве обучающихся и обучающихся, необходимость сочетать когнитивно-ориентированное обучение (экспозиционные методы – например, лекции) на начальном этапе с деятельностно-ориентированным (групповая интерактивная работа) на основном и личностно-ориентированным (индивидуальная проектная деятельность) на заключительном этапе обучения. Сюда же следует добавить стремление взрослого к немедленному использованию результатов обучения и к получению удовлетворения от процесса обучения и его результатов. Отсюда вытекает необходимость личной заинтересованности обучающегося взрослого в обучении, превращения обучения в значимый фактор профессионального и личностного роста. И здесь, с одной стороны, необходимо создание андрагогической среды в самой образовательной организации, с другой – нельзя превращать повышение квалификации педагогов в дополнительную трудовую и финансовую повинность и снижать их самооценку за счет чрезмерного расширения гипотетических (а часто – и реальных) функциональных обязанностей. Необходимо также создание механизмов согласования основанных на самопроектировании профессионального роста личных интересов преподавателя и стратегических интересов его образовательной организации с признанием активной позиции за обеими сторонами. Естественно, следует также учитывать возрастные особенности пожилых обучающихся.

Список литературы:

1. Арасланова А. А. Интеграция высшей школы в рыночную экономику региона в условиях построения информационного общества [Текст] / А. А. Арасланова // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. – 2012. – № 12 (20). – URL: www.sisp.nkras.ru
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. [Текст] / З.Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н.Федоровой; Послесл. А. Филиппова. [Текст] / У.Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
4. Дюков В. М., Семенов И. Н., Шайхутдинова Р. В. Инновационные методы профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников образования [Текст] / В. М. Дюков, И. Н. Семенов, Р. В. Шайхутдинова // Современные наукоёмкие технологии – 2010 – №12 – С. 58-60.
5. Желтова И. А. Методика обучения взрослых современным информационным технологиям [Текст] / И. А. Желтова // Обучение и воспитание: методика и практика. – 2013. – № 6. – С. 255-259.
6. Змеев С. И. Компетентностная основа профессиональной подготовки и повышения квалификации преподавателя высшей школы XXI века [Текст] / С. И. Змеев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – №12.- 2012. С.51-62.
7. Копылова А. В. Особенности андрагогической модели в системе повышения квалификации педагогических и руководящих работников образования [Текст] / А.В.Копылова // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2010, № 10. – С.43-47.
8. Лопанова Е. В. Методологические подходы к организации повышения квалификации педагогов [Текст] / Е. В. Лопанова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – №2 (3). – С. 50–54.
9. Марон А. Е., Филин С. А. Андрагогический подход к построению технологий обучения взрослых [Текст] / А. Е. Марон, С. А. Филин // Человек и образование. – 2006. – №6. – С.10-14.
10. Персонифицированная модель повышения квалификации работников образования в современных социально-экономических условиях [Электронный ресурс]: колл. монография/ под ред. Н. К. Зотовой. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 344 с.
11. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – Пер. с англ. [Текст] / Р.Флорида. – М.: Издательский дом «Классика – XXI», 2005. – 421 с.

«ПЕРЕВЕРНУТОЕ ОБУЧЕНИЕ» - ПЕРСПЕКТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Артюхина А. И.

*д.п.н., профессор кафедры, зав. курсом педагогики и образовательных технологий,
Волгоградский государственный медицинский университет*

Великанова О. Ф.

*к.б.н., старший преподаватель кафедры биохимии с курсом клинической биохимии,
Волгоградский государственный медицинский университет*

Великанов В. В.

*к.э.н., доцент кафедры управления персоналом,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет*

"FLIPPED LEARNING" AS A PROMISING TECHNOLOGY FOR TRAINING OF TEACHERS OF HIGHER SCHOOL

Artyukhina A.

*PhD ,professor, the Head of the Department of Pedagogy
Volgograd State Medical University*

Velikanova O.

*PhD , senior lecturer of the Department of Biochemistry
Volgograd State Medical University*

Velikanov V.

*PhD , associate professor of the Department of Management of staff Volgograd State Socio-Pedagogical
University*

Аннотация

В статье обсуждается опыт организации повышения психолого-педагогической квалификации преподавателей Волгоградского государственного медицинского университета. Для решения основных педагогических задач обосновывается применение инновационного метода «перевернутое обучение».

Abstract

The article presents the experience of psychological and pedagogical skills training of the staff members of the Volgograd State Medical University. The application of innovative method "flipped learning" to address the main pedagogical issues is substantiated.

Ключевые слова: «перевернутое обучение», повышение квалификации, преподаватели медицинского вуза

Keywords: "Flipped learning", professional training improvement, teaching staff of a medical school

В современной России повышение психолого-педагогической квалификации преподавателей вузов можно рассматривать как ресурс повышения качества высшего профессионального образования. Лавинообразный рост информации, появление новых профессиональных, информационных, образовательных технологий, новых потребностей рынка труда, социально-экономические преобразования в стране обуславливают возростающие требования к выпускникам вузов. Обеспечить подготовку конкурентоспособных, компетентных бакалавров, специалистов, магистров в условиях постоянного реформирования высшей школы по силам лишь преподавателям вузов, которые не только в совершенстве владеют навыками, умениями, знаниями по преподаваемой дисциплине, но и способны передать их своим студентам посредством педагогического мастерства. Необходимость постоянного повышения квалификации преподавателей в профессионально-педагогической деятельности не только очевидна, но и закреплена законодательно в Федеральном законе N 273 «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. и профессиональном стандарте "Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования" № 608н от 08.09.2015. Причём в отличие от специалистов другого профиля педагогам рекомендуется совершенствовать мастерство и повышать квалификацию не реже чем один раз в три года, а организация дополнительного педагогического образования возложена на вузы. Такая академическая свобода в выборе форм, программ, технологий обучения с одной стороны позволяет своевременно и гибко корректировать содержание образовательных программ согласно вызовам времени, а с другой стороны повышает ответственность вуза за освоение преподавателями новых педагогических подходов и инновационных технологий.

При обучении преподавателей в системе дополнительного профессионального образования актуальным является поиск наиболее перспективных технологий повышения квалификации преподавателей высшей школы, позволяющих за короткое время повысить уровень педагогического мастерства.

Целью настоящей работы является обоснование технологии «перевернутое обучение» при повышении педагогической квалификации преподавателей как перспективной и обобщение собственного опыта её реализации в учебном процессе дополнительного профессионального образования.

Технология «перевернутое обучение» (Flipped learning) стала известна восемь лет назад и, по мнению учёных Института образовательных технологий Великобритании, воплощает один из 10 принципов обучения будущего, имеет высокий потенциал и среднесрочные (2-5 лет) тенденции внедрения в образовательный процесс высшей школы. Авторы технологии американские учителя Джонатан Бергманн и Аарон Самс в книге «Перевернутое обучение или как достучаться к каждому

ученику на уроке» выявили специфику такого обучения в рациональном сочетании традиционной и электронной форм обучения. Причём исследователи не только обосновали особенности и возможности применения технологии «перевернутого обучения», но разработали свои лекции в видеоформате и предоставили их студентам для самостоятельного изучения [4].

Самостоятельное знакомство обучающихся с предоставленными учебными материалами (видеолекции, он-лайн курсы, данные Интернет-ресурсов, печатные материалы) и выполнение простых заданий по теме предшествует аудиторной работе. Преимущество такого подхода для обучающегося видится в возможности прослушать такое количество раз объяснение материала, сколько необходимо для его понимания и пройти тесты на начальное усвоение темы.

Работа в аудитории проходит в интерактивном режиме и позволяет обучающимся в процессе обсуждения сложных вопросов с товарищами и преподавателем, выполнения практических и исследовательских заданий и тестов, проектов, взаимопроверки выполненных работ применить полученные знания, приобрести умения решать более сложные профессиональные задачи. Контроль за усвоением элементов формируемых компетенций устанавливает преподаватель, и одним из вариантов является компьютерное тестирование. По сути, технология «перевернутое обучение» способствует становлению учащегося в роли субъекта учения – студент сам учится, а преподаватель создаёт условия для этого.

«Перевернутое обучение» как технология активного обучения всё шире входит в образовательную практику высшей школы и находит применение не только при изучении отдельных дисциплин [1, 2, 3], но и в деятельности отдельных вузов, например, Тихоокеанского государственного медицинского университета.

В то же время преподавательский состав слабо осведомлён о возможностях технологии «перевернутого обучения» и зачастую не готов психологически к её освоению. Поэтому согласно программе повышения квалификации курса педагогики и образовательных технологий Волгоградского государственного медицинского университета «Технологии профессионально ориентированного обучения» предусматривается апробация данной технологии слушателями. Результаты самостоятельной внеаудиторной работы слушателей с теоретическим материалом закрепляются в ходе интерактивного семинара в компьютерном классе. Одним из вариантов проектной деятельности слушателей становится при этом подготовка короткой лекции-видеоролика. Таким образом, наши слушатели реализуют обе роли участников образовательного процесса. Сначала слушатели в роли обучающегося проходят этап самостоятельного внеаудиторного освоения материала, а затем его презентацию, закрепление и творческое осмысление – на аудиторном этапе. Затем слушатели в роли

педагога готовят одно занятие по рассматриваемой технологии и проводят его.

Проведенный опрос среди преподавателей-инноваторов свидетельствует, что наибольшие сложности возникают у педагогов при подготовке видеолекций и трансформации учебного материала для студентов, впервые знакомящихся с содержанием новой темы. Слушатели полагают, что преодолеть это затруднение можно только наработкой опыта. Все респонденты отметили, что на проектирование при подготовке занятия по технологии «перевернутого обучения» затрачивается времени больше, чем обычно. Однако установить точно, на сколько именно больше времени затрачивается, не удалось из-за серьёзного разброса, обусловленного видимо разнородностью педагогов по возрастному критерию – среди слушателей были представители доцифровой и цифровой эры. Следующим в иерархии трудностей освоения новой технологии слушатели указали организацию аудиторной работы со студентами с разным уровнем понимания учебного материала. Данное затруднение преодолевалось путём использования методического приёма «ученик в роли учителя» – студент лучше разобравшийся в материале помогал более слабому коллеге.

Таким образом, «перевернутое обучение» действительно является перспективной технологией повышения педагогической квалификации преподавателей высшей школы. Предлагаемый алгоритм

обучения слушателей «перевернутому обучению», с одной стороны, позволяет более экономно и продуктивно использовать время занятия, с другой стороны даёт возможность слушателю психологически погрузиться в роль и педагога и студента, что способствует лучшему освоению технологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Иванова Н.В., Артюхина А.И., Великанова О.Ф., Великанов В.В. Изучение возможностей педагогической технологии «перевернутое обучение» в подготовке архитекторов ландшафтного профиля и преподавателей биологов// Проблемы современного педагогического образования, 2016.-№ 51.- С. 38-44
2. Капранов Г.А. Особенности использования в учебном процессе модели обучения «перевернутый класс»//Теория и практика современной науки. Международный научно-практический журнал. 2015. № 3(3). С. 194-198.
3. Кондратьева И.В., Кулакова Е.Н. «Перевернутое обучение» в медицинском образовании//Медицинское образование и профессиональное развитие. 2015. № 2. С. 39-46.
4. «Перевернутое обучение» в информатике – Освіта.UA URL: [http:// ru.osvita.ua/school/manage/42677](http://ru.osvita.ua/school/manage/42677) (дата обращения: 22.03.2016)

УДК 372.851(045)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ МОДЕЛИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ 3-6 ЛЕТ: ДЕТАЛИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Брежнева Е.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного образования Мариупольского государственного университета, докторант Института проблем воспитания НАПН Украины

ORGANIZATIONAL AND DIDACTIC COMPONENT OF MODEL OF MATHEMATICAL DEVELOPMENT OF 3-6 YEARS OLD CHILDREN: DETAILS OF DESIGNING AND REALIZATION

Brezhneva H.

candidate of pedagogical sciences, docent of department of preschool education of Mariupol State University, doctoral student of Institute of Problems of Education of NAPS of Ukraine

Аннотация

В статье раскрываются вопросы математического развития детей дошкольного возраста. Детализируются механизмы понимания ребенком математического материала. Описываются организационно-дидактические составляющие математического развития дошкольников: управляющая система, среда, познавательный опыт ребенка и др. На примере одного интегрированного дидактического модуля (ИДМ) описывается экспериментальное обучение детей измерительной деятельности.

Abstract

The questions of preschoolers' mathematical development are revealed in the article. The mechanisms of child's understanding of mathematical material are defined. Organizational and didactic components of mathematical development of preschool children are described: managing system, environment, cognitive experience of the child, etc. On the example of one the integrated didactic module (IDM) experimental teaching the children of measuring activities is described.

Ключевые слова: математическое развитие, дошкольник, механизм понимания, интегрированный дидактический модуль, управляющая система.

Key words: mathematical development, preschooler, understanding mechanism, integrated didactic module, managing system.

Введение. Предметом нашего исследования является математическое развитие детей 3-6 лет. Разработка путей математического развития детей дошкольного возраста невозможна без осознания важности математического знания в современном мире, его роли для нашего государства и общества в целом. Математическая грамотность, развитость является неотъемлемым элементом образованности, культуры, социальной, личной и профессиональной компетентности современного молодого человека. Следовательно, актуальность и важность обеспечения математического развития детей, начиная с дошкольного возраста, не подлежит сомнению. Технологические аспекты дошкольной математической подготовки разрабатывались многими учеными и педагогами-практиками системы образования. Проведенный нами анализ современного состояния проблемы математического развития детей дошкольного возраста, позволил выделить массив исследований периода 80-х годов XX века и до настоящего времени (Л. Артемова, Л. Баряева, А. Белошистая, Р. Березина, Н. Белоус, Л. Воронина, П. Гальперин, В. Давыдов, Л. Зайцева, З. Лебедева, Л. Левинова, А. Маркушевич, К. Назаренко, Г. Непомнящая, Ж. Папи, Л. Плетенецкая, Е. Проскура, Т. Рихтерман, А. Смоленцева, Т. Степанова, А. Сазонова, Т. Тарунтаева, Т. Мусейибова, З. Михайлова, Т. Игнатова, О. Фунтиков, Е. Щербакова и др.). Обобщение материалов определило несколько позиций ученых в реализации математического развития дошкольников, а именно: 1) усвоение математических понятий, математического содержания должно стать продуктивным (П. Гальперин, В. Давыдов, А. Маркушевич, К. Назаренко и др.). Для этого оно требует соединения с идеей развития интеллекта, которая сопровождается преобразованиями умственной деятельности; 2) усвоение математического содержания должно стать освоением предметного начала, заложенного в содержание математических понятий самым историческим процессом их формирования (Г. Непомнящая, Ж. Папи, Л. Плетенецкая, Т. Тарунтаева, Т. Мусейибова, З. Михайлова и др.); 3) решение центральной задачи – обеспечение математического развития ребенка-дошкольника нуждается в развитии ребенка, как активного субъекта познавательной деятельности (Л. Баряева, А. Белошистая, Р. Березина, Н. Белоус, Л. Воронина, А. Смоленцева, Т. Степанова, О. Фунтиков, Е. Щербакова и др.).

Цель нашего исследования заключается в научно-теоретическом обосновании концепции, разработке и экспериментальной апробации модели обучения дошкольников математике, определении педагогических условий математического развития ребенка дошкольного возраста. Начиная с 2013 года, нами осуществлен ряд задач по реализации целей исследования. Так, на первом этапе (2013-2014 г.г.) проанализированы теоретико-методологические и историко-педагогические основы проблемы математического развития детей дошкольного возраста. Определен творческий вклад отечественных и зарубежных ученых, педагогов-

практиков в организацию и обеспечение математического развития дошкольников, раскрыты научно-теоретические основы математического развития дошкольников, как пропедевтической подготовки. На втором этапе (2014-2015 г.г.) разработана концептуальная модель математического развития детей, теоретически обоснована экспериментальная система математического развития дошкольников. Начиная с сентября 2015 года и по декабрь 2016 года, осуществляется апробация экспериментальной модели математического развития детей 3-6 лет в условиях дошкольного учебного заведения.

Целью настоящей публикации является раскрытие организационно-дидактических подходов к решению задач математического развития детей, обоснование поэтапной реализации механизмов понимания в освоении детьми математического содержания, анализ результатов экспериментального обучения детей на примере измерительной деятельности.

В нашей технологии мы отходим от информативного стиля трансляции математического содержания, ориентируя ребенка на осмысление, понимание, приобретения опыта, ведь человек не рождается с готовым логическим мышлением, готовыми знаниями об окружающей действительности, о мироздании и прочее. Дошкольник усваивает законы природы на основе понимания логических законов мышления, а математика служит ребенку тем инструментом, с помощью которого эти законы усваиваются. Учитывая все вышеизложенное, сформулируем главную идею новой философии дошкольного математической подготовки: идея восхождения от философии знания (информирование) к философии понимания, по своему содержанию и технологическими характеристиками соответствующая общественно-экономическим запросам государства. При этом главным инструментом в постижении ребенком 3-6 лет математического содержания служит *механизм понимания*. Поясним, как работает механизм понимания математического содержания ребенком. Общий механизм понимания функционирует как единое целое, но в нем проявляются исходный и конечный моменты осуществляемого этим механизмом усвоения математического содержания. Первый уровень соотносится с мотивационно-возбуждающей фазой познавательной деятельности; второй – с ориентировочно-исследовательской (аналитико-синтетической) и третий уровень понимания – с исполнительской фазой. Предлагаемая нами схема (Рис. 1) наглядно иллюстрирует работу механизма понимания математического содержания. В этом механизме выделены три одновременно функционирующих плана механизма понимания: механизм эмоционально-чувственного восприятия; механизм логики соотношения свойств объекта в зоне памяти и воображения; механизм формирования целостности математического понятия, его деятельного оформления в виде практических действий и вербального оформления в виде словесных высказываний. Основным начальным механизмом понимания

является приведение в действие *эмоционально-мотивационной сферы*, то есть реализация первой фазы процесса понимания (на Рис. 1 – это I уровень понимания). Процесс «включения» мотивации глубоко индивидуален, не расчленен, не управляется напрямую. Но, что очень важно для практики обучения математике, мотивацию можно регулировать опосредованно, с помощью различных сигналов из внешней среды (необычные ситуации, неожиданности, зрительные ощущения, звуки, запахи и др.). Это начальный уровень понимания, в качестве ко-

торого выступает мотив, который мы обосновываем с позиции теории деятельности А. Леонтьева [7]. В этот механизм входит: 1) «включения» познавательной потребности; 2) встреча познавательной потребности с объектом изучения (образ, ситуация, понятие и др.); 3) эмоциональное переживание этой познавательной потребности, то есть интерес; 4) волевая его регуляция; 5) поддержание интереса и другие проявления сферы эмоционально-волевой, потребностной сферы психической жизни человека.

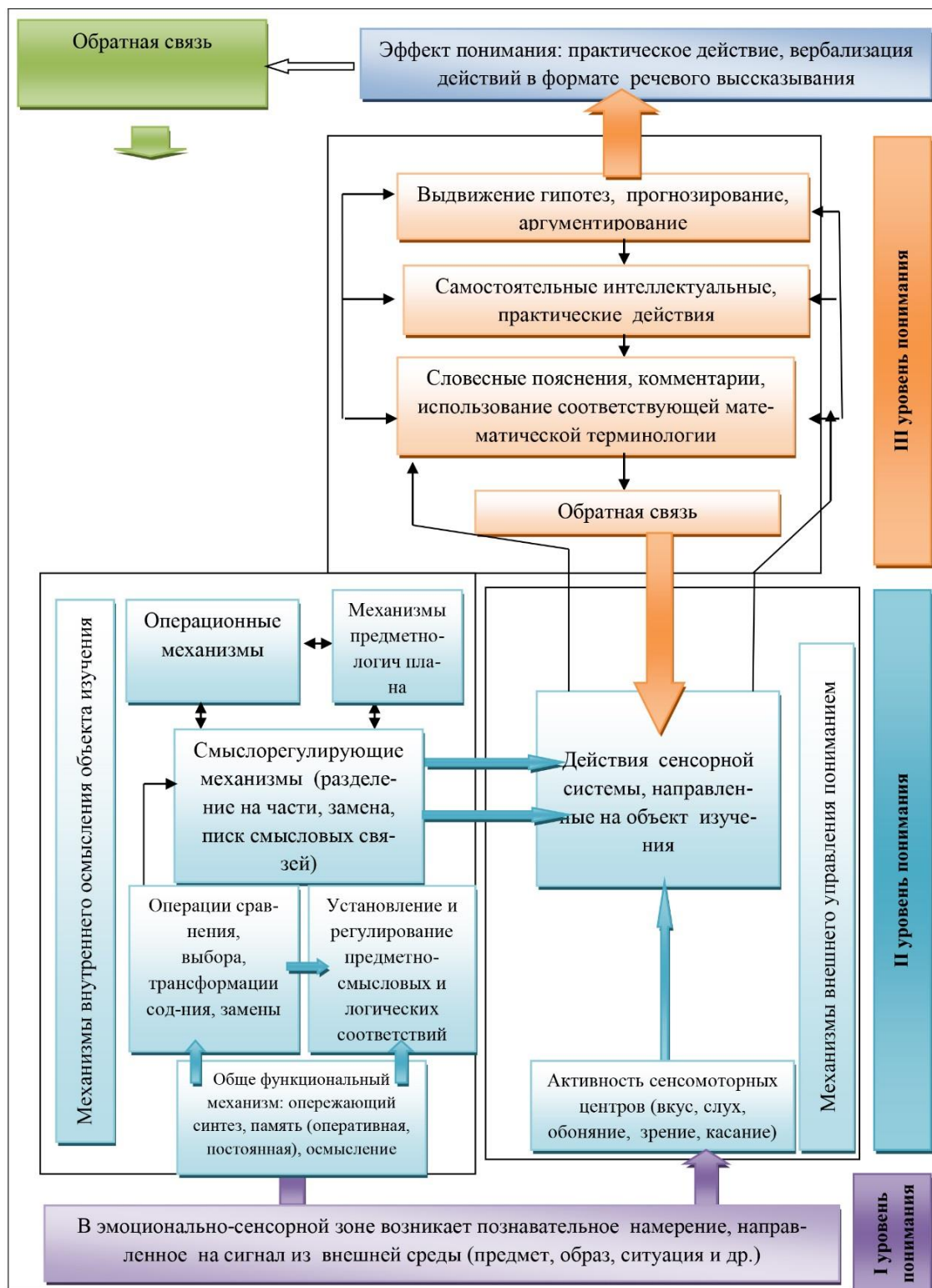

Рис. 1. Схема общего механизма понимания математического содержания детьми

Таким образом, роль мотивации в механизме понимания ребенком математического материала первоочередная. Часто бывает так, что воспитатель предлагает ребенку предмет изучения и не спрашивает, есть ли у ребенка потребность в изучении этого объекта. Не учитывается эмоционально-мотивационная составляющая. Когда у ребенка возникает острая познавательная потребность, интерес, это приводит в состояние активности более сложные механизмы опережающего отражения в зоне памяти, в воображении объекта изучения. Как отмечают А. Леонтьев [7] А. Смирнов [8, с. 137–157] И. Зимняя [6, с. 106–128] и другие, человек, включаясь с помощью мотива в активную деятельность, глубже осмысливает, лучше запоминает, заинтересованно осуществляет саму деятельность. По нашему убеждению, применение в практике математического развития дошкольников игровых ситуаций, решение интересных задач, интеграция познавательных задач, установление многоканальных связей непосредственно направлено на приведение в действие механизмов мотивации и тем самым эффективности понимание ребенком математического содержания, скрытого в объектах реальной действительности.

На основе общей схемы «запуска» механизма понимания проявляются три его уровня. *На первом уровне понимания* образуются первые знания об объекте изучения на эмоционально-чувственном уровне, информация попадает в зону памяти, воображения, восприятия. На схеме (Рис.1 – I уровень понимания) показано, что идентификация объекта ребенком происходит благодаря операционным механизмам и механизмам предметно-логического плана: операции сравнения, выбора, трансформации содержания, замены и т.д., а также установление и регулирование предметно смысловых и логических соответствий изучаемого имеющимся о нем знанием. *На втором уровне понимания* механизмы внутреннего осмысления объекта накладываются на механизм внешнего управления процессом понимания со стороны управляющей системы (воспитатель, среда и др.). Активизируются сенсомоторные центры (вкус, осязание, слух, обоняние, зрение, речь), которые трансформируются в действия по изучении объекта. *На третьем уровне понимания* включаются механизмы объединения понятого в единое целое, которые обеспечиваются выполнением самостоятельных интеллектуальных, практических действий с объектами, выдвижением предположений и доказательств гипотез. На третьем

уровне понимания важно обеспечить совпадение практических действий с моторным механизмом речи. Мысль, выраженная в практическом действии вербализируется, с внутреннего плана переходит во внешний [4].

Исходя из обоснованного выше механизма понимания математического содержания, нами были реализованы *организационно-дидактические компоненты модели математического развития детей 3-6 лет*. Как было отмечено, объектом нашего исследования является математическое развитие дошкольника, которое происходит путем усвоения ребенком математического содержания в разных образах, объектах, явлениях окружающей действительности. Специфика такого математического развития заключается не в заучивании математических терминов, понятий, цифр, знаков, а в сознательном оперировании, действии, познании объектов реальной действительности, насыщенных скрытым математическим содержанием. Выявление скрытого математического смысла из объектов действительности опирается на механизмы понимания. Итак, именно процедура осмысления, понимания становится той движущей силой, которая продвигает математическое развитие ребенка на качественно новый уровень. Это обуславливает специфику нашей модели математического развития дошкольников. Результатом понимания является построение ситуативной модели объекта, подлежащего пониманию. Представление об этом объекте выстраивается у ребенка, как на основе информации, поступающей извне, так и на некоторых предыдущих знаниях об объекте, а также на основе внутренней информации (спонтанные представления об объекте, цели, мотивы, эмоции, ощущения, связанные с объектом переживания и т.д.). Способами постижения математического смысла объекта является построение гипотез о его функции, назначение, свойства. В нашем механизме выделяются три основные формы понимания: понимание-узнавание; понимание-гипотеза; понимание-объединение. Каждая из этих форм понимания возникает на основе выполняемых ребенком действий, операций в ходе решения познавательной ситуации. Детализируем образ нашей модели математического развития детей на основе двусторонних связей (Рис. 2). Итак, механизм понимания организуется управляющей системой, которую составляют воспитатель, образовательная среда, организованная им, другие взрослые, методическая система и тому подобное.

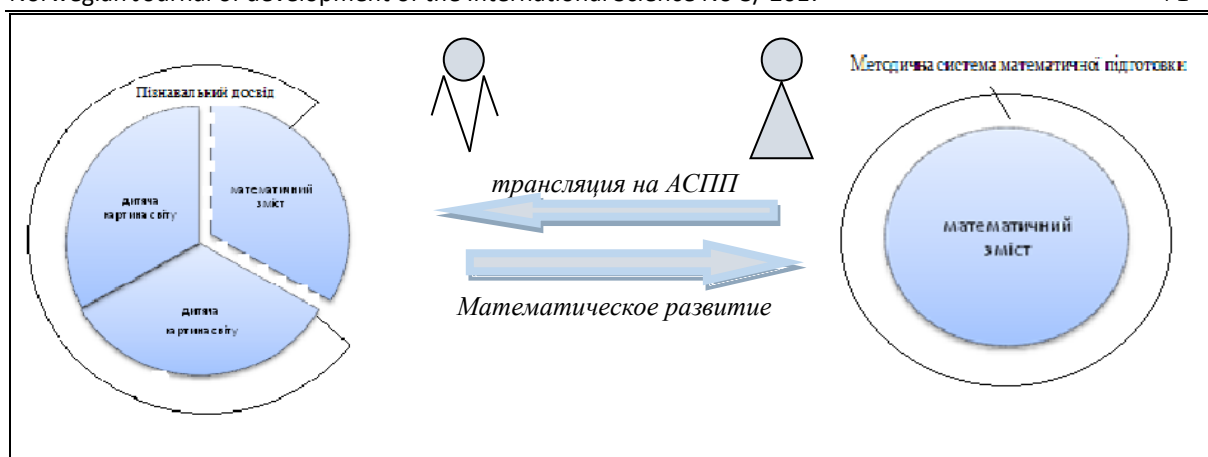

Рис. 2. Двупольная схема понимания математического содержания детьми дошкольного возраста

На рисунке 2 представлены два взаимосвязанных полюса. Слева – полюс, который олицетворяет ребенок с его познавательным опытом, собственной картиной мира, в которой определенный сегмент занимает математическое содержание; справа – субъекты воздействия на ребенка, воспитатель со своей методической системой, с помощью которой он транслирует ребенку математическое содержание. Процесс трансляции показан стрелкой справа налево (от управляющей системы к ребенку), обратный процесс показан стрелкой слева направо (от ребенка к управляющей системе). Суть двусторонней связи в том, что математическое содержание в элементарном виде транслируется ребенку через взрослого, нацеленность его учебно-развивающих действий на обеспечение математического развития ребенка. В результате этого воздействия в детской картине мира образуется определенный сегмент математического знания, который сначала осмысливается и присваивается ребенком. На рисунке 2 этот сегмент, обозначен пунктирной линией, поскольку математическое знание не является статичным, оно обновляется за счет новых фреймов, которые встраиваются в существующий контент имеющихся знаний ребенка путем понимания и присвоения в качестве опыта. Итак, математическое содержание, как элемент детской картины мира, влияет на формирование познавательного и жизненного опыта, будучи одновременно продуктом этого опыта, приобретенного в активном сенсорно-познавательном пространстве, познавательный опыт ребенка соединяет спонтанный опыт, приобретенный ребенком в процессе жизнедеятельности и организованный, как результат специального педагогического воздействия. С другой стороны, *математическая развитость*, как результат присвоения ребенком математического знания, проверенного в активной практической позна-

вательной деятельности математического содержания, выполняет роль обратной связи, необходимой для осовременивания и совершенствования методической системы математической подготовки, как ведущего фактора качества математического развития и жизнеспособности обобщенного математического знания, как научного феномена.

По нашему убеждению, применение механизма понимания требует конструирования новой модели трансляции математического содержания, поскольку существующие на сегодня модели, не в полной мере ориентированы на математическое развитие дошкольников. Альтернативу существующим моделям мы видим в модели развивающего, личностно-ориентированного обучения, направленной на саморазвитие ребенка как активного субъекта процесса обучения. Интеграция математического содержания должна обеспечиваться не механическим сочетанием различных видов деятельности: изобразительной, музыкальной, физкультурной и других, а проникновением математического содержания в процесс осмысления различных, по сути и структуре понятий, отражать их многоканальные связи, многозначность этих связей, многовариантность с опорой на многоканальность восприятия (Рис. 3). На основе значения понятий, знаний об объекте, его функций, свойств ребенок выстраивает дальнейшие логические схемы, обеспечивающие быстрый анализ имеющегося объекта познания (геометрические формы, познавательные ситуации и др.). Выстраивание с помощью стратегии значимых связей между объектами познания переходит в процесс объединения понятию в единое целое. На примере математического понятия «круг» покажем, как многовариантные связи этого понятия по функциональному назначению и смысловым характеристикам становятся основой для его понимания.

Рис. 3. Пример многоканальности связей понятия «круг»

Изложенные выше теоретические положения легли в основу нашей экспериментальной технологии математического развития дошкольников – *Технологии «Интегрированных дидактических модулей» (ИДМ)*. Центральным структурным элементом технологии является Интегрированный дидактический модуль. Вся работа, организованная в рамках ИДМ реализует принципы личностно-ориентированного подхода. ИДМ представляет собой систему содержательных модулей, объединенных на основе их смысловых связей, образующих целостный фрейм. Понятия, отношения, операции сводятся в пары, каждая из которых изучается как один интегрированный дидактический модуль. *Цель*: обеспечение устойчивого математического развития детей 3-6 лет, путем включения механизмов понимания математического содержания и присвоение его через активное эмоционально-чувственное переживание сенсорно-познавательной практики действий. *Содержание*: математическое содержание воплощается в интегрированных дидактических модулях (ИДМ), которые состоят из ключевых тем с доминированием вокруг темы знаковых предметов детства и символов (например, кукла, мяч, вода, огонь, земля и др.). Как учебно-познавательный конструкт, объединенный общей идеей ИДМ основывается на принципах: 1) *обеспечения психоэмоционального комфорта и познавательной мотивации*; 2) *взаимообратности - парности - симметричности математических понятий*. Этот принцип, опирается на утверждение, что все математические понятия характеризуются контрастностью-парностью, симметричностью (П. Эрдниев [9]): «черное – белое»; «большой – маленький», «ночь – день»; «тяжелый – легкий». Это же касается и умственных действий: «объединить – разделить»; «добавить – убавить»; «увеличить – уменьшить». Каждому умственному действию соответствует симметричное действие, позволяющее вернуться к отправному пункту; 3) *опоры на психологические механизмы понимания*. 4) *учет сложной природы математического знания, достижения системности знаний через символизацию математического содержания*; 5) *обеспечение единства процедур понимания и усвоения математического содержания*. Центральным элементом алгоритмической

процедуры единства усвоения математического содержания является математическая упражнение, как вариант сочетания деятельности ребенка и воспитателя (других субъектов), как элементарную целостность двустороннего процесса взаимодействия «педагог-ребенок», «ребенок-ребенок», «ребенок-среда». Основной формой математической упражнения должно стать задачи, основанное на многоканальных связях.

Далее представлено описание опыта обучения детей на примере ИДМ «Земля-Землемерение» [2, с. 29–34]. Выбор темы не случаен, так как понятие земли отличается разнообразием тематических связей: земля – наш общий Дом, Родина, матушка земля; Земля – планета солнечной системы или земля, как природный ресурс; земля – кормилица; географические сведения о земле и др. Центр познания детей движется вокруг этих смыслов. В нашем примере ИДМ использован несколько иная интерпретация понятия земли – как материал для измерения. Детей вводят в область измерительной деятельности через понятия «землемерие», «землемер», «землеустройства», профессии, связанные с этой деятельностью (геодезист, картограф, землемер, геолог и др.), измерительные приборы (шагомер, геометр, нивелир, теодолит). Такой широкий диапазон смысловых связей оправдан, поскольку раскрывает ребенку пространство для наполнения собственной картины мира. Наш эксперимент подтвердил, сложность измерительной деятельности. Несмотря на то, что измерительная деятельность входит в состав математического раздела «Величина» и в методике математики детально разработана последовательность обучения измерению, все-таки, при традиционном способе обучения дети овладевают измерением в течение длительного периода, начиная со средней группы детского сада. Наблюдение педпроцесса в детском саду выявило, что измерительная деятельность, как правило, носит элементарный, пропедевтический характер, в то же время она достаточно содержательна и позволяет решить задачу математического и умственного развития детей. Большинство воспитателей (56%), чаще всего формирование навыков измерения связывают с приемами прямого научивания: напол-

нить мерки, отложить их количество, сделать отметку фишкой и т.д. В этом случае измерение превращается в скучный, заорганизованный процесс, направленный на отработку способов измерения. В нашей технологии предлагается интеграция в единый модуль широкого диапазона занятий и других форм взаимодействия воспитателя и детей на основе парного, группового, индивидуального взаимодействия. В Таблице 1 приведен пример тематики занятий с целями и задачами в рамках ИДМ «Земля – Землемерение».

В процессе экспериментального обучения оправдали себя такие дидактические методы, как логические задачи, логико-математические упражнения «Шагомер», «Измеряем ловко», «Следопыты и другие». Так, во время выполнения игрового задания «Измеряем ловко» дети упражнялись в измерении условной меркой, постигая практически зависимость количества мерок от величины самой мерки. В качестве пропедевтики детям был предложен мультфильм «38 попугаев» и в беседе мы смогли уточнить их знания об условности мерок. Приводим перечень вопросов беседы: чем занимались герои мультфильма «38 попугаев» (измеряли удава); сколько слонов (мартышек, попугаев) поместилось в длину удава; почему в длину одного удава поместилась разное количество животных; изменилась ли от этого измерения длина самого удава, объясните; чем можно измерить длину, ширину предметов. Беседа и мультфильм выполнили

мотивационную функцию для введения детей в непосредственную измерительную деятельность игрового характера. Замысел игры состоял в том, что шнур разложенный на полу имитировал удава. Дети, выбирая предметную картинку из волшебного мешочка, самостоятельно определяли свое задание: предметные картинки с изображением животных, обезьяны, жирафа, черепахи, попугая, слона, медведя, рыба - кита, муравья, бабочки, воробья, лягушки и т.д.). От выбора зависела величина шага, которым ребенок пытался измерить удава. Например, Диме К. попалась картинка обезьяны. Мальчик с удовольствием кувыркнулся вдоль шнура-удавы четыре раза и пояснил, что «в удаве четыре кувырка». Марина В., получив картинку бабочки, сначала не могла сообразить, как измерить бабочками удава (думала, удивленно приподнимала брови, вздыхала, недоуменно смотрела на детей и воспитателя), но потом порхающими движениями «пролетела» вдоль шнура и подсчитала, что она взмахнула крыльями шесть раз. И так далее, все дети воспроизводили движения и образ выбранного животного. Такие игры позволяют детям на эмоционально-чувственном уровне постигнуть свойства величины, понять значение условности мерки, относительности величины. Подобные упражнения нашли активное применение в экспериментальном обучении.

Таблица 1

Тематика занятий ИДМ «Земля – Землемерение» для детей старшего дошкольного возраста

№ п/п	Тема занятия	целевая направленность
1.	«Как измеряли в древности» (старинные народные меры длины: локоть, аршин, пядь, сажень и орудия измерения – аршин, рогатина)	Дать детям элементарные сведения из истории возникновения народных мер, упражнять в измерении с помощью локтей, пядей и др. мер
2.	Современные землеизмерительные инструменты и приборы	Познакомить с современными измерительными инструментами: рулетка, землемерная лента, шагомер и др. Введение детей в практическую измерительную деятельность при помощи современных приборов
3.	«Все профессии важны...»	Знакомство с профессиями, связанными с земельными работами: геолог, геодезист, строитель, землемер, топограф, архитектор и др.
4.	Шагомер – помощник человека	Познакомить с правилами измерения шагов, практическое овладение способами измерения шагов; показать важность шагомера в сохранении здоровья человека, спортивная ходьба и др.
5.	Занятия проблемно-практической направленности : • «Построим автодром» • «Спланируем парковку для машин» • «Спроектируем Танцпол»	Основу занятий составляет проблема сформулированная воспитателем. Дети путем рассуждений, проектировочных действий пытаются найти оптимальный вариант планирования и размещения проекта. Предложенные варианты обсуждаются всесторонне и моделируются детьми самостоятельно
6.	Занятие-соревнование «Архитекторы-Строители»	Командная игра, во время которой каждая команда выполняет свою роль: проектировщиков и исполнителей проекта.
7.	Занятие – сюжетно-дидактическая игра	Проводится в формате сюжетно-дидактической игры. Например, «Магазин тканей», «Строительная площадка» и др.
8.	Занятие-экскурсия	В парк, лес, в школу, в магазин (тканей, стройматериалов, знакомство с ландшафтом)

Среди многообразия заданий особое место принадлежало проблемно-поисковым, направленным на поиск полезной информации, выявление свойств неизвестных ранее свойств в измеряемых объектах и другие. Так, в задании «Энциклопедический поиск», детям предлагалось найти загадку, пословицу, поговорку, в которых встречается слово земля и измерения. Информацию надо было не только найти в справочниках, энциклопедии, но и зашифровать ее цифрами. Например, 136-3-17, это означает, что ответ находится на с. 136, 2 колонка, 17 строка. Поиск осуществляется детьми вместе с родителями. При этом у детей развивалась смекалка, поисковая активность, совершенствовались умения ориентироваться в книге, находить и определять правильную страницу, раздел. Кроме того, такие задания способствовали укреплению родительно-детских отношений. Варианты заданий поискового характера: вместе с родителями найти по энциклопедиям, Интернет ресурса, справочниками: кто впервые измерил размер Земли, Солнца, Луны и т.п. По материалам подготовить медиа-презентацию с помощью программы Power Point и показать детям в группе; определить понятие «сотка», «ар», что это за наедине измерения земли, из чего они состоят; показать иллюстративные примеры, объяснить сверстниками в группе; оформить тематический альбом-коллаж «Земля в измерениях». Отдельный контент образовывали игры на местности: «Шагомеры», «Зоркие соколята», «Наблюдатели», «Умелые топографы», «Следопыты» и другие. Эти игры подтвердили свою эффективность, т. к. способствовали развитию ориентировки детей на местности, формированию умений действовать согласно маршруту, определять местонахождение скрытых предметов, совершенствовать умение измерять расстояние шагами, ориентироваться слева, справа, действовать слаженно, умело. Важно отметить, что овладение измерением происходило в игровой форме, дети включались в активную деятельность, и вместе с тем, упражнялись в измерениях.

Выводы: Опираясь на механизмы понимания предметного содержания понятий, на основе принципов (парности-симметричности, эмоционального удовольствия и др.) мы добились значительных изменений в уровне понимания детьми сути математических понятий величины, измерения, позитивной динамики в освоении детьми измерительной деятельностью. К концу обучения по нашей технологии дети старшего дошкольного возраста показали высокий уровень умственного развития, а именно: у 45% детей измерительная деятельность стала стимульным фактором для развития игровой и практической деятельности; у 70 % детей расширились представления об окружающей действи-

тельности. Большинство детей старшего дошкольного возраста (58 %) демонстрируют продуктивную познавательную деятельность, то есть самостоятельно используют органы чувств (зрение, слух, обоняние, действия) для получения всесторонней информации об объекте измерения; используют в речи широкий диапазон математических понятий, качественно повысился их уровень понимания связей и зависимостей между числами (количество мерок и их величина), пространственными понятиями, отношений части и целого, равенства и неравенства.

Список литературы:

1. Белошистая А. В. Развитие математических способностей дошкольников: вопросы теории и практики / А. В. Белошистая. – М. : Издательство Московского психологосоциального института; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2008. – 352 с.
2. Брежнева Е. Г. Дошкольникам о разных способах измерения земной поверхности / Е. Г. Брежнева // Методическая копилка воспитателя, 2016. – № 11. – С.29–34 (на укр. языке).
3. Воронина Л. А. Математическое образование в период дошкольного детства: методология проектирования : автореф. дис. ... докт. пед. наук: спец. 13.00.02 / Л. А. Воронина – Екатеринбург, 2011. – 47 с.
4. Гавриш Н. В. Речевой аспект математического развития дошкольников / Н. В. Гавриш, Е. Г. Брежнева // «Образовательное пространство Украины». Научный журнал ГУВЗ «Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника», 2016. – Выпуск 7. – 174 с. – С. 155–163 (на укр. языке).
5. Зимняя А. Н. Педагогическая психология. – М. : Владос, 2006. – 243 с.
6. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке: Кн. Для учителя. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1985. – 160 с. – С. 106–128.
7. Леонтьев А. Н. Становление теории деятельности / А. Н. Леонтьев. – М. : НФП «Смысл», 2003. – 420 с.
8. Смирнов А. А. Роль понимания в запоминании / А. А. Смирнов // Хрестоматия по психологии. Под ред. А. В. Петровского – М, 1966. – С.137–157. [Электронный ресурс]. Режим доступа: persev.ru/book/aa-smirnov-rol-ponimaniya-v-zapominanii
9. Эрдниев П.М. Противопоставление / П. М. Эрдниев, Б. П. Эрдниев // Хальмгунн. – 2006. – 26 января (№12-13). – С. 13. – То же // Калмыцкий университет. – 2006. – 7 марта. – С. 7

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ
РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕФОРМАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ**

Зуева Л.Е.

*судья Одесского апелляционного административного суда, кандидат юридических наук,
докторант по специальности «Теория и методика профессионального образования»,
преподаватель Национальной школы судей Украины.*

**PSYCHO-PEDAGOGICAL TECHNIQUE SKILLS DEVELOPMENT SELF-REGULATION AND THE
PREVENTION OF OCCUPATIONAL STRAIN IN THE ACTIVITIES OF THE JUDGES**

Zueva L.

*Judge Odessa Administrative Court of Appeal, PhD legal Sciences, doctoral specialty
"Theory and Methods of Professional Education", lecturer of the National School of Judges of Ukraine.*

Аннотация: В статье раскрыта сущность и методики применения психолого-педагогических техник развития навыков саморегуляции и профилактики профессиональной деформации в деятельности судей. Описаны особенности реализации дидактической триады моделей: 1) профессиональная адаптация; 2) самосовершенствование; 3) профессиональное мастерство как теоретико-методической основы профессиональной подготовки судей.

Abstract. The article reveals the essence and methods of application of psychological and pedagogical techniques of professional skills of self-control and prevention of deformation in the activity of judges. The features of realization of didactic triad models: 1) professional adaptation; 2) self-improvement; 3) professional skills as a theoretical and methodological bases of vocational training of judges.

Ключевые слова: саморегуляция, педагогическое мастерство, психолого-педагогические техники, система судебного образования, самосовершенствование судьи.

Keywords: self-regulation, pedagogical mastery, psycho-pedagogical technology, the system of judicial education, self-improvement of the judge.

1. Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными теоретическими и практическими задачами: В процессе построения правового государства, одним из ее наиболее важных критериев является создание честной, прозрачной и эффективной судебной власти [8]. Интеграция Украины в Европейское пространство требует постоянного совершенствования национальной системы судебного образования, поиска эффективных путей повышения качества подготовки профессиональных судей, апробации и внедрения инновационных педагогических систем обучения взрослых, модернизации содержания профессиональной подготовки судей и организации ее адекватно мировым тенденциям, обеспечение непрерывности образования и обучения на протяжении всей жизни.

На сегодняшний день в Украине после Революции Достоинства начали происходить существенные коренные изменения в судебной системе в целом и реформирование отдельных ее институтов в частности. Эффективность изменений в судебной системе Украины напрямую зависит от уровня квалификации судей, иначе говоря, от уровня их профессиональной и личностной подготовки и профессионализма. С момента создания Высшего Совета Правосудия приоритетным курсом его деятельности является обеспечение формирования в Украине эффективной, современной и ориентированной на реальные потребности судейского корпуса системы профессионального

отбора и подготовки судей, поскольку без учета состояния существующих систем их отбора и подготовки, невозможно получить объективный показатель оценки качества судебной системы страны. Именно отлаженная система функционирования этих институтов выступает ключевым параметром при определении качества правосудия. Поэтому важным направлением исследований в области теории и методики профессионального образования судей, становится целостная разработка методологических, теоретических и методических основ профессиональной подготовки, отбора и повышения квалификации судей всех юрисдикций в Украине.

2. Анализ исследований и публикаций в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы: В пункте 15 Выводов № 4 Консультативного Совета Европейских Судей отмечено, что «должна быть сохранена независимость учреждения, ответственного за разработку программ и принятия решений о том, каким должно быть обучение» [1]. В этом пункте также утверждается, что обязанности по организации и контролю за обучением в каждой стране возлагаются только на судебные органы или любой другой независимый орган. Собственно поэтому в Украине, как и в других странах, судебное образование имеет свои уникальные особенности. «Европейский вектор развития государства, избранный Украиной, обуславливает острую потребность в части внедрения стандартов образования судей как

важной составляющей улучшения качества и эффективности национального судопроизводства, повышение доверия общества к правосудию», – подчеркивает ректор Национальной Школы Судей Украины, доктор юридических наук Николай Онишук [11, с. 6–7].

В основу концепции профессиональной подготовки судей заложены принципы практической направленности, ориентированные на глубокое овладение кандидатом на должность судьи умениями и навыками, необходимыми при осуществлении правосудия. Основной целью подготовки выявлено, прежде всего, обучение профессиональным умениям и навыкам, необходимым для полного и всестороннего выполнения судебных полномочий; формирование высокой нравственности и профессиональной культуры, как залога беспристрастности и независимости в будущем [4, с. 32–41]. В процессе профессиональной подготовки и дальнейшего самосовершенствования судьи чрезвычайно важно уделять большое внимание овладению психолого-педагогическими техниками, ведь именно благодаря развитым навыкам саморегуляции судья способен проводить профилактику эмоционального выгорания и повышать профессиональную мотивацию.

С этих позиций, значимым является положение о том, что процесс формирования высокопрофессионального корпуса судей для осуществления справедливого правосудия предусматривает обеспечение системы судебного образования научно-педагогическими кадрами, совершенствование научно-методической и педагогической деятельности, а роль профессиональных судей в системе судебной образования является определяющей, так как именно «судьи учат судей» [3]. Внедрение концепции педагогического мастерства в систему профессиональной подготовки, отбора и повышения квалификации судей, по нашему мнению, должно стать центральной идеей для современной украинской системы судебного образования.

Теория педагогического мастерства, основоположником которой является академик И. А. Зязюн ([5], [6], [14] и др.), не имеет аналогов в мире. Её инновационность, педагогическая эффективность и значимость результатов внедрения обусловили широкое внедрение в отечественное и зарубежное образование (Беларусь, Канада, Китай, Польша, Россия, Франция, Япония и другие страны). Важнейшим принципом педагогического мастерства является то, что система подготовки профессионала представляет собой «исключительно очеловеченную деятельность по планированию будущего мира человечества» [6]. В концепции И. А. Зязюна педагогическое мастерство трактуется как комплекс свойств личности, обеспечивающий самоорганизацию высокого уровня профессиональной деятельности на рефлексивной основе [14, с. 25]. В рамках этой концепции, педагогическая техника представляется совокупностью профессиональных умений, способствующих гармонизации внутреннего содержания деятельности и внешнего его про-

явления. Таким образом, сама суть данного феномена обуславливает эффективность современного реформирования украинской системы судебного образования, за счет рефлексии и «очеловечивания» профессиональных знаний и умений судей исключительно благодаря Педагогам-Мастерам.

Профессиональное мастерство судьи – результат всех оценочных действий и поступков, переводящих любую деятельность в профессиональную; качество человека, приобретенное им в течение многих лет кропотливой работы, характеризующее целостный педагогический и профессионально-жизненный опыт личности, в совокупности с талантом и гениальной жилкой определяющее характер; состояние «удовлетворенности» судьи результатами своей деятельности [3, с. 130].

Необходимо отметить, что понятие «педагогическая техника» возникло в 20-х годах XX века. Исследованию вопроса педагогической техники, как важнейшей составляющей педагогического мастерства, уделял внимание ещё А.С. Макаренко, которого считают родоначальником этого понятия. Выдающийся отечественный педагог писал: «Что такое мастерство? Можно и нужно развивать зрение... физическое зрение... Нужно уметь читать на лице человека... и это чтение может быть даже описано в специальном курсе. Ничего замысловатого, ничего мистического нет в том, чтобы по лицу определить некоторые признаки душевных движений. Педагогическая техника заключается и в постановке голоса, и в управлении своим лицом» [9, с. 260].

Понятие «техника» происходит от гр. *téchne* – искусство, мастерство, умение и означает совокупность средств и орудий труда, применяемых в общественном производстве и предназначены для создания материальных ценностей [12, с. 188–197]. Об актуальности проблемы владения психолого-педагогической техникой, ее высокой теоретической и практической значимости свидетельствуют многочисленные работы отечественных и зарубежных ученых. Так, Н. В. Якса [17, с. 28], определяет изучаемое понятие как комплекс общих педагогических и психологических умений, помогающий овладеть собственным состоянием, настроением, эмоциями, телом, речью. К таким умениям относятся:

- умение управлять собой (телом, мимикой, техникой речи, паузами, эмоциями, физиономикой);
- умение оказывать влияние на других (дидактические, организаторские, техника контактного взаимодействия).

С. У. Гончаренко [2] трактовал педагогическую технику как комплекс знаний, умений и навыков, необходимых педагогу для четкой и эффективной организации учебных занятий, эффективного применения на практике выбранных методов педагогического воздействия как на отдельных учеников, так и на детский коллектив в целом. О. Л. Капченко [7] характеризует изучаемое понятие владением комплексом приемов, который помогает

глубже, ярче, талантливее проявить себя и достигнуть успеха в обучении и воспитании.

В «Педагогической энциклопедии» педагогическая техника объясняется как комплекс знаний, умений, навыков, необходимых педагогу для того, чтобы эффективно применить на практике избранные им методы педагогического воздействия как на отдельных воспитанников, так и на коллектив в целом. Владение педагогической техникой является составной частью педагогического мастерства, требует глубоких специальных знаний по педагогике и психологии и особой практической подготовки [13, с. 258].

И. Максименко [10, с. 58] определяет педагогическую технику как интегративное свойство личности, характеризующееся целостностью и внутренним единством составляющих ее компонентов (эмоционально-волевого, содержательного, поведенческого), проявляющуюся дифференцировано от других свойств и реализующуюся путем умения осуществлять педагогически целесообразное влияние на участников учебно-воспитательного процесса эмоционально выразительными способами.

Отечественные и зарубежные ученые единодушны во мнении, что понятие «педагогическая техника» содержит две группы компонентов: **внутренние** (техника саморегуляции психического состояния) и **внешние** (мимика, жестикуляция, пантомимика, поза, осанка, дыхание, голос, дикция, интонация) [15]. Резюмируя выше сказанное следует, что ведущей психолого-педагогическими позициями и стратегией реформирования в системе судебного образования должна выступить соответствующая дидактическая триада моделей: (1) профессиональная адаптация; 2) самосовершенствование; 3) профессиональное мастерство) как теоретико-методическая основа профессиональной подготовки судей с поэтапным освоением соответствующих психолого-педагогических техник.

3. Формулировка целей статьи (постановка задачи): Раскрыть сущность и методики применения психолого-педагогических техник развития навыков саморегуляции и профилактики профессиональной деформации в деятельности судей.

4. Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов: *Профессиональная адаптация судей* – процесс, начинающийся после получения судейских полномочий, в начале процессуальной деятельности как профессионального судьи при гармонизации взаимодействия с профессиональной средой (администрацией суда, профессиональными судьями и работниками аппарата суда).

Успешность профессиональной адаптации судьи зависит от многих факторов. Так, например, уровень и характер самооценки влияет на этот процесс. Очевидно, что самооценка личности может быть завышенной, адекватной или заниженной. Это зависит от способности личности к *рефлексии* (способности анализировать эмоциональное состояние и отношение к действиям другого человека, осознавать и оценивать результаты). *Саморегуляция лич-*

ности играет важную роль в успешности профессиональной адаптации судей. Успешная профессиональная адаптация невозможна без постоянного самообразования и саморазвития судьи. Это предполагает наличие волевых навыков саморегуляции. Также ведущую роль в этом процессе играет система ценностей личности судьи, определяющая его ориентации и отношение к самому себе, коллегам, подчиненным, выбранной профессии, своим обязанностям. Очевидно, что эти отношения могут быть либо положительными, либо отрицательными.

В Национальной Школе Судей Украины (НШСУ) уже несколько лет успешно реализуется, разработанный при поддержке Национального Судейского Института Канады (NJI), курс для судей всех юрисдикций со стажем работы до 3-х лет «Психологическая адаптация к профессии судьи. Предупреждение развития профессионального выгорания» [16]. Курс включает в себя интерактивную лекцию (2 часа) и тренинг (8 часов). Осуществление процесса адаптации происходит с учетом личностных психологических особенностей судей, закономерностей, как самого процесса профессиональной адаптации, так и развития социально-профессиональной среды судов соответствующих юрисдикций. Специальное психологическое обеспечение процесса профессиональной адаптации, построено на прогнозе личностных особенностей и предоставлений самих судей, назначенных на должность впервые.

С целью поэтапной реализации дидактической триады моделей: 1) профессиональная адаптация; 2) самосовершенствование; 3) профессиональное мастерство в Одесском региональном отделении НШСУ нами проводились семинары-тренинги для судей, назначенных на должность бессрочно: «Психолого-педагогические техники развития навыков саморегуляции и профилактики профессиональной деформации в деятельности судей». В Одесском апелляционном административном суде проводились семинары-тренинги «Педагогическое мастерство судьи» [4, с. 32–41]. В процессе семинаров-тренингов судьи осваивали психолого-педагогические техники взаимодействия в системе «педагогический монолог – диалог – полилог», методики применения психолого-педагогических техник развития навыков саморегуляции и профилактики профессиональной деформации. По окончании занятий судьи были:

– ознакомлены с сущностью понятий: «профессиональное мастерство судьи»;

– углубили знания о психологических особенностях развития навыков саморегуляции и профилактики профессиональной деформации в деятельности судей; основы диагностики профессионально-личностных способностей, умений и навыков судьи;

– научились развивать профессионально важные навыки саморегуляции эмоциональных состояний; контролировать и регулировать эмоциональные состояния субъектов судебной взаимодействия; владеть основными методами применения

психологических средств профилактики профессионального выгорания;

- научились применять превентивные меры психологической защиты от негативных психогенных факторов;

- научились пользоваться приемами противостояния эмоциональному выгоранию в судейской деятельности;

- осознавали необходимость реализации системы профессионально-личностного самосовершенствования.

Основная часть семинара-тренинга «Психолого-педагогические техники развития навыков саморегуляции и профилактики профессиональной деформации в деятельности судей» состояла из трех модулей:

I Модуль «Психолого-педагогическая техника как предпосылка профессионального мастерства судьи» включал диагностические упражнения на определение уровня самооценки судей и базового уровня владения техниками развития навыков саморегуляции; мини-лекцию с использованием мультимедийной презентации, далее была организована групповая игра «Ажурная пила» по тематике модуля и рефлексивное обсуждение участниками.

II Модуль «Внешние и внутренние техники развития навыков саморегуляции и профилактики профессиональной деформации в деятельности судей» начинался с мини-лекции, затем участники выполняли упражнения на развитие умений применять невербальные техники саморегуляции эмоциональных состояний и настраиваться на профессиональную деятельность, снимать эмоциональное напряжение, упражнения на развитие умений контролировать и регулировать дыхание, мимические мышцы.

III Модуль «Педагогическое мастерство и личность судьи» был логичным продолжением семинара-тренинга. Участники с интересом анализировали критерии понятия, выполняли упражнения на развитие умений применять вербальные техники саморегуляции эмоциональных состояний, активно принимали участие в интерактивной игре «Идеальный судья». Разрабатывали программы по самосовершенствованию.

Упражнения на развитие *рефлексии* и *эмпатии* (сопереживания, умение поставить себя на место другого человека) заимствованы из театральной педагогики. В нашем спецкурсе система К.С. Станиславского занимает существенное место. Освоение элементов театральной педагогики помогает судье-преподавателю познать самого себя, контролировать свои физические и психические состояния, добиваясь их единства. Наука «владеть собой» формирует профессиональные умения, навыки и привычки, приводит проявление творческой эмоционально-чувственной природы судьи-преподавателя. Неспособность легко и свободно изложить тему любимого предмета – для судьи-преподавателя беда. А беда эта часто приходит из-за неумения владеть своим голосом, правильно использовать речевой аппарат. Многие судьи не

знают требований, которые ставятся перед «профессионалами речи». И, как следствие, страдают «различными болезнями голоса». Вот почему «проблеме голоса» мы уделяем особое внимание. На занятиях по технике речи, мимической и пантомимических выразительности для судей-преподавателей в перспективе мы планируем приглашать профессиональных актеров и преподавателей вокала.

В течение многолетнего исследования автора по оценке динамики развития педагогического мастерства судей, в период проведения занятий по повышению квалификации, нами были разработаны и апробированы соответствующие методические рекомендации. Опыт работы судьей-тренером с разными группами судей-слушателей и по разным темам занятий показал, что успешность мероприятия зависит так же от того, обладает ли преподаватель такими качествами и умениями как:

- искренней убежденностью в необходимости изучения темы занятия, прекрасными знаниями предмета и его содержанием;

- умениями блестяще выступать перед аудиторией, слушать других;

- предоставляет участникам возможность учиться на практике;

- легко адаптируется к меняющимся потребностям группы, проявляет гибкость;

- экспериментирует с новыми идеями;

- быстро учится, учится на собственных ошибках;

- любит помогать другим в обучении;

- умеет давать четкие инструкции;

- работает над созданием атмосферы открытости и доверия в группах;

- хорошо составляет планы, программы;

- регулярно оценивает свою работу и успехи;

- спокойно относится к своим ошибкам, не впадая в отчаяние;

- демонстрирует организованность и точность в выполнении заданий.

Во время занятий судья-преподаватель – «актер, учитель, воспитатель, организатор, помощник, руководитель, проповедник, философ, менеджер, практик, путешественник, дипломат, бухгалтер, методист, знаток, сапожник, жнец и музыкант». Начинающему судье-преподавателю не следует беспокоиться, если у него отсутствуют некоторые качества, указанные в списке – тренер совершенствуется с каждым проведенным занятием. Для определения своего профессионального роста чрезвычайно важно после каждого занятия рефлексировать, проводить самооценку. Например: можно указать три момента, которые удались лучше всего во время проведения занятия; указать три момента, которые были слабыми во время занятия; составить собственный план самосовершенствования: «Делать в будущем... Не делать во время следующего тренинга...» Сохранив этот список и просмотрев его до начала и после следующего занятия, станет возможным сделать вывод о профессиональном росте.

5. Выводы данного исследования и перспективы дальнейших исследований в данном

направлений. Освоение комплекса приемов психолого-педагогических техник дает возможность не только развивать навыки саморегуляции и проводить профилактику профессиональной деформации в деятельности судей, продуктивно выполнять профессиональные обязанности, а также достигнуть высокого уровня профессионального мастерства судьи.

Для успешной практики, судья должен постигнуть основы педагогического мастерства. Иначе его деятельность не поднимется до уровня профессионального творчества. Личностный смысл и положительная роль педагогического таланта судьи заключается в том, что судья получает сигналы о реальных взаимоотношениях личности с окружающей средой, судьями-слушателями и судьями-преподавателями и может гармонизировать их. Поэтому, обучая судей внутренним и внешним психолого-педагогическим техникам саморегуляции, как составным компонентам педагогического мастерства, выполняется задача обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров для судебной системы вообще и осуществляется научно-исследовательская деятельность по повышению профессионального уровня судей-преподавателей в частности.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении заключаются в разработке и внедрении в систему судебного образования учебно-методического комплекса по психолого-педагогической подготовке судей к преподавательской деятельности, центральным ядром которой является программа спецкурса «Основы педагогического мастерства судей». Процесс такой подготовки, безусловно, предъявит повышенные требования к судьям-преподавателям, ведь для воплощения в жизнь, в систему судебного образования, духовной традиции И. А. Зязюна, утверждающей Истину, Добро, Честность и Нравственность, прежде всего, необходимы не инструкции, пусть и совершенные, а живые люди, способные отстаивать высоконравственные идеалы и воплощать их каждый день в своей профессиональной деятельности судьи в жизнь.

Список литературы:

1. Висновки Консультативної ради європейських суддів (КРЕС). Висновок № 4 (2003) [Електронний ресурс] // Верховний Суд України. – 2003. – Режим доступу до ресурсу : [http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/\(documents\)/58F4A4DD76AACFD0C2257D87004971A6](http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/(documents)/58F4A4DD76AACFD0C2257D87004971A6).
2. Гончаренко С. У. Український педагогічний словник. / С. У. Гончаренко – К. : Либідь, 1997. – 376 с.
3. Зуєва Л. Є. Критерії педагогічної майстерності І. А. Зязюна – підґрунтя психолого-педагогічної підготовки професійних суддів в Україні /

Л. Є. Зуєва // Проблеми та перспективи формування національної гуманітарно-технічної еліти : зб. наук. пр. / ред. О. Г. Романовський. – Харків : НТУ "ХПІ", 2016. – Вип. 45 (49). – Ч. 2. – С. 122–134.

4. Зуєва Лариса. Розвиток педагогічної майстерності професійних суддів у системі суддівської освіти / Лариса Зуєва // Слово Національної школи суддів України. – 2015. – №4 (13) – С. 32–41.

5. Зязюн І. А. Педагогіка добра: ідеали і реальності : Наук.-метод. посіб. – К. : МАУП, 2000. – 312 с.

6. Зязюн І. А. Філософія педагогічної дії : монографія / Іван Андрійович Зязюн. – Київ : [б. в.] ; Черкаси : ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2008. – 608 с.

7. Капченко О. Л. Дефініція педагогічної майстерності / О. Л. Капченко // Народна освіта: електронне наукове фахове видання. – 2011. – № 3 (15). – Режим доступу до статті :

<http://www.narodnaosvita.kiev.ua/vupysku/15/stati/kapchenko.htm>.

8. Концепція реформування судової системи України [Електронний ресурс] / Асоціація правників України – Режим доступу : http://uba.ua/ukr/project_ref_sud/.

9. Макаренко А. С. О моём опыте / А. С. Макаренко. / Пед. соч. в 8 т. – Т. 4. – М. : АПН СССР. – 1983–1986. – 398 с.

10. Максименко І. Формування педагогічної техніки в майбутніх педагогів професійного навчання у процесі фахової підготовки / І. Г. Максименко // Педагогіка вищої та середньої школи. – 2013. – Вип. 38. – С. 57–60.

11. Оніщук Микола. Якою має бути суддівська освіта в Україні? // Юридичний Вісник України. 2014. – № 47 (1012) 22–28 листопада – С. 6–7.

12. Отрощенко Л. С. Педагогічна техніка викладача ВНЗ економічного профілю як передумова педагогічної майстерності / Л. С. Отрощенко // Світосгляд – Філософія – Релігія : зб. наук. пр. – Суми : ДВНЗ «УАБС НБУ», 2014. – С. 188–197.

13. Педагогическая энциклопедия : в 4-х т. / гл. ред. А. И. Каиров, Ф. Н. Петров. – М. : Советская энциклопедия, 1964–1968. – Т. 4. – 1998. – 912 с.

14. Педагогічна майстерність : підручник / За ред. І. А. Зязюна. – 3-є вид., допов. і переробл. – К. : Богданова А.М., 2008. – 376 с.

15. Семенова Алла. Ціннісний вимір досвіду суб'єктів педагогічної дії : монографія / Алла Василівна Семенова. – Одеса : Бондаренко М. О., 2016. – 436 с.

16. Стандартизовані програми підготовки [Електронний ресурс] // Національна школа суддів України. – 2015. – Режим доступу до ресурсу :

<http://nsj.gov.ua/training/judges/standartizovani-programi-pidgotovki/>.

17. Якса Н. В. Основы педагогических знаний [Текст] : навч. посіб. / Н. В. Якса. – Київ : Знання, 2007. – 358 с.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ МУЗЫКОВЕДОВ В
МУЗЫКАЛЬНОМ КОЛЛЕДЖЕ****Кучер Н.Ю.***преподаватель кафедры истории, теории музыки и композиции
Южно-Уральского государственного института искусств
им. П.И. Чайковского, Челябинск, Россия***SOME OF THE FEATURES OF PREPARATION OF FUTURE MUSICOLOGISTS IN THE COLLEGE
OF MUSIC****Kucher N.***teacher of the chair of history and theory of music and composition
the Southern Ural Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, Chelyabinsk, Russia***Аннотация**

В статье рассматриваются некоторые особенности подготовки студентов в процессе обучения на отделении «Теория музыки» музыкального колледжа и обосновывается необходимость усиления коммуникативной подготовки будущих специалистов.

Abstract

The article considers some peculiarities of training of students in the learning process at the Department of «Theory of music» musical College and the necessity of strengthening communicative training of future specialists.

Ключевые слова: музыкальное образование, профессиональная деятельность музыковеда, коммуникативная подготовка

Key words: music education, professional activity in musicology, communication training

На сегодняшний день вопросам музыкального образования посвящено большое количество исследований. Однако, значительно меньше внимания уделяется частным вопросам, касающимся подготовки музыковедов. Вместе с тем, на современном этапе нам представляется весьма важным обратить внимание на подготовку специалистов указанного профиля в среднем звене, поскольку выпускник теоретического отделения на сегодняшний день должен осуществлять не только преподавательскую и научную деятельность, но и активно участвовать в распространении музыкальной информации, нести слушателям, читателям и зрителям совершенно разного уровня слово о музыке посредством живого общения. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть подготовку студентов-теоретиков с принципиально новых позиций, что и обуславливает актуальность данной статьи.

Проанализировав основные сферы деятельности музыковеда, мы выяснили, что музыковедческая деятельность действительно является весьма многоплановой и полифункциональной. Это объясняется тем, что музыковед должен осуществлять как педагогическую деятельность в различных образовательных организациях, так и просветительскую, в рамках которой специалистом выполняются подготовка и ведение различных музыкальных радио- и телепередач, выступления на концертной эстраде с лекциями и беседами, ведение концертных программ и т.д. Также одним из основных направлений работы музыковеда остается научное, к которому можно отнести научные исследования о творчестве композиторов, об отдельных

музыкальных произведениях, работа по редактированию различных нотных изданий, написание книг о музыке, статей, рецензий на концерты и музыкальные спектакли, освещение событий музыкальной жизни в средствах массовой информации и т.д.

Основным содержанием всех без исключения видов профессиональной деятельности музыковеда является познание и истолкование художественного смысла музыкального произведения и, что самое важное, донесение его до «адресата» – учеников и студентов, аудитории слушателей, зрителей и читателей. То есть, другими словами, специалист-музыковед должен постоянно общаться с различными типами аудиторий, и через общение, в понятной для каждого типа реципиентов форме, рассказывать о музыкальном искусстве.

Следует отметить, что традиционно большая часть внимания в музыкальном образовании уделяется содержанию, нежели форме. Тем не менее, именно форма подачи материала является одной из важных составляющих успешной деятельности музыковеда.

Как справедливо отмечает Л.Н.Шаймухаметова, «в сложившейся системе академического музыкального образования музыковед, завершивший полный курс вузовского обучения, далеко не всегда оказывается подготовленным к продуктивной творческой деятельности, не смотря на приобретаемую им углубленную специализацию» [1, с. 182].

В связи с этим, нам представляется возможным в подготовке студентов музыкального колледжа, обучающихся по специальности «Теория музыки», применение коммуникативного подхода.

Коммуникативно-ориентированный подход к образованию получил свое обоснование в работах

И.А.Зимней, Е.И.Пассова и др. По мнению исследователей, педагогическое общение является «формой учебного взаимодействия, сотрудничества учителя и учеников» [2, с. 200]. Исследователь подчеркивает, что педагогическое общение «есть условие оптимизации обучения и развития личности самих учащихся» (там же).

Е.И.Пассов отмечает, что сущность коммуникативного обучения заключается в том, что процесс обучения является моделью процесса общения, в которой моделируются принципиально важные параметры общения, а именно: «личностный характер коммуникативной деятельности субъекта общения, взаимоотношения и взаимодействие партнеров по общению, ситуации как формы функционирования общения, система речевых средств, обеспечивающих коммуникативную деятельность в ситуациях общения, функциональный характер усвоения и использования речевых средств, эвристичность» [3, с. 5]. По мнению исследователя, при реализации коммуникативного обучения важно придать любому взаимодействию в процессе общения учеников практическую направленность. «Практическая речевая направленность, – пишет ученый, – не только цель, но и средство, где и то, и другое диалектически взаимообусловлены» [3, с. 35].

В области музыкального образования существуют немногочисленные специальные исследования, посвященные коммуникативной подготовке специалистов. Так, например, М.П.Миронова раскрывает некоторые аспекты коммуникативной подготовки педагога-музыканта, определяя музыкально-коммуникативную компетентность как «функциональный комплекс личностно и профессионально значимых качеств, позволяющих реконструировать, воссоздавать в своем сознании интонационно-образное и музыкально-смысловое содержание произведения в процессе духовно-интеллектуальной деятельности восприятия-познания, на основе оперирования музыкально-языковыми, музыкально-речевыми, музыкально-риторическими и музыкально-эстетическими представлениями» [4, с. 112].

В целом, на сегодняшний день, применение коммуникативного подхода имеет тщательное обоснование, в основном, по отношению к обучению иностранным языкам. Причиной такого пристального внимания большинство ученых называют необходимость более тщательной языковой подготовки специалистов различного профиля с целью карьерного роста.

В контексте профессиональной деятельности музыковеда также совершенно справедливым будет утверждение о том, что для студента теоретического отделения необходима специальная коммуникативная подготовка.

С целью выявления реальной ситуации по поставленной задаче, мы провели анкетирование у студентов музыкального колледжа Южно-Уральского государственного института искусств им. П.И. Чайковского. Чтобы охватить как можно большее число респондентов и получить более объективные данные, к анкетированию были привлечены

студенты других средних специальных учебных заведений: Курганского областного музыкального колледжа им. Д.Д.Шостаковича; Орского колледжа искусств; музыкального колледжа при Магнитогорской государственной консерватории им. М.И.Глинки.

Среди прочих, студентам было предложено несколько вопросов, посвященных непосредственно коммуникативной деятельности музыковеда. В частности, спрашивалось, должен ли отличаться стиль подачи материала и лексика в научной статье и телевизионной передаче на одну и ту же тему; должны ли отличаться стиль общения и манера поведения музыковеда при ведении учебного занятия или публичной лекции; нужно ли педагогу-теоретику менять стиль общения при проведении занятия в младших и старших классах музыкальной школы и т.д. Единогласно всеми опрошенными было отмечено, что музыковеду необходимо владеть искусством слова. Большинство опрошенных респондентов выразили свое согласие и с тем, что лексика, стиль общения и манера поведения должны меняться в зависимости от профессионального контекста коммуникативной деятельности. Т.е., анализируя ответы на данные вопросы, мы сделали вывод о том, что студенты правильно осознают и верно понимают основную суть музыковедческой работы. Тем не менее, были выявлены как положительные, так и отрицательные моменты. К положительным можно отнести то, что значительная часть опрошенных понимает, что музыковеду необходимо менять стиль общения, поведения, лексику и стиль подачи материала при смене аудитории (младшие или старшие классы школы искусств, научная статья или телепередача и т.д.). Однако, вызывает тревогу тот факт, что не все респонденты правильно понимают важность данных изменений для деятельности музыковеда и не всегда представляют, какие именно изменения являются действительно необходимыми в той или иной ситуации.

Также в анкете студентам были предложены вопросы, посвященные непосредственно обучению студентов по специальности «Теория музыки». При ответе на вопросы данного блока большинство из опрошенных подтвердили, что студентов-теоретиков необходимо специально обучать нормам профессионального общения и поведения с разными социальными и возрастными аудиториями. Разнообразные ответы поступили на вопрос о том, что конкретно нужно изменить в процессе обучения будущих музыковедов для того, чтобы подготовить выпускников к профессиональному общению с разными социальными и возрастными группами слушателей. Большинство студентов был выбран ответ «использовать более разнообразные методы и формы обучения», также популярным стал ответ «более широко применять электронные и мультимедийные средства», часть же опрошенных высказалась за использование в учебном процессе игровых и дискуссионных форм учебных занятий. Обобщение полученных ответов позволяет констатировать, что большая часть респондентов все же

выступает за внесение изменений в процесс обучения студентов-теоретиков с целью усиления коммуникативной подготовки.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующий вывод.

Поскольку профессиональная деятельность музыковеда в большей степени связана с общением с различными типами аудиторий, необходимо проводить специальную коммуникативную подготовку будущих музыковедов. Данный факт обусловлен изменением запросов общества по отношению к специалистам рассматриваемого профиля. Наряду с содержанием, традиционно основанном на фундаментальном теоретическом образовании, необходимо также уделять внимание и формам работы музыковеда, в частности, нормам профессионального общения с различными типами реципиентов, что позволит специалисту-музыковеду стать

конкурентно способным специалистом и на высоком уровне способствовать просвещению широкого круга слушателей, читателей, зрителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шаймухаметова Л.Н. Об учебном предмете и программе «Введение в специальность «Музыковедение» [Текст]//Музыкальное образование: теория, методика, практика. – 2012. - №1 (10). – С.182-186.
2. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учеб. для вузов [Текст] / И.А.Зимняя. – 2-е изд., перераб., доп. и испр. – М.: Логос, 2004. – 384 с.
3. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению [Текст] / Е.И. Пассов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.
4. Миронова М.П. Коммуникативное образование в профессиональной подготовке педагога-музыканта [Текст]//Интеграция образования. – 2011. – №1. – С.107-112.

ART ITS VALUE AND UNIGUE

Maltseva L.

doctor of pedagogical sciences, professor, Kuban State University

Pikavtsov A.

student, Kuban State University

Abstract

Art shows us that people are different, even in the most perfect of present society. Ideal - is the highest form of moral and aesthetic consciousness. Art always brings an infinite range of feelings - from the individual moral and aesthetic perception to such a complex and multifaceted phenomenon of consciousness, as an aesthetic and artistic taste.

The social purpose of art lies in the fact that it is a reflection of its subject through a holistic, universal interactions and influences the person. In art embodies all aspects of our society.

Keywords: art, man, fundamentals of graphic literacy, artistic taste, moral and aesthetic education, knowledge, skills, the younger generation.

Art is one of the favorite activities of man. All this requires artistic ability, knowledge and skills in the field of graphic letters, decorative arts, needed a large supply of visual images and memories, creative imagination.

Fine art can strengthen, guide, influence a person's attitude, influence the beliefs, behavior and activities. In recent years, conducted extensive research aimed at the scientific basis of development in our younger generation the sense of beauty, the need to create and to live according to the laws of beauty. The leading role in them is the problem of formation of the creative personality of children. Among these studies, the most important to optimize the process of art education, aesthetic education by means of the fine arts and decorative compositions.

According to the theory of aesthetic education, one of the main and the main tasks of artistic and cognitive development of the child is to develop creative and active personality, individual capabilities means of decorative-applied composition. The solution to this problem will be possible only when based on artistic and aesthetic requirements will form a certain aesthetic attitude to reality and the visual arts.

From walking out of this is a revival of the values and traditions of the national culture of a particular region in which we live, the formation of its value potential becomes more real and natural. Unfortunately, in our time, aesthetic education and art education distinguished by the absence of common training principles.

Do not reveal the shape and the formation of deep, it does not solve the problem of formation of the person with active emotionally evaluative attitude to the visual, arts and crafts and folk art. All this requires overcoming contradictions in art education and upbringing:

- 1) the formation of artistic and creative thinking, practical-activities;
- 2) education and development of creative abilities, fine skills and aesthetic relationship to reality, to art, to the phenomena of artistic culture, to the national artistic traditions;
- 3) learning the basics of graphic literacy;
- 4) introduction to the heritage of national and world art.

The concept in this case is based on the belief that without the formation of the younger generation of aesthetic relationship to reality, including fine, arts and crafts and folk art, it is impossible to solve the basic

problem of aesthetic education of the younger generation, form a spiritual and value the quality of the child's personality.

Solving these problems will be possible on the basis of a holistic,

system-structural, personal and comprehensive approach to aesthetic education with the help of art. Implementation of these approaches provide a solution to the problem of formation of cultural, spiritually rich and harmoniously developed personality, through the disclosure of the use of artistic hand, the specificity of figurative language, fine arts, arts and crafts and folk art. And then, all of those great, humane ideas, enter into the soul of every child of great spiritual strength, become part of his inner world, fueled his thoughts, feelings and actions.

The urgency of the problem that needs to be addressed by it and by its failure to resolve a great extent will suffer overall level of moral and cultural development of the younger generation, and this should not be allowed. In this issue will help fine art with its diversity.

Now the transformations taking place in education and substantiation-cates these recent psychological studies showing that on the basis of objective account age features of children, and to find the most optimal psychological conditions of training and education of the fine and decorative arts need to:

- 1) increase the number of hours, classes in the visual arts;
- 2) significantly improve the quality of knowledge and skills, teaching effectiveness;
- 3) study the psychological patterns of creation artistic works of art;
- 4) to investigate the features of artistic thinking, the development of artistic perception, as well as tasks that reveal patterns of exposure to works of art in the formation of personality.

Moral-aesthetic education of each person - is not a luxury, but an absolutely necessary component of a comprehensive, harmonious development, this contributes to the fine, decorative and folk art with his works, the assimilation of morality towards people and nature. Underestimating the arts as an important means of aesthetic education leads to defects in the intellectual, moral and ideological development of the human personality.

For modern man, when he uses computers, e-books, phones, communication culture, the culture of vision, color perception, it means nothing less than a culture of verbal communication, which is necessary to attach great importance. This is dictated by the need to now bring the whole system of artistic development with the needs of today's time.

If we take music, literature, painting, drawing, arts and crafts and folk art most clearly has its own unique system of artistic language and creative thinking, but carries its own aspect and the content. It is impossible to recount, even in the most brilliant work of literature all the contents of the scenic or musical work, and the language in which this art refers to the spiritual world of man, we must learn to accept this and we have to learn to understand the language of art and culture.

The aesthetic, art education will be the case if more will be exhibition halls, the creation of new museums, art schools, art schools. School, more than any other is able to instill in each child a love of the arts, to teach the basics of reading and writing and graphic application composition.

Not everyone can become an artist, writer or composer, but anyone can learn to love and understand the best in art, literature, music, cinema, theater. And teach him this - an indispensable duty of the school. A child needs to raise interest in and understanding of the entire wealth of the spiritual culture of the people, all the complex aspects of knowledge inherent in the art of life, and therefore the means of expression.

Fine, decorative and folk art, it poses a special opportunity for the development of creative imagination and intuition, to feel the joy as a creator of his work. It pulls a lot of opportunities in front of us. To work with different materials and processes, in front of us can be not only paints and crayons, and clay, plasticine, cardboard, paper. With the help of these materials develops spatial thinking, imagination. Master feels the material and is capable of creating specific items to express their attitude to the world.

Many genres of classical and contemporary art, some works require serious preparation of young people and sufficiently-accurate culture-level for their in-depth exploration. An important place in the development of graphic reading and writing take skill to use the laws of aerial and linear perspective, the laws of the constructive structure of objects, light and shade, color science, the laws of composition.

The artistic creativity are important innate qualities such as musical ear, ability to feel the harmony of colors, the rhythm of the verse, the aesthetic value of objects and shapes. The essence of artistic talent is formed from a series of psychological, spiritual and social components.

However, the talent, being a complex system of organizations, individually unique human individual, determines the direction and possibilities of creativity. The importance of talent development and have a subjective element: the greatest ability to work and volitional tension, mobilizing all its emotional and intellectual forces, the organization of his workplace and the desire for deeper penetration in social development, constant creative fantasy-oriented.

Classical art surrounds us from the first days of conscious life is: folk tales, songs, poems, historical monuments, paintings and sculptures, with which we are familiar. The art works on the consciousness and behavior of the child is a complex and controversial. If the classical art of the past and the modern progressive art community as it prepares people to the perception of the most advanced contemporary aesthetic ideals, the ideals embodied directly these only in the works. It teaches us to be fine, arts and crafts and folk art are not moralizing, and truthful reflection sharp contradictions of real life.

Moral-aesthetic education and formation moral culture in content is a continuous, ongoing process of transformation of the existing moral knowledge into the inner world of man, the assimilation of norms, rules,

attitudes, habits, customs, developed by previous generations. The moral of a complex system of beliefs. It's emotions, feelings, ideas, motivations, attitudes, philosophical principles, beliefs.

The product of fine, decorative and folk art should excite, shake, show, new, different image unexplored aspects of human life, the world and its conflicts. It reveals to us new ideals, tastes, habits, educate on the traditional folk art. Therefore, in the development of moral-aesthetic education of improving the spiritual world, it attaches to creativity, making socially active and spiritually rich, able to detect its own perfection, perfection of nature and society.

The object of any art is the human beings as the unity of its social and spiritual life, he also serves as the integrity of the elements of which are organically linked. True art always finds this dialectic of concrete historical and universal, and, when this happens, there is an art which we call classic.

This art is the most adequate to its subject matter, most deeply reflects the harmony of man, its historically existing excellence and versatility. Regularities of art is that it is dominated by emotional reactions to the reality and emotional reflection of the world. The social meaning of art is to create such a work of art, which introduces the student in the optimal social and spiritual orientation, facilitates the detection of the progressive tendencies of social development.

The appearance of art was preceded by a long process the formation of aesthetic feelings. It has its origins - a sense of form, symmetry, rhythm, which will now be all Bole complicated, deepen, enrich themselves, learning the harmony of world relations and lead to the process of aesthetic education of the person. They are the denominator aesthetic taste, a sense of proportion, a purely personal feeling, capable of receiving emotional - strong-willed character in relationship to people, things and events.

Artworks are responsible not only to the questions of life, but also on the social, political, moral, that is, art should be universal, multi-valued spiritual phenomenon. However, the outlook in this process is not only rational concept and perception of the world, an organic manifestation of personality. It is due to the creative nature of art, the most complete artist focuses on reality, it enables us to understand the objective foundation of his work. It gives expediency, social and aesthetic value, realized ideas are born works of art that can be socially progressive goals of society.

Of particular importance in the study of graphic reading and writing is active surveillance. Active surveillance can be manifested in two factors:

1) mental activity (especially broad participation under the supervision takes comparison, analysis and synthesis);

2) in the motor activity monitoring.

The properties and quality items are learned best if directly, we will operate them. It is therefore not surprising that, getting to know one way or another subject, I want to not only see it visually, but also to pick up, twirl it, palpate. No less importance is the ratio of the observer. It is necessary to realize the significance of the observations, the responsibility for their results.

Serious, pragmatic and responsible attitude to the observation determines the duration, resistance surveillance, which leads to the improvement of quality in the performance of work, the success of this process will also be accompanied.

The especially found in the development and introduction to the visual arts, when we turn to folk art. It would seem that for centuries developed canons and forms of folklore moral and aesthetic creativity removed the question of whether the individual taste expressed in the artist of the people.

Indeed, prevailing norms of folk art artistic thinking not interfere with the diversity of their implementation. Each individual matryoshka, Dymkovo toy Zhostovo tray clay Gzhel horse they are unique.

People's moral and aesthetic taste is original, and it born unique and specific historical conditions. Folk art is different from the aesthetic taste of modern man and at the same time it is close to us. The uniqueness of folk art is the beauty of this art created on the basis of folklore, other than the beauty of professional art.

Features active involvement of young people in their surrounding life is still really was partially limited, the men and women themselves sometimes do not know how to find a real point of application of the forces in the service of the ideals of good. These phenomena social, psychological, but they affected young people no less, and perhaps even more so. The most suitable spiritual food for the young will be an art.

Fine, decorative and folk art shows the moral freedom of human activities as one of the essential features of the beautiful, the sublime, when the moral and aesthetic ideal as it intersect and coincide. Art has always reveals to man the richest world that surrounds us, it awakens the deepest and unique experiences. The task of art is not only to awaken a sense of beauty, but also to show all of us the diversity of the emotional beauty of the world and give the aesthetic appreciation of different feelings. Social human characteristics is the need and the ability to communicate their experiences in the world of works of art.

At the current level of art and embodied in it moral and aesthetic ideal - this is the future vision of the future in the present. It is always striving forward. Speaking of multilateral development, advanced people of our time, at the same time shows the younger generation is the future in the present. Our understanding of the comprehensive, harmonious development of personality will be continuously improved, changed, filled with new content. It provides not only the integrity of the development of society, but also a centuries-old continuity of the various cultures of the peoples who live in our country.

Art is able to educate and at the same time to form a single and unique inner world of man. It promotes its formation, because the main subject of art reflection and moral and aesthetic appreciation of art - this is an excellent, free in all its manifestations man of the new society. Historically significant personalities and their deeds were sung in folklore, any socially significant event is reflected in painting, drawing, architecture, music, poetry.

A people without knowledge of art deprived of their historical memory, and without historical memory, we can lose its national integrity. The mission of art is manifested at the individual level, bonding together all the spiritual forces of man. It is a historical link between generations is evident when forming ideas and images, revealing the most profound and universal human interests in the form of unique forms of their manifestations. The purpose of the new society - the good and happiness of children, self-assertion, elevated position in life, material and spiritual values.

We in the hands of the greatest arsenal of - the art. Art, which has always been very focused on is spiritual culture, feelings and people relations. The great traditions of Russian culture and artistic achievements have passed from generation to generation.

The purpose and the essence of art is not in making things, and certainly not to satisfy practical needs, and not in terms of religious or philosophical ideas, and that art can create a self-contained world. This is the same approach to works of art. We are all born artists, but then in terms of our society, which leads us to accept his concept, become less impressionable.

In art, we find an understanding of objects, understand the world, the phenomena of reality. Man can know the laws of nature, their harmonious fusion with the world. This is the main meaning of art, the main importance for us to create artistic works. Art is necessary for all of us, not only on the formation of moral and aesthetic views and taste, but also on the intelligence, the whole area of emotional displays. It is very necessary to create a work of art.

Art that expresses the spiritual world, requires careful attitude. Meet with the works of art it is necessary to penetrate into the content, understand the plan - it is a huge force in human life, which must be studied. In this part of the complex and peace of mind, consciousness, and feelings of his contemporaries. Continuously evolving, and today's young artists - lovers of tomorrow, and perhaps even new figures, still unknown

to us art. It not only arouse the viewer's emotional response, feelings, joy. Under the influence of art viewer sees the world as if through the eyes of artist. As a result, there is just living the need for personal creativity, are infected with creative energy.

Art works are not only a source of moral and aesthetic pleasure, but also a source of knowledge through them learned reproduced in memory, specifies the essential aspects of life, the human characters and interpersonal relationships of people. That is why art is difficult to detect a direct reflection of the legal norms of our society.

Art is important in life it conveys, instills cultural and aesthetic values of the past, the great samples of classical art, cultural values. In addition to classical art, to the traditional, so to speak, a culture should include folk culture, folklore, with its rich educational potential and spiritual culture.

The young generation is the future of our small country, who need to know the art and culture of his people. It is the healthy and strong traditions of the past and you can build a form worthy of modern society.

It is necessary to revive the national consciousness of the younger generation by bringing them to the arts, cultural heritage of his people, his country, because through art can educate and instill a love of beauty.

References:

1. LV Maltseva Methods of teaching fine arts. - Krasnodar: Kuban State University, 2015.
2. Maltseva LV, Methods of teaching and fine arts and crafts. - Krasnodar: Kuban State University, 2013.
3. LV Maltseva Learning the basics and the fine arts and crafts. - Germany: Lap Lambert Academic Publishing, 2016.
4. Education / Ed. V.A.Slastenina, I.F.Isaeva, A.I.Mischenko. - M.: School Press, 2002.
5. Shorohov EV Methods of teaching composition at fine arts lessons at school. - M.: Education, 1977.

**ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ НЕТИПИЧНОГО УЧАЩЕГОСЯ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО****Мельник Юлия Владимировна**

*кандидат педагогических наук, начальник
отдела экспертно-аналитического
сопровождения Ресурсного учебно-
методического центра по обучению
инвалидов и лиц с ОВЗ
ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»
г. Москва, Россия*

**TECHNOLOGIES OF SOCIAL INCLUSION OF NON-TYPICAL STUDENT INTO EDUCATIONAL
ENVIRONMENT****Melnik Iuliia Vladimirovna**

*Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the
Department of Expertise Evaluation and
Analytics at Resource Educational and Methodic
Centre for Learning of Persons with Disabilities
FSBEI HE "Moscow State University of
Psychology & Education"
Moscow, Russia*

Аннотация

В статье рассматривается теоретико-концептуальное понимание технологий социальной инклюзии нетипичного учащегося в учебно-воспитательный процесс. Представлено авторское понимание нетипичности; выделяются технологические изменения социально-поведенческого плана, оптимизирующие инклюзию; проводится анализ ключевых характеристик антистигматизационно-плюралистического подхода при дистантности от традиционно-депривационных механизмов образовательной деятельности.

Abstract

In the present article theoretical and conceptual understanding of technologies concerning social inclusion of non-typical student into academic and upbringing process is described. Author shows her own understanding of the term "non-typicalness"; determines technological transformations which are need for improving inclusion; analyses key characteristics of non-stigmatization and pluralistic approach to keeping a distance from traditional mechanisms of deprivation in educational activity.

Ключевые слова: инклюзивное образование, нетипичный учащийся, технологии социальной инклюзии.

Keywords: inclusive education, non-typical student, technologies of social inclusion.

На современном этапе социального развития инклюзивное образование представляет собой наиболее продуктивную тактику обучения каждого ребенка, вне зависимости от проявления у него индивидуальных свойств нетипичности. Под нетипичностью в данном исследовании понимается наличие эксплицитных и/или имплицитных личностных характеристик, выраженных в отклонении от общепринятого императива в позитивную и/или негативную сторону вследствие воздействия экстерналильных либо интерналильных факторов, или их совокупности. Как правило, наличие любых форм нетипичности (психофизиологические особенности развития, одаренность, принадлежность к этническому, лингвистическому, культурному, религиозным меньшинствам и т.д.) в образовательном процессе выступает существенным барьером для качественной и темпорально адекватной интериоризации академического и социального базиса учебного процесса. В этом контексте инклюзивное

образование – релевантная и наиболее рентабельная стратегия совместного обучения всех детей, позволяющая модифицировать возможные отрицательные формы социальной перцепции определенных отклонений от общепринятых норм и выравнивать изначально различные стартовые условия получения образования каждым ребенком, что является залогом его успешной социальной жизнедеятельности на более поздних этапах онтогенетического развития.

Характеристика технологического процесса инклюзивного образования отличается своей комплексностью и семантической вариативностью, вбирающей в себя совокупность техник и методов взаимодействия с особенным ребенком в общем детском коллективе. Среди базовых теоретических концептов релевантной интерактивности с нетипичным учащимся для достижения их практической инклюзии в образовательные реалии выделяется когнитивно-модификационная интерпретация

технологической деятельности. Раскрывая ее сущностное содержание, Т. Смит указывает на приоритетную необходимость и целесообразность стратегии модификационного изменения основных бихевиоральных паттернов всех субъектов инклюзивного обучения, что позволит каждому ребенку в инклюзивном классе в максимальной степени экстернизировать собственный потенциал к реализации паритетной диалогичности со своими типичными сверстниками. Применение модификационно-корректирующих тактик поведения создает стратегию оптимизации для инициации латентных резервов нестандартных индивидов с постепенной выработкой у них устойчивой мотивационной базы к включению в детский микросоциум [3, с. 264]

Мы разделяем представленное видение и оцениваем указанную точку зрения как абсолютно релевантную, так как осуществление процесса истинной инклюзии в образовательную действительность всегда предполагает соблюдение ряда интервентных диспозиций коммуникации со всеми участниками учебной деятельности. Наряду с этим, на наш взгляд, продуктивным является выделение совокупности конкретных трансформаций, дающих возможность стабилизировать и гармонизировать атмосферу равноправия, эмпатии и конгруэнтности в инклюзивном сообществе. К подобным технологическим изменениям социально-поведенческого плана относятся следующие элементы:

1. Выработка трансформационной перцептивной линии по отношению к нетипичному учащемуся. Создание позитивного образа плюрализма в контексте флуктуаций от общепринятых норм является залогом успешной практической апробации тактик мейнстримизации как в рамках академического, так и социального дискурса. Подобная технологическая стратегическая линия поведения служит базовым механизмом для телеологической переориентации холистических тактик инклюзии в контентном и коммуникативном аспектах, а сам нетипичный учащийся приобретает при этом более четкую субъектную позицию. Одновременно с этим восприятие нетипичности приобретает ярко выраженную экспрессивно-эмфатическую функциональность, что конструирует общий благоприятный фон для включения лица с особыми образовательными потребностями в целостную сеть его социальных контактов.

2. Изменение статусно-ролевого набора всех участников образовательного процесса. Генерализованная трансформация комплекса характеристик каждого лица, вовлеченного в создание инклюзивного континуума по обучению и воспитанию, выступает необходимым атрибутом для дальнейшего технологического совершенствования стратегий инклюзии нестандартных индивидов в континуум конкретных учебных и социальных задач. Путем реализации приемов переориентации основных ролей в инклюзивной группе возможно достижение нетипичным ребенком навыков асертивного взаимодействия со своими сверстниками,

что значительным образом способствует элиминации проблемных точек в ходе освоения им учебного материала и приобретения опыта индивидуального социального праксиса, который служит залогом успешного последующего включения в широкий контекст общественных реалий.

3. Создание новой аксиолого-технологической модели взаимодействия в рамках инклюзивной группы. Практическое использование ведущих диспозиций аксиологии и резистентная опора на принципы толерантного принятия любых форм инаковости в сочетании с демонстрацией субъектных стратегий коммуникации компенсаторного типа детерминирует возникновение отчетливой полисемии академического и социального плана. В таком случае формируются благоприятные социально-педагогические условия для раскрытия резидуальных возможностей особенного учащегося и происходит поэтапная оптимизация его адаптивных, мотивационных, функционально-деятельностных и информационно-смысловых интенций. Данные психосоциальные образования, в свою очередь, определяют сконструированность выраженного социального поля для экстернизации заложенных в особенном индивиде имплицитных академических и социальных способностей, что формирует общий дружественный инвайроментаризированный фон для становления на практическом уровне техник холистической инклюзии.

4. Структурированность новой методики учебного процесса в контексте технико-инструментального и инновационно-персонифицированного подходов. Технологическая работа с нетипичным ребенком в инклюзивной среде обучения и воспитания всегда дихотомическим образом связана с модификацией целостной методической системы преподавания, которая направлена на удовлетворение образовательных потребностей каждого учащегося. Учет подобного разнообразия выступает базовой постулатной линией при достижении максимально возможной успешности всех субъектов инклюзии и градации определенных для каждой субъектной группы целей и задач. Изменение методики преподнесения учебного материала всегда предполагает когезийную связь с бихевиоральными трансформациями со стороны каждого индивида инклюзивного микросоциума, такими, как демонстрация конструктивной стратегической линии позитивной автономности и самостоятельности при решении блоков учебных задач, сознательная идентификация себя с выбранной референтной группой, транслирующей для нетипичного лица необходимый и релевантный социальный гнозис, ориентация в своей системе поведения на модуляцию средовой и биологической детерминации. Обозначенные инструментальные компоненты смены методики интерактивности с инклюзивным классом повышают одновременно как индивидуальные достижения каждого ребенка, так и групповую результативность в академическом и экспрессивно-эмфатическом аспектах, что оказывает благоприятную суггестию на многоуровневое внедрение тактики инклюзии.

5. Обеспечение учебного процесса в инклюзивном классе новыми дидактическими основами. Учет принципа дидактики в сочетании с ведущими каналами восприятия академического материала – главный залог успешности при выстраивании адекватной модификационной линии поведения между учителем и учащимся с нестандартными возможностями интериоризации учебного материала. В этой связи системная обработка и переориентация типичных дидактических приемов позволяет своевременно элиминировать совокупность гносеологических и социальных лакун в инклюзивной образовательной среде, что качественно выравнивает изначально различные стартовые возможности всех детей.

6. Разработка, постоянная апробация и совершенствование профессионально-компетентностных составляющих у педагога инклюзивного класса. Технологическая организация учебного процесса в условиях стратегических, оперативных и тактических инклюзивных начал должна тесным образом конвергировать с формированием устойчивого спектра интенций у учителя инклюзивного класса к семантическому декодированию теоретико-методологической, методической и коммуникативно-интерактивной диспозиций собственного профессионализма. При этом ключевым аспектом здесь выступает осознанное стремление к диалектическому развитию индивидуального педагогического уровня мастерства путем постоянного использования ряда новых средств и инструментов, ликвидирующих возможные антиномии в сфере профессионально-личностного взаимодействия со всеми учащимися в инклюзивном классе. В этой связи особую актуализацию приобретает внедрение и дальнейший правильный учет совокупности формальных и неформальных показателей толерантно-рефлексивной диалогичности учителя с детьми, обладающими некоторыми отличительными характеристиками, а также сознательный анализ педагогом воздействия подобных коммуникативно-интерактивных форм общения на итоги академической успеваемости нестандартных учеников в когезивной связи с общей результативностью инклюзивного класса в целом.

Формирование и последующая апробация технологий создания комфортного психосоциального и учебного самочувствия особенного лица при реализации стратегии его вовлечения в режим деятельности общеобразовательного учреждения базируется на модуляционной дистантности от основных императивов традиционной модели обучения и переходе к антистигматизационно-плюралистическому видению функциональной роли нетипичного индивида в среде своих ровесников. Определяя содержательные смыслы данной модели в рамках отхода от стагнационных проявлений учебного и социального порядков, М. Петерсон свидетельствует о значимости и парциальном использовании техники «равный – равному» в образовательном процессе, где особенный учащийся может выступать как в роли актора определенных форм поддержки, так и получателем комплекса сервисных услуг.

Ключевым условием при этом служит достижение принципа гармоничной сбалансированности субъектно-объектных отношений, так как только в условиях релевантной коррекции обозначенных элементов возникают все необходимые предпосылки для реализации истинных форм инклюзии, нацеленной на удовлетворение определенного потребностного запроса каждого участника образовательной деятельности [2, с. 98].

Мы разделяем безусловную рациональность и семантическую продуктивность обозначенной авторской позиции, поскольку внедрение техники «равный – равному», на наш взгляд, существенным образом обогащает перспективы нестандартных детей в общем образовательном континууме и интенсифицирует их способность к социально значимой аутоидентификации себя со сверстниками, что, в свою очередь, позволяет ускорить и качественно обогатить сам процесс инклюзии. Наряду с этим мы считаем целесообразным расширить обозначенную концептуальную рефлексию антистигматизационно-плюралистической интерпретации технологического механизма вовлечения особенного ребенка в ряд академических и социальных инициатив. В этой связи телеологическую детерминацию несет на себе перечень следующих технических характеристик в инклюзивном классе, свидетельствующих о сознательном отказе всех участников инклюзии от традиционно-депривационных механизмов образовательной деятельности:

- тенденция к мейнстримизации возможных отличительных свойств либо качеств личности индивида;
- применение стратегии нормализации в рамках позитивной инструментально-деятельностной рефлексии вариативных флуктуаций различного генезиса (культурологического, этнического, лингвистического, религиозного, ментального, физического и т.д.);
- создание педагогом ситуаций социальной и академической успешности для всех детей в инклюзивном классе;
- постановка на стратегическом уровне приоритета индивидуальных целей и достижений для каждого ребенка, находящегося в ситуации инклюзии;
- проведение компарации результативности между учащимися по разработанным для каждого ребенка критериям и показателям оценки;
- комплементарность в оценке коммуникативной, экспрессивно-эмфатической, семантической и семиотической составляющих учебной деятельности в инклюзивном микросоциуме;
- использование принципа дискуссионности и поливариативной стратегии выбора при решении различной проблематики индивидуального либо группового характера в инклюзивном классе;
- опора на функциональные постулаты компенсаторики как стратегической линии технологического взаимодействия с особыми учащимися;
- работа с любыми формами плюрализма в контексте осознания его как естественного условия существования человеческого разнообразия;

– существование четких стратегий управленческого педагогического менеджмента в инклюзивном образовательном сообществе.

По нашему мнению, практико-ориентированная интервенция всех указанных элементов служит необходимым социально-педагогическим и организационно-технологическим фоном успешного функционирования индекса инклюзии, который может выступать в качестве оценочного параметра реальной степени включенности всех индивидов в требуемые гносеологические и общественные виды деятельности.

Необходимость внедрения ряда инновационных педагогических блоков, позволяющих своевременно устранить негативные последствия традиционализма, представлены и в мониторингово-оценочной концепции технологической базы инклюзии, обозначенной С. В. Алехиной. Согласно ее взглядам, инклюзивная деятельность всегда синергетическим образом сопряжена с мониторинговыми механизмами, которые при вовлечении любого ребенка в учебно-воспитательный процесс и, в частности индивида, имеющего некоторые отклонения от нормы, должны отличаться многоаспектностью, комплексностью и цельностью [1, с. 20-21].

С нашей точки зрения, представленная позиция имеет четко выраженный менеджментский характер, так как мониторинг в ее рамках анализируется с точки зрения управленческих технологий, а сама технологическая работа по развитию инклюзии направлена на достижение реализации мониторинга как итогового результата эффективного осуществления миссии управленца. Одновременно с этим мы считаем необходимым конкретизировать перечень постулатных принципов, на основе которых должен строиться качественно организованный мониторинг по формированию инклюзии в образовательных реалиях:

- обязательное сочетание техник промежуточного и конечного мониторинга;
- вовлечение в мониторинговый аспект всех субъектов образовательной деятельности;
- необходимость привлечения к мониторингу внешних экспертов из различных субъектных групп и сфер профессиональной компетентности;
- диалогичность мониторингового процесса;
- соблюдение диалектичности мониторинговой деятельности;
- интенциональность к резистентной трансформации в ходе мониторинга;
- холистическая и ценностная переориентация базовых результатов анализов мониторингового исследования;
- сочетание стратегий краткосрочного и долгосрочного, горизонтального и вертикального видов мониторинга;

– проблемно-ориентированный характер осуществления экспертного оценивания.

Таким образом, технологии вовлечения нетипичного ребенка в различные виды активности инклюзивного класса отличаются своим вариативным генезисом, содержательным наполнением и ориентацией на личность каждого субъекта обучения. Реализация конкретных технологических направлений определяется в русле конвергентного взаимодействия множества факторов, среди которых приоритетное место занимают:

- возраст нетипичного учащегося;
- индивидуально-темпераментальные черты нестандартных лиц;
- гносеологические особенности всех детей в инклюзивной группе;
- статусно-ролевая позиция индивидов, отличающихся от общепринятых императивов в стратификационной системе детской группы;
- этиология, время возникновения и степень выраженности различных флуктуаций от общепринятой нормы у конкретного нетипичного учащегося;
- профессиональная и личностная подготовленность всех субъектов инклюзивного микросоциума к факту существования различных форм нетипичности;
- управленческая и методическая организация учебного процесса.

В целом комплексно-оценочная характеристика вариативных технологических линий конструирования инклюзии в общеобразовательном учреждении свидетельствует об их четко выраженной телеологии, состоящей в максимизации эффекта вовлеченности нестандартных детей в равной степени в академическую и социальную сферы паритетной экзистенции в рамках поля сетевой социальной контактности со своими типичными сверстниками в инклюзивном образовательном континууме.

Список литературы:

1. Алехина, С. В. О мониторинге инклюзивного процесса в образовании [Текст] / С.В. Алехина // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: материалы международной научно-практической конференции (20 – 22 июня 2011. Москва). – М.: МГППУ, 2011. – С. 20 – 22.
2. Peterson, M. J. Inclusive teaching: creating effective schools for learners [Text] / M.J. Peterson, M. M. Hittle. – Boston, MA: Allyn and Bacon, 2003. – 533 p.
3. Smith, T. E. Teaching students with special needs in inclusive settings. (4th ed.) [Text] / Smith, T. E., et. al. – Boston, MA: Pearson Education, Inc, 2008. – 465 p.

PHILOLOGICAL SCIENCES

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Бекмамбетова З.Ж.

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Журналистика и Переводческое дело»
университета Туран, г. Алматы*

Айтжанова Г.Д.

*Кандидат филологических наук, лектор кафедры английского языка КазННТУ
им. К.И.Сатпаева, г. Алматы*

Турдалиева Э.Д.

*Магистр педагогических наук, лектор кафедры английского языка КазННТУ
им. К.И.Сатпаева, г. Алматы*

LANGUAGE AS A MEANS OF STORAGE OF CULTURAL AND HISTORICAL INFORMATION

Bekmambetov Z.

*Candidate of pedagogical sciences, Associate professor of the Department
"Journalism and Translation Studies"
Turan University, Almaty*

Aytzhanova G.

*Candidate of philological sciences, Lecturer of the Department
English language KazNRTU named after K.I. Satpayev, Almaty*

Turdaliev E.

*Master of of Pedagogical Sciences, Lecturer of the Department
English language KazNRTU named after K.I. Satpayev, Almaty*

Аннотация

В статье рассматривается лексическая система разных культур, обусловленная социальными факторами. А также особо отмечается лингвострановедческое сравнение некоторых словосочетаний.

Abstract

The article discusses the lexical system of different cultures caused by social factors. Also highlights the lingocultural comparison of some phrases.

Ключевые слова: кумулятивная функция, семантика, культурный компонент, лингвострановедение, лингвистический анализ.

Keywords: cumulative function, semantics, cultural component, cultural linguistics, linguistic analysis.

Коллекция и информативность являются теми существенными свойствами языкового знака, которые лежат в основе его важнейшей функции наряду с коммуникативной - функции кумулятивной. Язык в этой функции выступает связующим звеном между поколениями, служит «хранилищем» и средством передачи внеязыкового коллективного опыта.

Наиболее ярко кумулятивная функция проявляется в области лексики, так как именно она непосредственно связана с предметами и явлениями окружающей действительности. Лексическая система в большей мере обусловлена явлениями материального мира, социальными факторами.

Прежде всего, в лексике отражаются фрагменты социального опыта, обусловленного основной деятельностью данного народа. Существование тех или иных лексических единиц объясняется как бы практическими потребностями.

Например, жители Чукотки имеют до десяти названий снега, соответствующих его различным состояниям, а эскимосы различают даже до 100 различных оттенков снега. Арабы пользуются много-

численными названиями различных пород лошадей, представители чернокожих племен Либерии различают разнообразные сорта риса, каждому из которых соответствует свое название.

Неодинаковы у разных народов и традиции обозначения цвета. Например, представители некоторых африканских племен различает всего лишь три цвета. Такое же количество названий цветов существует на языке навахо, при этом для обозначения черного цвета имеются два слова: черный цвет темноты и черный цвет угля.

Своеобразными и символическими бывают даже сами названия цветов в различных языках. Так, например, в русском языке серый цвет ассоциируется с заурядностью и будничностью. Мы говорим «серые будни» про ничем ни примечательные дни. Или мы можем сказать «Такая серость!» при эмоциональной оценке ограниченных людей. В Англии же серый цвет - это цвет благородства, элитности, то есть имеет совершенно другие коннотации.

Белый цвет в русском языке - это цвет чистоты и радости, цвет халата, цвет снега, в то же время на Востоке это цвет траура.

Даже одной и той же физической вещи могут соответствовать совершенно различные семантические описания в зависимости от того, в рамках какой цивилизации рассматривается эта вещь. Поэтому справедливо утверждение А.А.Леонтьева о существовании «национальных смыслов». «Нельзя отрицать, что два слова в двух разных языках, обозначающих один и тот же предмет в культуре двух

- Собака - это
- 1) упряжное животное у эскимосов
 - 2) священное животное у персов
 - 3) презирается в индуистском языке как символ низости

Заяц - косой и трус у русских, но мудрый и знающий для народов западной Африки. Дракон - символ зла в Европе; символ могущества, здоровья и преуспевания на Востоке.

В некоторых языках возникновение ряда слов, обозначающих те или иные понятия, было продиктовано некоторыми социальными или историческими запретами. Например, в прошлом столетии в Англии было запрещено произносить такие слова, как «грудь», «ножка», даже говоря о курице, поэтому появились словосочетания «white meat» и «black meat», вместо «to go to bed» употреблялось «to retier to bed». Существование каких-либо запретов в других языках отсутствовало, появление подобных сочетаний зафиксировано не было.

Определенную национальную и культурную коннотацию приобретают в языке и имена собственные. Их конкретное содержание определяется лицами, носящими данные имена, однако они имеют свойство выполнять не только назывные функции, но и обозначать какое-нибудь качество, свойство, характерные черты личности вообще. Здесь можно привести следующий отрывок:

- A person can be
- Miserable like the little match girl
- Alike with women and fast with gun like James

Bond

Маленькая девочка, продающая спички на улице (образ, сложившийся в английской литературе 19 века) олицетворяет собой лишения и страдания. Наоборот Джеймс Бонд - суперагент 007, с ним связано представление о супермене, любимце женщин. Однако без знания этого было бы невозможно понять весь смысл, который пытались вложить авторы в эти строки. Требуется знание литературы, истории, традиций Англии.

Связь истории и культуры народа с языком особенно ярко проявляется на фразеологическом уровне. Большое число пословиц, поговорок отражают специфические национальные черты, корнями своими уходят в историю народа, его быт, обычаи, традиции [2, с. 45-48].

Сравним, например, английские и русские пословицы:

Cristmas comes but once a year
To have one's cake and eat it
A cat may look at a king

Или следующие фразеологизмы

A drop in the bucket
To kill two birds with one stone

народов и являющихся переводными эквивалентами, неизбежно связываются с нетождественными содержаниями, и это позволяет говорить о «национальных смыслах» языковых знаков» [1; 56].

Наглядным примером может служить такое слово, например, слова как «собака».

В английском языке имеется большое количество фразеологизмов имеющих литературное происхождение, многие из которых широко применяются в каждодневной разговорной речи. Любому англичанину с детства известны такие фразеологические словосочетания из книг Л.Керрола «Алиса в стране чудес», «Алиса в зазеркалье», как:

To smile like a Cheshire cat
Mad as a hatter

Характерным является то, что само появление фразеологизмов или устойчивых словосочетаний порой обуславливается изменениями в общественной жизни народа, возникновением таких условий, в которых социальная значимость слов настолько велика, что она приобретает черты символичности.

Так, например, в Англии в 70-е годы на решение о переходе к единому типу школ (comprehensive schools) консервативные круги правительства ответили рядом официальных документов, протестуя против данного решения и требуя его отмены.

Эти документы известны в системе британского образования как «Black books», соответственно их авторов называют «Authors of black books».

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что одни слоги лексики обусловлены социальными и культурными факторами более очевидно, другие - менее очевидно. Если национально-культурное содержание представляет собой ядро фразеологических единиц, то в именах собственных оно является своего рода коннотацией.

Таким образом, можно из слов имеющих культурный компонент выделить три группы:

- 1) безэквивалентные
- 2) коннотативные
- 3) фоновая лексика

Безэквивалентные - слова, служащие для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре, и не имеющие прямых эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат.

Коннотативные - слова, которые не просто указывают на предмет, но и несут в себе обозначение его отличительных свойств.

Фоновая лексика - слова или выражения, имеющие дополнительное содержание и сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, известные говорящим и слушающим принадлежащим к данной языковой культуре.

Далее необходимо рассмотреть такое понятие как социально-культурный аспект значения слова и понять, в чем суть фоновой лексики - в том, что если сравнивать понятийно-эквивалентные слова в разных языках, то они будут отличаться друг от друга в силу того, что каждое из них сопряжено с определенной совокупностью знаний. Поэтому фоновая лексика образует наиболее сложную группу, с точки зрения определения их национально-культурного содержания.

Как уже было сказано, исследование проблемы существования особого компонента в значении слова, который хотя бы в некоторой степени заключал в себе сведения о той социально-исторической действительности, в которой существует и функционирует тот или иной язык, ведутся русскими лингвистами уже на протяжении многих лет.

Поэтому далее мы рассмотрим характерных особенностей и специфики фоновых знаний лексического поля «школьное дело Англии»; того, как через призму тематически объединенных слов отражаются и фиксируются характерные черты реальных предметов и явлений действительности, усвоение которых является важным и неременным условием овладения иностранным языком для общения на данную тему.

В соответствии с классификацией лексических единиц, имеющих культурный компонент значения, сначала рассмотрим группу слов, которые являются безэквивалентными, так как национально-культурное содержание в этих словах составляет ядро их значения, и они обозначают понятия, не имеющие аналогов, в нашей действительности:

Colours	цвета школы (2-3 контрастных цвета, характерных для ученической формы)
Granting = banding = streaming	распределение учеников по группам в зависимости от их успеваемости
Tripartitism	деление школ на три типа – грамматические, технические и современные
Eleven plus =11+	отборочные экзамены в 11 с половиной лет, включающие интеллектуальные тесты
Commemoration	день поминовения (день памяти основателей школ, университетов)
May week	две недели в начале июня в конце учебного года
Horsa hut	сборная комната (дополнительное помещение примерно на 35 человек, устанавливалось в послевоенные годы ввиду нехватки школьных зданий и в связи с увеличением срока обязательного образования)
Eton & Harrow colleges	наиболее известные и престижные частные школы
Oxbridge	Оксфордский и Кембриджский университеты

Эти лексические единицы интересны особенно со страноведческой точки зрения, так как ярко отражают национальные особенности данной лексики, а также дают некоторые исторические сведения из истории образования в Англии.

Не менее интересно будет рассмотреть группу слов, относящихся к коннотативной лексике. Например:

to scive (coll) = to bunk off (sl) = to play truant - прогуливать

bear - schoolmaster

coach - (semi-coll) - private tutor

we've gone done (sl) - at Oxford & Cambridge = we've left the University

old boy (girl) - a former people of a school

«Mock» GCE - an internal exam run schools as a rehearsal for the GCE

bulger - the jargon for the increased number of pupils after the war

Следует отметить, что порой обнаружение некоторой коннотации присущей слову, представляет определенную сложность в связи с тем, что она не фиксируется в словарях, а соответствующий слову русскоязычный компонент лишен подобной коннотации. Сравним, например, английское слово «pupil» и русское «ученик»:

«pupil» - person who is learning in school or from a private teacher

«ученик» - учащийся школы или профессионально-технического училища

Практически идентичные определения!

И только, пронаблюдав употребление английского слова «pupil» в возможных контекстах, можно обнаружить, что данное слово имеет некоторый оттенок формальности, не употребляется так широко, как русское «ученик» и, как правило, очень часто заменяется такими стилистически нейтральными единицами, как boy, girl, children.

Далее рассмотрим слова, которые имеют иноязычный эквивалент, но реалии, обозначаемые ими, существенно различаются, то есть составляющие фоновую лексику.

Например, согласно словарным определениям, русское слово «школа» и английское «school» можно считать эквивалентными. Однако более подробное рассмотрение данных единиц заставляет нас усомниться в их эквивалентности, во всяком случае, множество примеров из английского языка доказывают, что понятие входящее в семантику английского слова «school», значительно шире, чем в русском слове «школа». Так, например, слову «school» в русском языке при переводе могут соответствовать различные эквиваленты, имеющие собственную понятийную основу, отличающуюся от понятия, входящего в слово «школа».

Школа

1) училище (art school, drama school etc.)

2) институт (medical school)

3) факультет (the school of Chemistry consisting of Inorganic chemistry, Organic chemistry & Physical chemical Department in Leeds)

4) курсы (language school, driving school)

С другой стороны, в английском языке имеется целый ряд лексических единиц, включающих понятие «школа», иными словами, рассматриваемое понятие имеет различные лексические средства выражения, существование которых порой обусловлено различными экстралингвистическими факторами:

School

1) College (напр. Elton College) - исторически сложившееся обозначение некоторых наиболее старых и престижных частных школ.

College (напр. Sixth-form College) - так называется школа последней ступени, включающая два года обучения для завершения среднего образования и получения сертификата.

2) Academy (напр. Glasgow Academy) - мужская привилегированная частная школа.

3) Kindergarten - a school (pre-school) for developing the intelligence of young children by object lessons, toys, games, singing etc.

4) Department (Ex. the infant(s) department, junior department) - так называются школы для детей, которые входят в состав «primary school» - (начальной школы) в качестве двух ступеней обучения.

Или рассмотрим следующие два словосочетания: «boarding - school» и «школа - интернат» [3, с. 54-58].

Оба они включают понятие: «школа, в которой учатся и живут».

Однако известно, что в нашей стране в школах-интернатах обучаются дети, потерявшие родителей или по ряду причин не живущие с ними, поэтому дети в таких школах находятся на государственном обеспечении.

В Англии же, напротив, плата за обучение в «boarding school» чрезвычайно высока, так как они составляют в основном все наиболее известные и привилегированные частные школы, в которых обучаются дети только очень богатых родителей.

Таким образом, английское слово «school» является понятийно более широким, что отражено, с одной стороны, в более широкой лексической презентации данного понятия в родном языке, а с другой - в понятийной удаленности соответствующих переводных эквивалентов в сопоставленном языке (русском).

Однако содержанием понятия семантика лексических единиц «school» и «школа» не исчерпываются. Эти слова сопряжены с целой совокупностью знаний, известных каждому носителю данного языка. Употребление англичанами таких словосочетаний со словом «school», как «pre-preparatory»,

«preparatory school», «maintained school», «country school», «public school», «boarding school» связываются у англичан с большой разветвленностью системы образования в Англии, в частности с наличием финансового самостоятельных школ.

Словосочетания «middle school» или «first school» сопоставляется с государственной системой образования, они употребляются тогда, когда речь идет о едином типе школ «comprehensive school», а точнее об отдельных ступенях этой школы: «first school, middle school, upper or high school». Необходимо отметить, что в случае перевода данного слова методом калькирования (high school - высшая школа) можно наблюдать явление лингвострановедческой интерференции, поскольку в русском языке «высшей школой» называют учебные заведения, в которых можно получить высшее образование. Однако в английском языке «high school» употребляется для обозначения средней школы (завершающий этап обучения), иногда это словосочетание имеет коннотацию основная, главная школа города:

Например «Bath High School in the city of Bath».

Словосочетания «secondary (modern) school» и «средняя школа» также нельзя считать абсолютно эквивалентными, так как в России средняя школа включает и начальную (ее возрастной диапазон 7-17 лет). В Англии же образование в средней школе получают дети от 11 до 18 лет, дети более младшего возраста учатся в «primary school», которая является самостоятельной школой и не входит в состав средней. Поэтому более правильными эквивалентами русского языка будут следующие:

начальная школа - primary department

средняя школа - school или common school

В связи с этим хочется привести ещё один пример того, как недостаточное знание тех или иных культурных реалий приводит к неправильному пониманию мысли.

Если мы не знаем специфики высшего образования в Англии, и зададим следующий вопрос: «На что вы истратили свою стипендию?», то для англичанина он покажется довольно странным, так как стипендия для британского студента - это не пособие, которые выдается на руки, а деньги, которые перечисляются на образование, входящие в состав оплаты за обучение.

Таким образом, данная фраза для британского студента будет лишена смысла: имеет место явление лингвострановедческой интерференции.

Или пример с другой стороны: если дать англичанам закончить следующие фразы, значение которых было им вполне понятно, то мы возможно получили бы следующие ответы:

<u>Начало предложения:</u>	<u>Конец предложения:</u>
Российский школьник в жаркий июльский день	study at school
Учащиеся 5а отличаются от учащихся 5б тем, что	they're cleverer and more intellectual
Во время перемены ученик может	go home and have a dinner

Полученные результаты наглядно показывают то, что отвечающие недостаточно знакомы с русской системой образования. Они полностью отождествляют лексическое понятие и лексический фон слов своей языковой системы (class, stream, break) со словами русского языка. Как известно, учебные занятия в Великобритании заканчиваются 27 июля, классы делятся на потоки в зависимости от способностей учащихся, а перемена может длиться до двух часов.

Результаты исследований, проведенных по данной проблеме, наглядно показывают, каким образом привычные представления британских студентов об английской действительности переносятся на русскую действительность. Проведя экспериментальное исследование явления лингвострановедческой интерференции тематического поля школьной системы Англии и России, Ю.Ю.Дешериева подтвердила положение о том, что данное явление обуславливается различием лексических фонов сопоставляемых единиц.

Специфика среднего образования Великобритании такова, что английская средняя школа не представляет собой учреждения, которое обязательно, необходимо закончить, выполнив предложенную школой программу. Кроме того, в компетенцию школы не входит проведение заключительного экзамена, таким образом для англичанина школа есть учреждение, куда надо «ходить» (to go to school) до определенного возраста, а потом «покинуть» (to leave school), когда родители сочтут нужным, что ребенку пора начинать трудовую деятельность. И покидают школу не в конце учебного года, а чаще всего к рождественским или пасхальным праздникам, отсюда и словосочетание «be term leaver». Необходимо отметить, что словосочетание «to leave school» обуславливает существование противоположного ему по смыслу словосочетания «to stay in school» или «to stay in education», что означает «продолжить образование».

Интересной является лингвострановедческое сравнение словосочетаний «school leaver» и «выпускник школы», проведенная Н.Н. Михайловым [4, с.56]. Автор показывает, что осмысливание каждого из словосочетаний обуславливается лексическими фонами слов «школа» и «school», которые указывают на реалии, имеющие качественные различия, иными словами, содержат в своей семантике культурный компонент значения.

В своей статье автор анализирует также и синтаксические связи слов «школа» и «school», отмечая факт преобладания в словосочетаниях английского языка глаголов с более широкой понятийной основой. Например:

Школа отправилась на экскурсию - The school moves about

Школа распущена на каникулы - The school breaks up

Этот вывод подтверждается многими примерами из английской учебно-методической литературы по теме «Образование, обучение». Например: «We were a week into a new term but i couldn't adjust to being back» - мы проучились уже неделю в новом

семестре, а я все еще не мог привыкнуть к тому, что я снова учусь.

Или: учиться в школе - to go to school (to be at school)

учиться хорошо - to do well

писать диктант - to do dictation

По мнению автора, употребление глаголов с широким значением в английском языке отчасти объясняется общей тенденцией языка к имплицитности, но не только эти и не всегда. Интересным является также факт ограниченного употребления такого, казалось бы существенного для школы глагола как «to study». Он широко употребляется в трудах по педагогике в сочетании «to study different subjects» часто встречается в университетском обиходе параллельно с глаголом «to read» (напр. He's studying English - He's reading English). Но даже в этих случаях порой заменяется на глаголы с более широкой понятийной основой: to do, to have, to take, etc. Необходимо отметить также, что, судя по контексту, глагол «to study» подчеркивает более академические формы обучения, свойственные в Англии именно вузовскому преподаванию, поэтому для английского школьного обихода характерно использование оборота с глаголом более широкого значения.

Сравним:

to study at college но to go to school

to study for M.A. to attend school

Обычно о первокласснике, применительно к русской действительности, говорят: «Он пошел в школу», а о выпускнике «Он поступил в институт». Характерной особенностью английской средней школы является большое количество школ разных типов, с разными условиями приема, а отсюда - своеобразием лексического фона.

Например словосочетание «поступить в ...» будет для разных типов школ звучать по-разному:

- обычную государственную - to start at school начальную школу

- платную, начальную, дающую - to get into a preparatory

подготовку для поступления в school

частную привилегированную школу

- поступить в грамматическую - to be admitted to grammar

привилегированную школу (public) school; to enter

через отборочный экзамен grammar (public) school

Следует отметить, насколько важно при обучении иностранным языкам избегать калькирования словосочетаний со словами, в которых имеется культурный компонент значения. Сравним, например, синонимы:

«class» и «form» в значении «группа учащихся»:

class - group of person taught together

form - class in GB school, the youngest boys and girls being in the first class and the oldest in sixth

Как следует из определения,

«class» - это класс как группа учащихся, а

«form» - предполагает их деление по возрастным ступеням

Соответственно будут они отличаться:

«Classroom» - room where a class is taught and keep its books (the word is restricted to primary schools)

«Formroom» - the meanings as classroom but is mainly restricted to secondary schools, where it usually denotes a room used by a particular form for registration

Или сравним, например, словосочетание «классный руководитель» и «classteacher». Употребляя их в качестве эквивалентных, можно легко попасть в заблуждение, так как они обозначают реалии, имеющие существенные различия:

«Классный руководитель» - учитель, который отвечает за успеваемость и поведение в классе, проводит родительские собрания, классные часы, контролирует оценки в дневнике [5, с. 65-69].

«Class teacher» - a teacher who takes one and the same class for most of its lessons [6, с. 34].

Поэтому словосочетание «классный руководитель» будет соответствовать в английском языке «form master» - a teacher who is in charge of a class or a form for purposes of administration.

Трудно не признать тот факт, что отдельные слои лексики языка испытывают большое влияние культуры, окружающей людей. Особенно ярко это проявляется на при рассмотрении безэквивалентных и коннотативных конструкций.

Однако наиболее сложным и интересным является случай фоновой лексики, то есть такой, где слова эквивалентные в понятийной области, расходятся в другой сфере своей семантики. Рассматривая значение слова расчлененно, как совокупность семантических составляющих или семантических долей, можно выделить лексический фон следующим образом: он будет состоять из тех непонятных семантических долей, которые образуют остаток, если из всей семантики, всего плана содержания слова (семемы) вычесть понятийные семантические доли.

Как доказывают многочисленные примеры, национально-культурное содержание лексики играет важную роль в прикладном языкознании, а особенно в практике преподавания и изучения иностранного языка.

Изучение фоновых знаний, объективных способов выделения культурного компонента значения является важной задачей, так как включение в лингвистический анализ социального измерения дает возможность глубже проникнуть в саму природу языка, полнее выявить условия его функционирования и динамику его развития, позволяет представить в новом свете картину языка как общественного явления.

Список литературы:

1. Баллантайн, Роберт Майкл. Коралловый остров: Кн. Для чтения на англ.яз. Адаптация В.Г.Коган М.; Просвещение, 1976.
2. Поуви Д. Уолли И. Пособие по педагогической терминологии - 2-ое изд., испр. и доп. - М.: высш. школа, 1982
3. Михайлов Н.Н. Лексика с культурным компонентом значения - Сборник научных трудов МОПИ им. Н.К.Крупской, 1983
4. Верещагина И.Н. и Прыткина Т.А. Английский язык Учебник для 2 класса школ с углубленным изучением английского языка, лицеев, гимназий, колледжей. М.: Просвещение, 2000.
5. Oxford advanced learner's dictionary of current English / Ex. A.S. Hornby with assistance of A.P. Cowic J., Windsor L. - Oxford : Oxford univ. press, 1977
6. Дроздова Т.И. Опоры - символы и опоры - рифмовки на уроке английского языка. Учительская газета. - 1992 (№48)
7. О'Конелл Сью. Английский язык для продвинутого этапа обучения /на англ.яз./ Эдинбург, 1999.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЛЕКСИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Садовникова М.Н.

*Южный федеральный университет, к. филол. н. доцент кафедры
романской филологии*

Кумпан Н.А.

*Южный федеральный университет, студент кафедры романской
филологии
Ростов-на-Дону*

THE REPRESENTATION OF RUSSIA IMAGE IN THE FRENCH MASS MEDIA: LEXICAL PRAGMATICAL ASPECT.

Sadovnikova M.N,

*Southern Federal University, candidate of Philological Sciences, associate
Professor of Romanic Philology*

Kumpan N.A.

*Southern Federal University, Student of Department of Romanic Philology
Rostov-on-Don*

Аннотация

В данной статье ставится задача выявить лексические средства, участвующие в формировании образа России, и их прагматический потенциал в современных французских масс-медиа. Особое внимание обращается на то, что роль России в международных геополитических процессах, современная российская действительность являются предметом постоянного обсуждения и оценки во французских масс-медиа, в результате чего в медийном пространстве Франции создается определенный образ России - образ субъективный и тенденциозный.

Abstract

In this article the authors want to reveal lexical means participating in the image of Russia formation and their pragmatic potential in contemporary French mass media. Particular attention is drawn to the fact that Russia's role in international geopolitical processes and the modern Russian reality are a subject of ongoing discussion and evaluation in the French mass media, as a result in the French mass media a certain image of Russia, a subjective and tendentious one, is created.

Ключевые слова: медиатекст, французские масс-медиа, лексические репрезентации, образ России, прагматическое воздействие.

Keywords: media text, the French mass media, lexical representations, the image of Russia, pragmatic impact.

Проблема формирования образа любой страны неотъемлемо связана с феноменом информационных войн. Недавние информационные войны против России были вызваны присоединением Крыма, введением санкций Америкой и Евросоюзом, конфликтами с Украиной, войной в Сирии. Проблема информационных войн против определенной страны относится к сферам журналистики, политологии и социологии. Однако реалии информационной войны репрезентируют, на наш взгляд, прежде всего оценочные средства языка, которые обладают высоким прагматическим потенциалом воздействия на аудиторию. Задача лингвистики состоит в том, чтобы провести анализ языковых средств, которые используются масс-медиа для формирования образа России. В спектр наших задач входит:

1. Определить какие темы, репрезентирующие современную российскую действительность, наиболее частотны во французских масс-медиа, поэтому являются значимыми для создания образа России.

2. Выделить специфические черты образа России, которые нашли свое отражение во французском медийном пространстве.

3. На материале французских медиатекстов выявить лексические репрезентации (лексемы) образа современной России и их прагматический потенциал.

Итак, для создания образа России путем сплошной целенаправленной выборки с апреля 2014 г. по март 2016 г. отбирался материал из медиатекстов таких французских газет, журналов, веб-сайтов и радиостанций, как *Le Figaro* (ежедневная французская газета считается отражением умеренно правых партий, за что и подвергается сомнению со стороны левых), *Sputnik France* (*SF est un média d'information alternative et d'analyse, produisant un contenu exclusif, multimédia, et ouvert sur un monde multipolaire* / Спутник Франс - средство альтернативной информации и анализа, предоставляющее эксклюзивное мультимедийное содержание), средство информации, которое открыто всему многополюсному миру - www.facebook.com,

France Info (круглосуточная новостная радиостанция), *France Inter*, www.acrimed.com - observatoire des médias, *Le Monde* (французская ежедневная вечерняя газета, в противоположность), *Le Figaro* (газета является отражением леволиберальных взглядов), *L'Express*, *Le Point*, *Libération*, *Le Monde diplomatique*.

Анализ языкового материала позволил установить, что все медиатексты интенциональны и ориентированы на определённый прагматический эффект, цель которого заключается в непосредственном воздействии на франкоязычного адресата, чтобы заставить его принять соответствующее мнение в отношении сообщаемой информации. Во всех французских медиатекстах прослеживается тематическая определенность.

Нами были выявлены следующие наиболее частотные темы в репрезентации образа России во французских масс-медиа, а также проведён анализ лексических средств, формирующих актуальный образ современной России во французском медийном пространстве, и их прагматическое воздействие: **президент страны Владимир Путин как представитель власти и отношения России с Ближним и Дальним Зарубежьем** (Украина, США, страны Евросоюза, Сирия, Турция).

Тема власти. Анализ французских медиатекстов о Владимире Путине показывает, что действия президента нашей страны реализуются посредством определенных глаголов, которые оказывают прагматическое воздействие на адресата:

M. Poutine ne pouvait rêver mieux que cette ineptie pour enclencher sa manœuvre criméenne (*Le Monde diplomatique*, le 28 avril 2014). – Господин Путин **мог только мечтать** об этой **нелепости** для того, чтобы **пустить в ход свой крымский манёвр**.

Наиболее ярко во французском медийном пространстве представляются действия президента России в Крыму с помощью оценочной лексики, несущей в себе негативные коннотации:

Vladimir Poutine ne s'est pas contenté de la Crimée annexée après un référendum bidon (*Libération*, le 3 septembre 2014). – Владимир Путин **не довольствовался** аннексированным Крымом после **лживого** референдума.

(...) «**L'agression en Crimée (...) insufflé de l'audace à d'autres agresseurs, des nationalistes chinois aux terroristes d'Al-Qaida et aux théocrates iraniens**» (*Libération*, le 3 septembre 2014). – **Агрессия** в Крыму **вдохновляет на дерзость** и других **агрессоров**: от китайских националистов до террористов Аль-Каиды и иранских теократов.

Следует отметить, что выбор данных лексем указывает на негативные оценки медийного пространства Франции, которые эмотивно воздействуют на адресата. Посредством коммуникативного воздействия происходит трансформация семантического пространства и сознания французской аудитории [3, с. 113]. Референдум о присоединении Крыма и последующие события оцениваются с позиций французского общества и западной демократии.

В современных французских масс-медиа довольно частотно употребление глаголов и существительных, образованных от имени собственного видного политического деятеля, которые, по мнению французских журналистов, ярко характеризуют его стиль правления. Так, в анализируемых медиатекстах неологизм *poutiniser* употребляется с отрицательной коннотацией в 89% от общего количества примеров. Разумеется, каждый автор вкладывает в значение этого неологизма свое видение реальности, значимой именно ему. В этом, на наш взгляд, проявляется определённый субъективизм при употреблении, в частности, глагола *poutiniser* во французском медийном пространстве.

Под неологизмами *poutiniser* и *poutinisme*, французскими масс-медиа подразумевается режим власти президента России с характерными ему чертами правления, вызывающий во французских читателях весьма однозначные ассоциации. Можно выявить определённое семантическое поле, в которое входят такие понятия, как авторитарный режим, нарушение норм международного права и т.д. [2, с. 152].

Une petite musique dérangeante monte à droite depuis plusieurs mois, celle du poutinisme, mélange d'autoritarisme, d'antiaméricanisme et d'antilibéralisme (*Le Monde*, le 28 février 2016.) – Уже несколько месяцев из лагеря правых доносится беспокоящая музыка, музыка **путинизма**, смешение с авторитарностью, антиамериканизмом и антилиберализмом.

Данные неологизмы граничат с сарказмом, которые сегодня используется довольно часто. На самом деле, под окказионализмом *poutinisme* французское медийное пространство имеет в виду политику, которая концентрируется на президенте. По мнению французских масс-медиа, этот феномен не что иное, как пропаганда патриотизма и политического безразличия.

Propagande et ferveur patriotique en Russie (<http://www.acrimed.org>). – **Пропаганда** и патриотический пыл в России.

Довольно часто можно встретить медиатексты, где французские авторы упоминают прошлое В. Путина в рядах КГБ:

La Russie se prête à merveille à cette scénarisation, qui a le mérite de la simplicité. Pour nombre de commentateurs, cet Etat barbare gouverné par les Cosaques a la semblance d'un ailleurs semi-mongol tenu par les épigones du KGB (*Le Monde diplomatique*, le 28 avril 2014). – Россия прекрасно подходит этому сценарию, который заслуживает того, чтобы быть простым. По мнению многих комментаторов, это варварское государство, управляемое казаками и имеющее сходство, впрочем, с полу монгольским, держится на эпигонах КГБ.

Аббревиатура *KGB* утвердилась в сознании французских читателей как имеющая отрицательное значение, поэтому несет в себе крайне негативную коннотацию.

Довольно частотное закавычивание во французских медиатекстах имплицитно репрезентирует негативность оценки:

Elle s'appuie tantôt sur des analyses qui soulignent la compulsion totalitaire et « mensongère » de la culture russe ... (Le Monde diplomatique, le 28 avril 2014). – Она опирается то на анализы, которые подчеркивают тоталитарную и «ложную» манию русской культуры...

Чтобы усилить прагматическое воздействие на французского читателя, при характеристике власти авторы вновь пользуются лексемами с негативной оценкой:

Le président russe serait même en train de déclarer la guerre à l'Europe et de violer le droit international (http://www.acrimed.org). – Российский президент, по всей видимости, собирается **объявить войну** Европе и **грубо нарушить** международное право.

Для усиления оценочных смыслов во французских медиатекстах можно наблюдать частотное употребление метонимий. Используя, например Kremlin или Moscou, они таким образом выражают имплицитно своё негативное отношение к ней.

Le Kremlin, redoutant l'encerclement, est à nouveau tenté de se protéger derrière des États transformés en glacis (Le Monde diplomatique, le 28 avril 2014). – Кремль, боясь окружения, вновь пытается защитить себя от государств, заморозив с ними отношения.

Как показал наш анализ, излюбленным средством французских журналистов, репрезентирующим образ России, являются метафора, ирония и сарказм.

Réputée pour son opacité, la machine du pouvoir russe tourne à plein régime, laminant toute opposition et prenant l'Occident de vitesse (Le Monde diplomatique, le 28 avril 2014). – Имеющая репутацию непрозрачной, машина русской власти идет полным ходом, сминая на своем пути любую оппозицию и продвигаясь на Запад.

La question n'est pas de savoir si M. Poutine est la réincarnation d'Ivan le Terrible (Le Monde diplomatique, le 28 avril 2014). – Вопрос заключается не в том, чтобы знать, является ли господин Путин реинкарнацией Ивана Грозного.

De temps en temps, ils coulent un sous-marin nucléaire pour le plaisir de polluer la mer de Barents, en attendant de susciter un référendum illégal dans leur « étranger proche » afin de reconstituer l'URSS (http://www.acrimed.org). – Время от времени они топят атомную подводную лодку ради удовольствия загрязнения Баренцева моря, ожидая проведения незаконного референдума в «Ближнем Зарубежье», чтобы воссоздать СССР.

Прагматический аспект таких стилистических средств, как метафора, метонимия, ирония, сарказм, позволяет наиболее полно представить разнообразие коммуникативных возможностей данной лексикой, что проявляется в стремлении французских журналистов произвести на адресата сильное впечатление, вербально воздействовать на него.

Тема отношений России с Ближним и Дальним Зарубежьем. Французские масс-медиа не менее часто анализируют отношения России со странами Ближнего и Дальнего Зарубежья. Эта тема

широко представлена в качественном отношении, что свидетельствует о значимости данной темы. В рамках данной темы самой репрезентативной является тема отношений с Украиной.

La personnalité de Poutine n'y suffit pas tant la Russie a toujours considéré Kiev comme une préfecture sous tutelle. Les tragédies du XXe siècle, les hantises de la Russie post-soviétique, les intérêts stratégiques et économiques lient indissolublement ces deux pays (http://www.acrimed.org). – Личности Путина здесь недостаточно, ибо Россия всегда рассматривала Киев как свою префектуру, находящуюся под ее опекой.

Анализ французских медиатекстов демонстрирует то, что отношения России с Украиной стали напряженными из-за войны в Донбассе, присоединения Крыма и увеличения цен на газ.

Лексические репрезентации данной темы указывают на осложнение отношений между странами: *une crise ukrainienne; brutalité de la réaction russe envers l'Ukraine; une grave escalade des tensions; l'agression; la guerre; l'annexion; conflit gazier.*

La Russie est entrée en guerre contre l'Ukraine (Libération, le 3 septembre 2014). – Россия вступила в войну против Украины.

Риторический вопрос, который довольно часто используется французскими авторами статей, в-первых, позволяет им выразить свою отрицательную точку зрения, во-вторых, прагматически воздействуя на адресата, заранее планирует желаемую реакцию:

Comment expliquer la brutalité de la réaction russe envers l'Ukraine (http://www.acrimed.org)? – Как объяснить грубость российской реакции по отношению к Украине?

Вновь можно отметить частотное употребление военных метафор в медиатекстах, посвященных анализу проводимой Россией политики в отношении Украины:

La croisade ukrainienne de Vladimir Poutine galvanise la ferveur patriotique des Russes (http://www.acrimed.org). – Украинский крестовый поход Владимира Путина разжигает патриотический пыл русских.

В количественном плане статей о Дальнем Зарубежье несколько меньше, чем статей о Ближнем Зарубежье. Президент Владимир Путин снова выступает субъектом отношений. «Политические решения и действия характеризуются как не соответствующие мировым нормам или действительности - для этого используются слова с отрицательной нормативной оценкой» [1]. С помощью поставок газа осуществляется давление на страны-клиенты (бывшие советские республики, страны Восточной и Западной Европы).

En 2017, pour le centenaire de la révolution d'Octobre, Vladimir Poutine sera en mesure de proclamer: «J'ai refait la Russie!» En contrôlant les rouages lucratifs d'une économie mise en coupe réglée, en jouant de l'arme du gaz, en bénéficiant du soutien de trois forces conjuguées: les post-communistes, les nationalistes et l'Église orthodoxe. – В 2017 году на

столетие Октябрьской революции Владимир Путин сможет провозгласить: «Я воссоздал Россию!» - контролируя доходные механизмы регулируемой сокращением экономики, играя газовым оружием, пользуясь поддержкой трех слагаемых сил: посткоммунисты, националисты и православная церковь.

Проведенный анализ медиатекстов показал, что французское медийное пространство оценивает международную политику России как политику агрессивную. Вербальные характеристики данной темы: давление на страны с позиции силы, газовое оружие российской власти, эскалация напряжения и другие, - яркое тому подтверждение.

Наиболее частыми причинами проблем во внешних отношениях России и других стран выступают война в Украине и Сирии, права человека, энергоносители:

Surtout que le déshonneur s'accompagne ici d'une profonde erreur d'analyse, car la politique de Poutine en Syrie est à la fois inefficace et totalement incompatible avec nos propres intérêts (Le Monde, le 28 février 2016). – Главным образом, бесчестие здесь сопровождается глубоко ошибочным анализом, поскольку политика Путина в Сирии одновременно неэффективная и полностью несовместима с нашими собственными интересами.

Глубинные процессы отношений между Россией и Украиной, Россией и Евросоюзом подразумевают отношения России и Америки, которые противостоят друг другу, о чём имплицитно упоминается в медиатекстах:

La crise ukrainienne et la crise syrienne seraient des illustrations du retour de la Russie sur la scène internationale et de sa capacité à remettre de l'ordre, après l'échec flagrant de l'Europe et des Etats-Unis (Le Monde, le 28 février 2016). – Украинский и сирийский кризисы, по всей видимости, являются иллюстрациями возвращения России на международную сцену и ее способностью восстановить порядок после вопиющего провала Европы и США.

При анализе французских медиатекстов прослеживается иное видение языковой картины мира России. Во французских масс-медиа информация о русской действительности выглядит иначе, чем мы её видим.

Следует отметить тот факт, что наибольшее количество статей посвящено политической системе России, которая рассматривается с позиций западных стандартов и через призму «европейской демократии». С помощью определенных лексических средств имплицитно выражается несоответствие социально-политического устройства России требованиям современного «толерантного» общества.

Итак, совокупность государственно-политических и культурных представлений о России, находящих свое отражение в лексических репрезентантах, формирует её образ, который, на наш взгляд, выстроен субъективно, односторонне, часто претенциозно.

Выводы:

1. Образ России во французских масс-медиа репрезентируют разнообразные лексико-стилистические средства: метафоры, метонимии, слова с оценочной семантикой, слова и словосочетания, выражающие сарказм и иронию, окказионализмы, неологизмы и др. Самым частотным средством являются метафоры, составляющие более 50% от общего количества проанализированных примеров, что объясняется высоким потенциалом их прагматического воздействия на адресата.

2. Анализ медиатекстов позволил сделать вывод, слова аксиологической семантики используются во французском медийном пространстве для описания неэффективной политической системы России. Слова с этической и нормативной оценкой применяются во французском медийном пространстве для описания проводимой, с их точки зрения, агрессивной политики России по отношению к другим странам и тем самым ее несоответствия западным стандартам.

3. Французское медийное пространство создает ментальный образ современной России с точки зрения своего восприятия и, соответственно, индивидуального отношения. Россия по-прежнему воспринимается как некая угроза, а ее возросшая роль на международной арене вызывает настороженность французского общества.

4. Прагматические установки современных французских масс-медиа ориентированы на то, чтобы оказать желаемое воздействие на сознание адресата с помощью системы контекстов и эффективно управлять им.

Список литературы:

1. Алексеева А.А. Лексические и фразеологические средства репрезентации образа России // АКД. Новосибирск, 2012.

2. Доманский Д.Е. Семантическая характеристика глаголов, образованных на базе фамилий известных политических деятелей (на примере глагола *routiniser*) // Успехи современного естествознания. М., 2013. №6. С. 149-152.

3. Ступницкая М.Э. Репрезентация образа России в публицистическом дискурсе Франции / Культурно-языковые контакты: Сб. науч. тр. Вып. 12. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 102-123.

4. Ukraine: informations faussées et commentaires à sens unique

<http://www.acrimed.org/Ukraine-informations-faussees-et-commentaires-a-sens-unique?recherche=Ukraine%20%3Ainformation%20faussees>

5. L'aveuglement de la droite face à la politique de Poutine en Syrie

http://www.lemonde.fr/international/article/2016/02/28/l-aveuglement-de-la-droite-face-a-la-politique-de-poutine-en-syrie_4873117_3210.html#ID5IPKlmUL6SFMD5.99

6. L'obsession antirusse

www.monde-diplomatique.fr/2014/04/ZAJEC/50293

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕРЕРАБОТКЕ НАУЧНОЙ
ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПОНИМАНИИ УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ****Лебединский С. И.**

*доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теории и методики преподавания
русского языка как иностранного,
Белорусский государственный университет, Минск*

**PROCESSING OF SCIENTIFIC INFORMATION – INDIVIDUAL STRATEGIES FOR
UNDERSTANDING ORAL SCIENTIFIC SPEECH****Lebedinsky S.**

*Candidate of Sciences (Linguistics), Assistant Professr, Head of the Department of Theory and Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language
Belarusian StateUniversity, Minsk*

Аннотация

В статье экспериментально исследуются индивидуальные подходы студентов к переработке научной информации при понимании устной научной речи. Основанием для деления слушателей на контекстозависимых и контекстнезависимых является склонность испытуемых при переработке научной информации пользоваться разными когнитивными стилями и стратегиями: контекстнезависимые слушатели испытывают трудности при сортировке и систематизации терминов, при переработке информации в неполных контекстах, при переструктурировании текста, тогда как контекстнезависимые слушатели, напротив, с легкостью сортируют и систематизируют термины, перерабатывают информацию в неполных контекстах, переструктурируют тексты.

Abstract

Individual student approaches to the processing of scientific information are examined as steps towards the understanding of oral scientific speech. Two styles of information processing were defined among students based on individual preferences for the use specific cognitive devices and strategies: context-dependent and context independent. Students were characterised as context-dependent if they were found to experience difficulty with classifying and relating terms, processing of information in incomplete contexts, or with text restructuring. Context-independent students, on the other hand, were identified as such if they could easily classify and relate terminology, process information in incomplete contexts, and restructure texts.

Ключевые слова: стратегии понимания устной научной речи, индивидуальные стратегии переработки научной информации, когнитивные стили, контекстозависимый и контекстнезависимый стили переработки информации.

Keywords: Strategies for understanding oral scientific speech, processing of scientific information by individual students, context-dependent and context-independent styles of information processing.

С учетом специфики индивидуальных стратегий и стилей переработки научной информации всех слушателей можно разделить на две группы – контекстнезависимые и контекстозависимые. Основанием для такого деления выступили пять когнитивных способностей: умение слушателей избирать рациональные стратегии запоминания, структурирования и рубрификации воспринимаемой информации, умение перерабатывать информацию в неполных контекстах, восстанавливать их и дополнять нужной информацией, умение находить в речи ключевую информацию и на основе ее строить «вторичные» тексты, умение переструктурировать текстовые продукты, умение обнаруживать логичесмысловые противоречия в текстах и устранять их. Указанные компетенции характерны для контекстнезависимых слушателей и несвойственны контекстозависимым, которые испытывают затруднения при освоении научной информации в неполных (лакунированных) контекстах, а также при переструктурировании текстов. Отметим, что деление слушателей на контекстнезависимых и контекстозависимых – весьма условно, поскольку, очевидно,

что помимо этих двух противоположных полюсов контекстной зависимости/независимости существуют и промежуточные когнитивные стили, когда по некоторым позициям слушатели приближаются к полюсу контекстнезависимости, а по другим – к полюсу контекстозависимости. Самым простым методом диагностики контекстозависимости и контекстнезависимости является метод оценки конспектов испытуемых: испытуемому предлагается прослушать и законспектировать научный текст, а затем с помощью разноцветных маркеров выделить в конспекте разными цветами информацию в зависимости от ее понятийной ценности. У контекстнезависимых испытуемых конспекты окажутся более разноцветными, а, следовательно, и более детализированными, и, наоборот, у контекстозависимых испытуемых контексты будут менее пестрыми с преобладанием одного-двух цветов, что будет свидетельствовать об определенных пробелах в способностях испытуемых к контекстнезависимости. Выбор слушателями того или иного стиля переработки информации происходит неосо-

знанно и определяется индивидуальными особенностями слушателей и их интеллектуально-когнитивным потенциалом. Очевидно также, что помимо психологобиологических факторов, формирующих когнитивные стили, огромную роль в их становлении отводится социально-этническим факторам. Так, например, опыт преподавательской работы в китайской аудитории показывает, что у китайцев слабо развиты навыки переструктурирования текстов, а поэтому по этому параметру практически всех китайских учащихся можно отнести к контекстозависимым. В отличие от европейцев или арабов в процессе переработки научной информации китайцам требуются более насыщенные и нелакунированные контексты. Причина этого, на наш взгляд, кроется в специфике китайской системы обучения языкам, в которой почти полностью отсутствуют творческие формы работы с текстом, а основной упор делается исключительно на дословный пересказ текстов. При освоении языка за рубежом китайцам приходится переучиваться и менять традиционные для них алгоритмические формы работы с текстом на творческие, к которым относятся переструктурирование текстов и восстановление контекстов на основе языкового и смыслового прогнозирования. Некоторые затруднения в переструктурировании научных высказываний и текстов можно встретить и у арабов, но они обусловлены другими причинами. Для них высказанная мысль авторитетным ученым или преподавателем является своеобразным эталоном, а поэтому она, по мнению арабов, как и текст Корана, должна заучиваться наизусть и не должна подвергаться переструктурированию, которое может привести к деформации смысла. Подобное отношение арабов к общепринятым и устоявшимся научным дефинициям обусловлено их этноцентрическим отношением к тому, что, по их мнению, является единственно правильным и нормативным. А поскольку единственно правильным и нормативным, по мнению арабов, является мысль авторитетного специалиста или преподавателя, то и переформатировать ее не следует.

Для того чтобы установить, каким стилем пользуются испытуемые – контекстозависимым или контекстонезависимым, и каков потенциал каждого из этих стилей в процессе переработки научной информации, были проведены два эксперимента. Цель первого эксперимента – выявление индивидуальных различий испытуемых в структурировании воспринимаемой информации, в отборе ключевых терминов и построении на их основе вторичных текстов. Цель второго эксперимента – определение индивидуальных различий испытуемых в переструктурировании прослушанных научных высказываний и текстов.

Первый эксперимент: сортировка терминов и построение на их основе вторичных текстов. Основу первого эксперимента составил метод сор-

тировки терминов по определенным классификационным признакам. В эксперименте приняли участие 30 студентов-экономистов по десять человек в каждой группе. Первая группа была представлена студентами-иностранцами первого курса, которые владели русским языком на уровне пороговой коммуникативной достаточности, вторая – студентами-иностранцами третьего курса, владеющими русским языком на уровне коммуникативной насыщенности и профессиональной достаточности, третья – белорусскими студентами третьего курса. В данной статье проанализируем результаты эксперимента, в котором участвовали студенты-экономисты. Перед началом эксперимента испытуемым были розданы бланки ответов в виде таблиц с двумя графами. Вторая графа была не заполнена, а в первой графе были перечислены основные типы рубрификаторов, по которым слушатели должны были распределять термины. Программа эксперимента включала реализацию двух экспериментальных процедур. Первая экспериментальная процедура предполагала прослушивание испытуемыми терминов и их регистрацию в бланках ответов в графах, соответствующих определенным классификационным рубрикам. По условиям данного эксперимента испытуемым было предложено прослушать ряд тематически связанных между собой экономических терминов *прямые инвестиции, портфельные инвестиции, ценные бумаги, долговые обязательства, облигации, инструменты финансового рынка, казначейский вексель, банковский акцепт, депозитный сертификат, финансовые дериваты, опцион, варрант, своп, фьючерс, форвард, валютный опцион, процентный опцион, товарный опцион, американский опцион, европейский опцион, коммерческие кредиты, ссуды* и соотнести их с классификационными рубриками, выделенными в бланках ответов (*виды инвестиций, виды портфельных инвестиций, виды долговых обязательств, виды инструментов финансового рынка, виды финансовых дериватов, виды опционов, разновидности ссудного капитала*). Для упрощения переработки терминов и соотнесения их с выделенными экспериментатором классификационными рубриками они вводились в речь в той последовательности, в которой в бланках ответов размещались соответствующие им рубрики. Такое представление научной информации по своему компонентному составу фактически отражало содержание фрагмента лекции по мировой экономике, посвященной анализу международного движения капитала и финансов в аспекте платежного баланса, и давало возможность испытуемым в случае успешного выполнения экспериментальной задачи восстановить смысловое содержание этого фрагмента лекции. Точное выполнение экспериментального задания предполагало корреляцию классификационных рубрик и терминов, которая представлена в таблицу 7.1.

Соотношение терминов с классификационными рубриками

Классификационные рубрики	Термины
Виды инвестиций	<i>прямые инвестиции, портфельные инвестиции, коммерческие кредиты, ссуды</i>
Виды портфельных инвестиций	<i>ценные бумаги, долговые обязательства</i>
Виды долговых обязательств	<i>облигации, инструменты финансового рынка, финансовые дериваты</i>
Виды инструментов финансового рынка	<i>казначейский вексель, банковский акцепт, депозитный сертификат</i>
Виды финансовых дериватов	<i>опцион, варрант, своп, фьючерс, форвард</i>
Виды опционов	<i>валютный опцион, процентный опцион, товарный опцион, американский опцион, европейский опцион</i>
Виды ссудного капитала	<i>коммерческие кредиты, ссуды</i>

Оценка результатов эксперимента показала, что наихудшие показатели в точности выполнения экспериментального задания, как и предполагалось, продемонстрировали испытуемые-иностранцы из первой группы. Некоторые из них вообще не справились с поставленной задачей, оставив в бланках ответов все ячейки не заполненными; другие смогли правильно рубрифицировать лишь некоторые термины, например, *прямые* и *портфельные инвестиции* из классификационной рубрики *виды инвестиций*; третьи заполнили всего лишь несколько ячеек, да и то неправильно (например, к разновидностям инвестиций один из испытуемых первой группы отнес *облигации*, а к инструментам финансового рынка – *кредиты*). Некоторые испытуемые при рубрификации терминов опирались исключительно на звуковое (словесное) сходство терминов и классификационных рубрик. Так, например, терминологические сочетания *инструменты финансового рынка* и *финансовые дериваты* тремя испытуемыми были отнесены к рубрикам *виды инструментов финансового рынка* и *виды финансовых дериватов*. Между тем оба термина относятся к одной и той же классификационной рубрике *виды долговых обязательств*. Наиболее удачной для некоторых испытуемых из первой группы оказалась рубрификация атрибутивных терминосоответаний с компонентом *опцион* (*валютный опцион, процентный опцион, товарный опцион, американский опцион, европейский опцион*), которые испытуемыми были правильно отнесены к рубрике *виды опционов*. Причем корректной рубрификации этих атрибутивных терминосоответаний не помешало даже то, что сами испытуемые в момент приема этих терминов не знали значение родового термина *опцион*.

Более точные результаты были достигнуты испытуемыми-иностранцами из второй группы, которые владели экономической терминологией на профессионально достаточном уровне. У большинства из них оказались частично заполнены ячейки, соотносимые с видами инвестиций (*прямые, портфельные инвестиции, кредиты*), видами портфельных инвестиций (*ценные бумаги*), видами опционов (*валютный, товарный, европейский, американский*) и видами ссудного капитала (*кредиты*). Соответ-

ственно остались не заполненными или заполненными неправильно ячейки, соотносимые с видами долговых обязательств, видами инструментов финансового рынка, а также с видами финансовых дериватов. Для некоторых испытуемых этой группы абсолютно неизвестными оказались термины *финансовый дериват, банковский акцепт, опцион, варрант, своп, фьючерс, форвард*.

Наиболее точные результаты были достигнуты испытуемыми из третьей группы, в которую входили носители русского языка, владеющие экономической терминологией на профессионально достаточном уровне. Большинству испытуемых из этой группы удалось полностью заполнить ячейки, соотносимые с видами инвестиций, портфельных инвестиций, опционов и ссудного капитала. Частично заполненными оказались ячейки, соотносимые с видами долговых обязательств (*финансовые дериваты, облигации*) и разновидностью финансовых дериватов (*опцион, фьючерс, форвард*). Трудности в отнесении к конкретным рубрикам у испытуемых этой группы возникли при рубрикации терминов *казначейский вексель, банковский акцепт, депозитный сертификат*. Некоторые испытуемые отнесли эти термины к видам долговых обязательств, другие к видам финансовых дериватов, третьи закрепили некоторые из них за рубрикой «виды ссудного капитала». Особую трудность у некоторых испытуемых вызвали термины *варрант* и *своп*, которые не были отнесены ни к одной из классификационных рубрик. Двое испытуемых, частично выполнивших экспериментальное задание, по их собственному признанию, испытывали затруднения при заполнении ячейки, соотносимой с рубрикой *виды финансовых дериватов*, поскольку не владели информацией ни о самом термине *финансовый дериват*, ни о понятиях, которые обслуживают этот термин на уровне видовых значений (*опцион, варрант, своп, фьючерс, форвард*).

Указанные выше индивидуальные подходы испытуемых к заполнению ячеек в бланках ответов отразились и на результатах текстопостроения. Используя представленную в таблицах информацию, каждый испытуемый построил свою собственную текстовую модель, в которой воплотился индивидуальный подход к систематизации той информации, которая была представлена в бланках ответов.

Если у испытуемых из первой группы вторичные тексты представляли собой микротексты, состоящие из одного, максимум двух высказываний, и отражали компетентностную ограниченность индивидуальных подходов к текстопостроению как в профессиональном, так и в языковом плане, то у испытуемых из третьей группы вторичные тексты представляли собой развернутые речевые сообщения, в которых содержалась относительно полная информация о связях экономических понятий, воплощенных в таблицах и объединенных в единый смысловой комплекс по тематическому принципу.

Ниже приведен пример наиболее удачного варианта текста, построенного одним из испытуемых из третьей экспериментальной группы.

Одной из форм международного движения капитала является инвестиционная деятельность. Инвестиции делятся на прямые, портфельные, коммерческие кредиты и ссуды. Прямые инвестиции – это предпринимательский капитал, который инвестируется в определенные производства. Портфельные инвестиции включают ценные бумаги и долговые обязательства. К долговым обязательствам относятся облигации, инструменты финансового рынка и финансовые дериваты. Основными инструментами финансового рынка являются казначейские векселя, банковские акцепты и депозитные сертификаты. К финансовым дериватам относятся опционы, варранты, свопы, фьючерсы и форварды. Различают несколько видов опционов: валютные, процентные, товарные, американские и европейские. Кроме этого, выделяют также опционы по акциям и опционы с биржевыми индексами. К ссудному капиталу относятся коммерческие кредиты и ссуды.

Комментируя данный текст, отметим, что при его построении испытуемый использовал два вида информации – информацию, которая содержалась в бланке ответа, и информацию, появление которой в тексте стало возможным благодаря наличию у испытуемого соответствующей дотекстовой пресуппозиции (эта информация в тексте выделена подчеркиванием). Информация, порожденная дотекстовой пресуппозицией испытуемого, в сочетании с импликационной (внутритекстовой) пресуппозицией, сформированной на основе информации, содержащейся в его бланке ответов, составили информационно-смысловую основу для построения данного текста. Этот и подобные экспериментальные примеры свидетельствуют о тесном взаимодействии импликационной и дотекстовой пресуппозиций в процессах понимания и порождения научной речи и о доминирующей роли последней в этих процессах.

Вторая экспериментальная процедура предполагала поиск терминов в звучащем тексте и их рубрификацию в бланках ответов. В отличие от первого эксперимента, в котором в роли контекстуальных опор выступали классификационные рубрики, заранее внесенные в бланки ответов, в данном эксперименте в роли контекста использовался сам текст, что значительно облегчало работу всех групп испытуемых, включая и тех, кто не владел

терминологией текста, поскольку текст в этом случае формировал информационную основу для когнитивной деятельности испытуемых и восполнял пробелы в их отраслевых тезаурусах. Для того чтобы испытуемые успевали делать соответствующие записи в бланках ответов, после каждого высказывания делалась пауза более продолжительная, чем нормативная. Для упрощения процедуры вычленения в тексте терминов и их отнесения к конкретным классификационным рубрикам в качестве экспериментального аудиоматериала использовался относительно не сложный по терминологическому составу и содержанию текст по экономике, который в письменной фиксации имел следующий вид:

Из прошлых лекций / вы уже знаете / что международное движение капитала / приобретает различные формы // По источникам происхождения / капитал // находящийся в движении на мировом рынке / делится на государственный / и частный // Государственный капитал / включает средства из госбюджета / перемещаемые за рубеж / или принимаемые из-за рубежа по решению правительства / а также по решению межправительственных организаций // К этой категории движения / относятся все государственные займы / ссуды / гранты / финансовая помощь / которые предоставляются одной страной / другой стране на основе межправительственных отношений // Частный капитал / это средства частных фирм / банков / и других негосударственных организаций / перемещаемые за рубеж / или принимаемые из-за рубежа / по решению их руководящих органов // В эту категорию движения капитала / относятся инвестиции капитала / предоставление торговых кредитов / межбанковское кредитование // По характеру использования / капитал делится на предпринимательский / и ссудный // Предпринимательский капитал / включает средства / прямо / или косвенно вкладываемые в производство / с целью получения прибыли // В качестве предпринимательского / чаще используется частный капитал // Ссудный капитал / это средства / даваемые займы / с целью получения процентов // В качестве ссудного капитала / в основном используется государственный капитал / хотя международное кредитование из частных источников / в последнее время также достигает больших объемов // По цели вложения / капитал делится на прямые / и портфельные инвестиции // Прямые инвестиции / это вложение капитала / с целью приобретения долгосрочного экономического интереса в стране приложения капитала // Прямые инвестиции / обеспечивают контроль инвестора над объектом размещения капитала // Портфельные инвестиции / это вложения капитала в иностранные ценные бумаги // Они приносят инвестору финансовую прибыль / но не дают права / реального контроля над объектом инвестирования //

В идеале в бланках ответов испытуемых содержание данного АТ должно выглядеть следующим образом (см. таблицу 7.2). Однако такой результат был достигнут лишь испытуемыми из третьей

группы. Если при проведении предыдущего эксперимента основная трудность заключалась в правильном распределении терминов по сформулированным экспериментатором рубрикам, то при проведении данного эксперимента трудность состояла не столько в распределении терминов по рубрикам, сколько в их формулировании и словесном оформлении. В целом большинство испытуемых из третьей группы успешно справились с поставленной задачей и смогли восстановить в бланках ответов всю важную информацию из прослушанного текста. У ряда испытуемых из третьей группы оказались неточно сформулированными некоторые классификационные рубрики (например, вместо рубрики *цель вложения предпринимательского*

капитала в бланках ответов фигурировала рубрика *предпринимательский капитал*, вместо рубрики *цель вложения ссудного капитала* – рубрика *ссудный капитал*, вместо рубрики *цель вложения прямых инвестиций* – рубрика *прямые инвестиции*). Некоторые испытуемые из третьей группы заполнили ячейки, соотносимые с рубриками *государственный капитал* и *частный капитал*, лишь частично: у одних испытуемых в бланках ответов отсутствовали термины *финансовая помощь* и *межбанковское кредитование*, а у других – термины *торговые кредиты* и *межбанковское кредитование* были заменены термином *кредиты* или *банковские кредиты*.

Таблица 7.2

Соотношение терминов с классификационными рубриками

Классификационные рубрики	Термины
Формы капитала по источнику происхождения	<i>государственный капитал, частный капитал</i>
Формы капитала по характеру использования	<i>предпринимательский капитал, ссудный капитал</i>
Формы капитала по цели вложения	<i>прямые инвестиции, портфельные инвестиции</i>
Государственный капитал	<i>займы, ссуды, гранты, финансовая помощь</i>
Частный капитал	<i>инвестиции, торговые кредиты, межбанковское кредитование</i>
Цель вложения предпринимательского капитала	<i>получение прибыли</i>
Цель вложения ссудного капитала	<i>получение процентов</i>
Цель вложения прямых инвестиций	<i>контроль за объектом размещения капитала</i>
Цель вложения портфельных инвестиций	<i>финансовая прибыль</i>

Менее точные результаты в выполнении экспериментального задания продемонстрировали испытуемые из второй группы, хотя и в этой группе понимание общего содержания научного текста было достигнуто. Сбои в понимании в основном касались неточностей в формулировании классификационных рубрик, которые оказались чрезмерно обобщенными и расплывчатыми (например, *виды капитала* вместо *формы капитала по источнику происхождения*, *предпринимательский капитал* вместо *цель вложения предпринимательского капитала*) и в неточном формулировании терминов (например, *контроль капитала* вместо *контроль за объектом размещения капитала*, *кредиты* вместо *торговые кредиты*, *кредитование* вместо *межбанковское кредитование*).

Наихудшие результаты в выполнении экспериментального задания, как и предполагалось, были получены испытуемыми из первой группы, которые не владели экономической терминологией. Несмотря на то, что некоторым испытуемым из этой группы по ходу прослушивания научного аудиотекста удалось зафиксировать в бланках ответов большую часть ключевых терминов, трудности в основном касались их рубрикации: испытуемым трудно было не только подобрать к терминам нужные классификационные рубрики, но и соотнести их с конкретной группой терминов. Особые трудности

испытуемые данной группы испытывали при выделении классификационных факторов, разграничивающих капиталы по источнику происхождения, характеру использования и цели вложения. В бланках ответов испытуемых этой группы нет упоминания об этих классификаторах. Вместо этого все формы капитала (*государственный, частный, предпринимательский, ссудный, прямые и портфельные инвестиции*) были представлены ими в одной ячейке, которая соответствовала одной обобщенной рубрике *формы капитала*. Сбои в понимании научной информации проявились также и в неразличении некоторых терминов (например, в бланках ответов испытуемых данной группы смешивались понятия *займы* и *ссуды*, *торговые кредиты* и *межбанковское кредитование*, *контроль за капиталом* и *контроль за объектом размещения капитала*). Эти же неточности в понимании прослушанного текста проявились и при устном изложении испытуемыми его содержания.

Результаты эксперимента показали, что при структурировании воспринимаемой информации, отборе ключевых терминов и построении на их основе вторичных текстов контекстнезависимые и контекстозависимые испытуемые прибегают к разным стратегиям переработки научной информации. Если контекстнезависимые испытуемые пытаются максимально широко использовать логико-смысловые принципы переработки научной информации,

включая генерализацию, партикуляризацию, детализацию, и восполнять дефицитность контекста за счет дотекстовой пресуппозиции, то когнитивные усилия контекстозависимых испытуемых, прежде всего, направлены на попытку верифицировать свои предположения о содержании перерабатываемой научной информации на внутритекстовом уровне. С учетом того, что максимально точное и полное понимание научного текста достигается только при тесном взаимодействии импликационной (внутритекстовой) и дотекстовой пресуппозиций при доминирующей роли в этом процессе последней, можно предположить, что отрицательные результаты в понимании научного текста у контекстозависимых испытуемых объясняются, прежде всего, сбоями и рассогласованиями в такой связи, которые проявляются в том, что для контекстозависимых испытуемых доминирующей является не дотекстовая, а внутритекстовая пресуппозиция. Очевидно, что в силу специфики когнитивного развития эта категория испытуемых не доверяет своим дотекстовым знаниям и каждую новую информацию, встреченную в тексте, старается оценить именно в том контексте, в котором она употреблена.

Второй эксперимент: переструктурирование научной информации. Существенные различия в двух стилях переработки научной информации – контекстонезависимом и контекстозависимом – проявляются также и при переструктурировании текстов. Так, в ходе проведенных нами экспериментов было установлено, что если контекстонезависимые испытуемые при переработке научной информации часто переструктурируют воспринимаемые научные высказывания и тексты, то контекстозависимые испытуемые к подобным процедурам прибегают реже, поскольку при их реализации они всегда испытывают когнитивные затруднения, которые вызваны не только языковыми и логико-смысловыми факторами, но и отсутствием должного опыта и умений в переструктурировании научной информации. Способность/неспособность к переструктурированию информации – важнейшая когнитивная особенность слушателей. Она определяет темп переработки научной информации, результативность ее уплотнения, структурирования, категоризации и рубрификации, качество смыслоформулирования и точность понимания. Так, например, по данным экспериментов, контекстозависимые испытуемые медленнее перерабатывают информацию, избирают менее рациональные стратегии уплотнения информационных потоков, при категоризации и рубрификации в основном опираются на внутритекстовый контекст, редко прибегают к глубинному переструктурированию научных высказываний.

Переструктурирование информации – важнейшее условие ее уплотнения и перекодирования, а поэтому все слушатели, независимо от того, каким КС они пользуются – контекстозависимым или контекстонезависимым, вынуждены прибегать к этой процедуре, используя свои собственные правила

переструктурирования. По критерию затрачиваемых слушателями когнитивных усилий переструктурирование может быть эффективным или неэффективным, по достигнутым результатам и качеству исполнения – удачным или неудачным, по глубине производимых преобразований – поверхностным или глубоким. Именно по этим критериям осуществляется деление слушателей на контекстозависимых и контекстонезависимых. Добавим также, что при восприятии иноязычной научной речи способность слушателей к переструктурированию осложняется факторами их языкового и профессионального развития, а применительно к устной форме предъявления научной информации еще и фактором сформированности навыков восприятия иноязычной речи на слух. Из этого следует, что при переструктурировании иноязычных научных текстов слушатели вынуждены прибегать к дополнительным интеллектуальным операциям переводческого типа, которые направлены на прояснение содержания наиболее сложных фрагментов текстов, а это существенно осложняет процедуру анализа и оценки экспериментальных фактов с участием иностранцев.

В качестве исходной аудиозаписи для проведения эксперимента по переструктурированию текстов был взят фрагмент лекции по экономике, посвященный анализу стабилизационной политики в закрытой экономике. Ниже дана письменная расшифровка этой аудиозаписи:

В общем виде / суть стабилизационной политики / сводится к воздействию государства на совокупный спрос / и предложение / с целью поддержания их равновесия / при желаемых значениях занятости / уровня цен / и роста дохода // В зависимости от набора инструментов / которые правительство использует для проведения стабилизационной политики / она подразделяется на фискальную / кредитно-денежную / и комбинированную // Рассмотрим / как реализуется фискальная политика в рамках обозначенной проблемы // Под фискальной политикой / подразумевается воздействие государства на экономическую конъюнктуру / посредством изменения объема государственных расходов / и налогообложения // Поскольку осуществление государственных расходов / означает использование средств государственного бюджета / а налоги являются основным источником его пополнения / фискальная политика / сводится к манипулированию государственным бюджетом // Несмотря на то / что государственные расходы финансируются из государственного бюджета / это вовсе не означает / что они не могут превысить / величину поступающих в бюджет средств // В ходе осуществления фискальной политики / может возникнуть дефицит / или избыток государственного бюджета // Для определения фискальной политики / имеет значение / как финансируется бюджетный дефицит / и как используется бюджетный избыток // Финансировать бюджетный дефицит можно двумя путями // заимствовать у населения / продавая ему облигации /

и заимствовать у Центробанка // В последнем случае возрастают активы Центробанка / и соответственно / увеличивается денежная база // По сути дела / в этом случае происходит монетаризация государственной задолженности // Дефицит государственного бюджета практически всегда / означает увеличение предложенных денег // Если / к примеру / Центробанк будет препятствовать монетаризации бюджетного дефицита / то государству придется увеличить предложение населению облигаций / а это неизбежно приведет к повышению процентной ставки // В свою очередь / повышение процентной ставки / усиливает эффект вытеснения / при проведении экспансионистской фискальной политики // Для ослабления этого эффекта / государство прибегает к экспансионистской денежной политике // При образовании бюджетного избытка / государство может направить его на погашение своего долга населению / или на уменьшение задолженности Центробанку // В первом случае / количество денег в стране не изменится / просто со счета государства они перейдут на счета граждан // Во втором случае / объем денежной массы сократится из-за уменьшения активов Центробанка // Обратите внимание на то / что к фискальной политике / относятся не все манипуляции бюджетом / а только такие / которые не сопровождаются изменением находящихся в обращении денег // Поскольку денежные средства министерства финансов / хранятся на счетах Центробанка / то при пополнении кассы государства денежная база сокращается / а когда государство расходует свои денежные средства / тогда денежная база возрастает // Поэтому / при поступлении налогов в госбюджет / количество находящихся в обращении денег сокращается / из-за уменьшения денежной базы // Но если временной разрыв между поступлением налоговых платежей / и их расходованием невелик / то количество находящихся в обращении денег практически не меняется //

Для упрощения экспериментальной задачи испытуемым по мере прослушивания аудиозаписи разрешалось письменно фиксировать опорные слова, которые служили им основой для реструктурирования воспринятой информации и построения вторичных текстов. Помимо этого использовался разный темп предъявления информации: для испытуемых из второй и третьей экспериментальных групп он был нормативным, а для испытуемых из первой группы – более медленным и с более продолжительными паузами между высказываниями. Выполнение данного условия было необходимо не только из-за наличия у испытуемых из первой группы определенных пробелов в речевом и профессиональном развитии, но и в силу того, что в нашем случае экспериментальной проверке подвергалась сама способность данной категории испытуемых к реструктурированию, а не их готовность осуществлять эту процедуру в оперативном режиме, который диктуется темпом предъявления научной информации на слух.

Результаты эксперимента показали, что иностранцы с относительно невысоким уровнем языковой и профессиональной подготовки (первая группа) старались фиксировать текст лекции максимально подробно, а поэтому большинство из них даже в условиях замедленного темпа предъявления информации не смогли завершить процесс смыслового освоения содержания текста из-за потери некоторой важной информации в те временные периоды, в течение которых делались записи. Соответственно у таких слушателей возникли огромные трудности с переструктурированием текста и передачей его содержания. Воспроизведенные ими вторичные тексты оказались отрывочными, чрезмерно обобщенными и незавершенными, используемая информация – прерывистой и неполной, смысл – поверхностным, неточным и «размытым». Наиболее серьезные нарушения смысла у этой категории слушателей касались контаминации субъекта и объекта действия, субъекта действия и действия, действия и его объекта, предмета и его признака, субъектов разных действий, а также неразличения или недостаточного развертывания при реструктурировании текста причинно-следственных и целевых отношений. Наиболее очевидный пример нарушения смысла высказывания был выявлен при реструктурировании одним из иностранцев начального фрагмента аудиотекста. Вместо логически корректного высказывания *Суть стабилизационной политики сводится к воздействию государства на совокупный спрос и предложение с целью поддержания их равновесия при желаемых значениях занятости, уровня цен и роста дохода* он предложил свой вариант высказывания *Стабилизационная политика воздействует на спрос, предложение, занятость, цены и доходы*, которое имело иной смысл, не соответствующий реальному. В этом высказывании произошла замена не только субъекта воздействия (вместо *государство* *воздействует* испытуемый употребил логически некорректную конструкцию *стабилизационная политика воздействует*), но и объектов воздействия (вместо *воздействует на совокупный спрос и предложение* испытуемый употребил *воздействует на спрос, предложение, занятость, цены и доходы*, в результате чего, во-первых, кардинально изменился смысл высказывания, а во-вторых, в нем оказалась пропущенной важная смысловая информация, касающаяся цели стабилизационной политики *воздействие государства на совокупный спрос и предложение с целью поддержания их равновесия при желаемых значениях занятости, уровня цен и роста дохода*. Отметим, что восстановление точного смыслового содержания упомянутого фрагмента экспериментального аудиотекста и его реструктурирование оказались трудными не только для иностранцев из первой группы, но и для испытуемых из второй и третьей групп. И хотя логических сбоев и смысловых нарушений у последних оказалось намного меньше, тем не менее, некоторые смысловые детали данного фрагмента научного текста они также не учли. Ср.: *Цель стабилизационной политики – воздействие государства на*

совокупный спрос и предложение для достижения их равновесия. В этом высказывании, построенном носителем языка, оказалась опущенной информация, поясняющая условия поддержания равновесия: *при желаемых значениях занятости, уровня цен и роста дохода*. Отсутствие этой информации во вторичном высказывании, очевидно, можно объяснить структурной сложностью высказывания-оригинала, которое с трудом поддается переструктурированию из-за его полипропозитивности, хотя и не исключено, что сам испытуемый мог посчитать пропущенную информацию избыточной или несущественной для выражения сути стабилизационной политики.

Определенную трудность для переструктурирования представлял также фрагмент аудиотекста, в котором было дано определение экономического понятия «фискальная политика»: *Под фискальной политикой подразумевается воздействие государства на экономическую конъюнктуру посредством изменения объема государственных расходов и налогообложения. Поскольку осуществление государственных расходов означает использование средств государственного бюджета, а налоги являются основным источником его пополнения, фискальная политика сводится к манипулированию государственным бюджетом*. Для большинства иностранцев из первой группы понятие «фискальная политика» оказалось не освоенным. В бланке ответов одного из иностранцев этот фрагмент лекции выглядел следующим образом: *Фискальная политика – это изменение государственных расходов и налогов*. В бланке ответа другого испытуемого вся информация о фискальной политике была сформулирована столь же кратко: *Фискальная политика регулирует бюджет по расходам и налогам*. Более полные и точные интерпретации данного понятия были отмечены в бланках ответов испытуемых из второй группы: *Фискальная политика – это политика воздействия государства на экономику с помощью изменения государственных расходов и налогов* и третьей группы: *Фискальная политика – это специальная политика государства по стабилизации экономики. Ее проводят с помощью специальной бюджетно-налоговой посредством изменения доходов и расходов бюджета*. Отметим, что последний пример свидетельствует о наличии у его автора развитых способностей к переструктурированию, которые базируются на насыщенной дотекстовой пресуппозиции, превосходящей импликационную (внутритекстовую) по ряду параметров, характеризующих понятийную сущность фискальной политики. Именно понятийная насыщенность дотекстовой пресуппозиции, на наш взгляд, позволила испытуемому отождествить фискальную политику с бюджетно-налоговой, о которой прямо не упоминалось в исходной аудиозаписи.

Отметим также, что испытуемые не только по-разному переструктурировали прослушанный текст, но и по-разному отбирали и записывали опорные слова. Если испытуемые из первой группы старались фиксировать текст лекции максимально

подробно, возможно, из-за боязни пропустить информацию, которая позволила бы им в дальнейшем восстановить содержание исходного текста, то испытуемые из второй группы фиксировали опорные слова избирательно и сокращенно. Их записи содержали только основную информацию, например: *стабилизационная политика – спрос – предложение – равновесие; фискальная политика (ФП) – изменение – расходы – налоги* и т. д. Наиболее краткая запись была сделана испытуемым из третьей группы, причем, как выяснилось, для него информация, изложенная в тексте лекции, оказалась полностью знакомой. Ср.: *стабполитика – ФП – манипуляция бюджетом – дефицит – способы финансирования – заимствование – бюджетный избыток – способы реализации – погашение долга – уменьшение задолженности*. Такая краткая запись, больше напоминающая не список опорных слов, а сокращенный план текста, не помешала опытному испытуемому восстановить прослушанный текст лекции, хотя, судя по структуре и содержанию вторичного текста, который значительно отличался от текста-оригинала, он создавал его не столько путем глубокого переструктурирования прослушанного текста, сколько путем создания нового текста, основанного, в том числе и на дотекстовых знаниях о фискальной политике. Что же касается текста-оригинала, то при вторичном текстопостроении он использовался в роли ориентира, который, с одной стороны, направлял деятельность испытуемого на сборку адекватного по смыслу текста, а с другой, – служил терминологической основой для наполнения этого текста именно теми экономическими понятиями, которые были актуализированы в самом тексте-оригинале.

Таким образом, в зависимости от целевых установок испытуемых, уровня их языковой и профессиональной подготовки, а также качества выполнения трансформационных процедур переструктурирование может быть поверхностным, глубоким или свободным. К поверхностному переструктурированию обычно прибегают слушатели, которые испытывают трудности при освоении научной информации из-за пробелов в речевом развитии и дотекстовой пресуппозиции. Такое переструктурирование в основном затрагивает синтаксическую структуру высказываний и частично их лексический состав и реализуется в двух формах – синтаксического переструктурирования и семантико-синтаксического преобразования. К синтаксическому переструктурированию высказываний слушатели прибегают при перестановках их компонентов, при замене пассивных конструкций ментальными репрезентациями с активными оборотами, при замене конверсных структур неконверсными, при синтаксическом упрощении высказываний с осложненной структурой, при трансформации высказываний в репрезентации с иным порядком слов. Что же касается семантико-синтаксических преобразований, то они занимают промежуточную позицию между трансформационно-синтаксическими и логико-смысловыми процедурами

переработки информации и направлены на построение упрощенных ментальных репрезентаций с частичной редукцией семантики исходных научных высказываний.

К глубокому переструктурированию обычно прибегают слушатели, которые хорошо ориентируются в содержании рецептируемого текста и имеют достаточно развитую дотекстовую пресуппозицию, которая в сочетании с импликационной (внутритекстовой) пресуппозиций обеспечивает глубокий уровень переработки и переструктурирования научной информации. Потребность в таком переструктурировании чаще всего связана с издержками в логико-смысловом и структурном оформлении текста-оригинала, которое, по мнению слушателя, чрезмерно перегружено, а поэтому нуждается в преобразовании. Операционную основу такого переструктурирования составляют процедуры логико-смыслового преобразования, которые направлены на упрощение семантической структуры научных высказываний либо путем их ментальной конверсии, либо путем глобального преобразования высказываний в репрезентации, построенные по логико-семантическим схемам, отличным от исходных, с привлечением дополнительных языковых средств, которых не было в рецептируемых высказываниях.

К свободному переструктурированию обычно прибегают опытные слушатели, дотекстовая пресуппозиция которых превышает пределы той пресуппозиции, которая необходима для освоения текста-оригинала. Привлечение дополнительной информации при переструктурировании и построении вторичного текста в новом формате создает эффект

нового текста, который по ряду параметров может быть значительно богаче текста-оригинала. Помимо указанных видов переструктурирования возможны и промежуточные варианты, когда, например, часть воспринятого научного текста переструктурируется поверхностно, а другая – глубоко, в том числе и с привлечением информации, отсутствующей в тексте-оригинале.

Различия в двух стилях переработки научной информации – контекстнезависимом и контекстозависимом – проявляются также и при восстановлении незавершенных и деформированных научных высказываний и текстов. Так, в ходе проведенных нами экспериментов было установлено, что подобные процедуры легче выполняются контекстнезависимыми испытуемыми, у которых лучше развиты не только способности к переструктурированию, но и прогностические способности, реализуемые в формах языкового и логико-смыслового прогнозирования. Эта категория испытуемых более «чувствительна» к логико-смысловым и структурным нарушениям в тексте, легче обнаруживают и устраняют их. И наоборот, контекстозависимые слушатели при восстановлении незавершенных высказываний и деформированных текстов часто испытывают когнитивные затруднения, вызванные различными причинами: объективной сложностью текстового материала, его структурной организации и терминологического состава, пробелами в речевом развитии, нехваткой контекстуальных ресурсов, недостаточной сформированностью дотекстовой пресуппозиции и ее разбалансированностью с внутритекстовой (импликационной) пресуппозицией.

ПОСТМОДЕРНА КАРТИНА СВІТУ ІСПАНОМОВНОГО ДИСКУРСУ

Черная Н. В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев

POSTMODERN WORLD PICTURE OF SPANISH-LANGUAGE DISCOURSE

Chorna N.

*Candidate of Philology,
Associate Professor of the Romance Philology Department
Institute of Philology,
Taras Shevchenko Kyiv National University, Kyiv*

Аннотация

Статья посвящается исследованию постмодерной картины мира испаноязычного художественного дискурса. Постмодерная картина мира рассматривается как совокупность представлений про децентрированный открытый постмодерный мир в сознании современного человека. Постмодерный художественный дискурс представляет собой комплекс художественных текстов, которые принадлежат к определенному временному периоду и характеризуются полифоничностью, фрагментарностью, интертекстуальностью, языковыми играми.

Abstract

The article focuses on the study of the Postmodern World Picture of the Spanish-Language Literary Discourse. The Postmodern World Picture is considered as a corpus of ideas about the decentric open postmodern world in the modern human consciousness. The Postmodern Literary Discourse is a complex of literary texts which are part of a defined temporary period and are characterized by polyphony, fragmentariness, intertextuality, language games.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, постмодерная картина мира, концепт, нарратив.

Keywords: concept world picture, postmodern world picture, concept, narrative.

Постмодерний художній дискурс цікавить нас передусім як специфічний тип ментальності та світосприйняття, картина світу яка являє собою форму свідомості, стиль мислення, особливу ідеологію зі своїми інтелектуальними стратегіями та установками. Калейдоскопічність постмодерного мислення та багатоваріативність підходів до сприйняття дійсності підштовхує дослідника-лінгвіста випробувати всі можливі філологічні інструменти для інтерпретації та тлумачення постмодерного тексту, використовуючи нові та нестандартні підходи, змішуючи методології різних сучасних наук. Звідси викарбовується сучасна тенденція інтерпретації художнього дискурсу яка балансує на межі багатьох наук, часто зовсім не філологічних. Поєднання методологій та інструментарія різних наук з лінгвістичними підходами дає нам вихід до розбудови базових понять таких сучасних наук як нейролінгвістичне програмування, соціолінгвістика та психолінгвістика, когнітологія та дискурсологія, що визначає **новизну** наукових розробок з теми наукової статті.

Методологічний аспект наукової статті базується на таких концепціях, як теорія метафор Ханса Блюменбурга, концепція міфів повсякденності Рональда Барта, дискурс-аналіз Мішеля Фуко, теорія хронотопа Міхаїла Бахтіна. Сучасна антропоцентрична тенденція філологічних наук відсилає нас до наукових праць М. Фуко, А.Гримаса, Ж. Деріди та Ю. Хабермаса, які розглядали дискурс у широкому плані як стилістичну специфіку «...стиль – це людина у комбінації з ідеологією, котра за нею стоїть, та у вузькому плані як видовий різновид першого, особливий вид комунікації, яка здійснюється у максимально можливому віддаленні від соціальної реальності, традицій, авторитету, комунікаційної рутини, який має на меті критичне обговорення та обґрунтування поглядів та дій учасників комунікації» [1, с.36]. Такий модус лінгвокогнітивного аналізу дає можливість проникнути до самої суті постмодерної картини світу, яка на сьогодні не є достітно дослідженою, що зумовлює **актуальність наукової статті**.

Постмодерна модель сприйняття реальності, як особливий вид комунікації, передбачає розуміння дійсності яка мовби проходить крізь своєрідний фільтр способу мислення, сприймаючи світ як гру з асоціаціями, гру зі словами, гру з почуттями, тощо. Таке специфічне світосприйняття або «постмодерністська чуттєвість» [2], накладає відбиток на формування нової філософії сучасного світу, на створення нових наративних дискурсів, визначає стратегії мислення та комунікації сучасної людини у сучасному постмодерному світі. Постмодерна концептуальна картина світу виявляє нові методи та технології створення свідомості суб'єкту постмодерну, тобто мови, як однієї з найважливіших форм реалізації світосприйняття людини.

Мовна картина світу – це відображений в мові спосіб бачення світу, тобто концептуалізація дійсності. Цей концепт, вперше визначений та сформований як поняття у філософії у працях Виттгенштейну 1994

[3], широко представлений у роботах сучасного лінгвіста Анни Вежбіцької, яка досліджує мовні картини світу на матеріалі англійської, німецької та інших мов [4]. Будь-яка мова певним чином представляє собою навколишню реальну дійсність, у рамках якої існує художній світ. Вивчаючи та аналізуючи художній твір можна простежити частотність та певну закономірність вживання певних слів або виразів, які складають зміст художніх образів, які у свою чергу вибудовують текстові концепти складаючи основну тематику та філософію того чи іншого художнього тексту, іншими словами створюючи концептуальну картину художнього твору.

Картина світу, в межах якої існують концептуальна та мовна картини світу, поняття яке стає популярним та актуальним у сучасних гуманітарних науках завдяки досить широкому тлумаченню. Картина світу характеризується ємністю, метафоричністю й універсальністю [1, с. 38]. «Під поняттям ємність можна розуміти найрізноманітніші гносеологічні явища на різних рівнях знання, від філософського до конкретно-ситуативного (наївного) чи наукового; метафоричність – доля величезного числа наукових термінів – з одного боку полегшує завдання вчених, дозволяючи залишити проблему чіткого визначення картини світу як наукової категорії на майбутнє – період, що триває вже якнайменше тридцять років; універсальність уможливила згортання визначення картини світу до її окремо наукових різновидів» [1, с. 38]. Досить широко вже вивчені такі картини світу, як наукова (Планк 1958, Герц 1973, Степин 1994), наївна (Апресян 1997), мовна (Арутюнова 1987, Телия 1988, Барт 1994, Кубрякова 2004), національна (Тарасов 2002, Корнилов 2003), поетична (Freeman 2000, Воробьова 2004), міфо-поетична (Топоров 1998) [2]. Разом з цим, дослідження постмодерної картини світу ще недостатньо розроблені та визначені через власну природу самого мега концепту «постмодернізм». Деякі дослідники вважають що саме проблема визначення концепту картини світу «лежить в межах методології постмодернізму, як одного з базових концептів філософського світосприйняття сучасного світу» [1, с. 38]. Концептуальна постмодерна картина світу все ще являє собою багатоваріативне суперечливе явище.

З початку сімидесятих років починається становлення постмодерного іспаномовного художнього дискурсу з появою творів таких письменників, як Торренте Бальєстер, Каміло Хосе Села і Мігель Делібес, а також Хосе Луїс Сампедро і Раміро Пінілья, письменники середини століття – Хуан Гойтисоло, Луїс Гойтисоло, Хуан Марсє і Ана Марія Матуте. Складність дослідження постмодерної іспаномовної картини світу посилюється співіснуванням романістів різних генерацій та різноплановість напрямів, від експериментальної прози до детективного чи пригодницького роману, досить значною територіальною протяжністю (латиноамериканський постмодерний дискурс) та досі остаточно не дослідженими та не систематизованими лінгвостилістичними параметрами, які формують власну систему логіко-семантичних зв'язків і композиційних елементів. Йдеться про мозаїчний, поліфонічний художній дискурс,

який характеризується множинністю тенденцій починаючи від містичних або детективних оповідань закінчуючи великими за своєю структурою наративами, де важко виділити провідні теми, віднайти головні тенденції, слідкувати за сюжетом. Концептуальна постмодерна картина світу є мозаїчною, роздрібною, мінливою, ігровою, фрагментарною, де втрачаються індивідуальні риси автора та читача, які ховаються за створеними образами, за цитатним та асоціативним мисленням.

Одним з найвизначніших проявів постмодерного художнього дискурсу є експериментальний роман, який наполегливо впроваджує і розробляє нові концептуальні образи, наративні тенденції та текстуальні структури художнього тексту. Серед його різновидів варто відмітити принаймні три типи. Перший характеризується складністю і варіативністю наративних форм у художніх текстах. Серед них метаромани та автофікціональні романи. Найкращим прикладом такого типу метароманів стає «Фрагменти Апокаліпсису» (1977) Гонсало Торренте Баллестера, «Модель для збірки», «Виграші» Хуліо Кортасара або «Весна священна», «Концет барокко» Алехо Карпент'єра завдяки вдалій комбінації теорії і практики написання роману із включенням у нього самокритичним прочитанням. Дотримання правил наративності, досконало розказаної історії, яка водночас проникнена іронією, самоіронією, великою кількістю посилань та асоціацій, що у свою чергу порушують стабільність та системність концептуальної та текстуальної системи репрезентацій. Створення багатомірної поліфонічної картини художнього світу, який сприймається як один великий наратив або гіпертекст, наповнений змістами, відкритий до множинності інтерпретацій програмує читача на прочитання текстів за власним вибором. Іншими словами постмодерний текст є зображенням створенної в уяві автора віртуальної реальності, яка сприймається читачем за власною інтерпретацією як результат творчої активності людини.

Принцип подвійного або багатоальтернативного прочитання великих наративних постмодерних творів – це один з головних принципів концептуальної побудови постмодерної картини світу. Наприклад, постмодерні тексти Хорхе Луїса Борхеса або роман Хуліо Кортасара «Гра в класики» побудовані за принципом плюралізму, де читачу пропонується зануритися у текст з подвійним читанням, яке запропоноване самим автором або за власним бажанням, виходячи за своїх власних творчих намірів, тому що існує ще безліч множин можливостей інтерпретувати текст.

Інший тип експериментального роману, що характеризується мовними іграми, знаходимо у творах Хуліана Ріоса, Фернандо Арамбуру («Вогні з лимоном») і Гонсало Ідальго Байали («Суворий дух»). Концепція картини світу як своєрідної мовної гри є характерним для художніх дискурсів латиноамериканських авторів. В цьому контексті варто провести паралель з романом «Гра в класики» (Rayuela) Х. Кортасара, текстуальний простір якого є гарним прикладом текстуальної структури у вигляді

тексту-конструктора. Цей роман можна читати за інструкцією автора або на власний розсуд, визначаючи послідовність окремих частин. Концепт «слово» переходить у мега концепт «світ» через усвідомлення реальності як мозаїки з окремих слів з усім різномаяттям їх значень. Сама назва роману – rayuela – це метафора, гра в класики, гра в слова, гра в життя яка несе в собі концепцію сприйняття дійсності як гри в слова: «Rayuela – juego infantil que consiste en sacar una piedra plana de un dibujo pintado en el suelo, impulsándola con golpes dados con un pie mientras se está con el otro en el aire» [5, с.1542]. Назва роману несе в собі не тільки гру в слова але й алегоричний підтекст. Головний герой роману намагається виграти гру, тобто відшукати себе, осмислити сутність свого існування, граючи словами, смислами, асоціаціями, цитатами. Автор тексту експериментує зі словами, переставляє їх, створюючи анаграми, паліндроми, неологізми. Кожне слово, як концепт крізь який сприймається дійсність, здатне створювати та водночас руйнувати реальності. Мовні ігри є спробою письменників-постмодерністів деконструювати саму мову як модель реальності, яка у свою чергу здатна визивати зміни щодо її розуміння та інтерпретації залежно від контексту чи ситуації: «Ante todo, una reflexión sobre el lenguaje, la herramienta del escritor. No se trata de una queja romántica contra al lenguaje (“el rebelde, mezquino idioma”), sino de la desconfianza permanente ante un instrumento imperfecto, engañoso, desgastado por el uso común. Lo terrible, claro está, es que no tenemos otra cosa; y lo paradójico, que toda está denuncia y destrucción del lenguaje sólo puede realizarse utilizando lo mismo que se denigra: círculo vicioso bien evidente, suplicio de Tándalo para el que no existe escapatoria» [6, с.37]. Сприйняття реальності як своєрідної комунікативно-інтертекстуальної гри та розширення уявлення про межі художньої творчості урівнює в правах справжнє та вигадане, приводить до ситуації семантичної багатозначності постмодерної картини світу, змінює стосунок художнього світу до реальності, що пов'язане з прагматикою, із взаємостосунками адресата, адресанта та контексту висловлювання.

Третій тип експериментального роману характеризується принципом «нон-селекції», що дозволяє використовувати як літературний матеріал усе пов'язане з новітніми технологіями (Інтернет, чати, блоги тощо), як це можна бачити у циклі «Носілля» (2006–2009) А. Фернандеса Мальо у великих наративних творах Хуліо Кортасара, таких як «Книга Манюеля», «Гра в класики», «Виграші». На текстуальному рівні принцип “нон селекція”, як переосмислення художньої комунікації, спрямовується на порушення традиційної зв'язності у тексті, реченні, на заперечення будь-якої можливості існування природної або соціальної ієрархії [7, с. 124].

Використання цитатного та асоціативного мислення, графічних паралінгвістичних засобів, фрагментарного сюжету, вбудованих текстів, пастишу є характерним для посмодерного художнього дискурсу Іспанії та Латинської Америки. Художній дис-

курс магічного реалізму Латинської Америки з такими яскравими представниками, як Хуліо Кортасар, Хорхе Луїс Борхес, Габріель Гарсія Маркес, Адольфо Біой Касарес, Алехо Карпентьєр є своєрідним вираженням латиноамериканської постмодерної картини світу, яка сприяє естетичному оновленню постмодерного бачення світу. Магічний реалізм міцно вкорінюється в постмодерну картину світу, створює нові наративні техніки, збагачує художню реальність фантастичними рисами, прикладами та дивами, змушує сприймати реальність, як одну з можливих реальностей, як ще одні з можливих світів. Основним концептом дискурсу магічного реалізму виступає міф, міфологічне сприйняття дійсності. Створюється картина світу наповнена елементами дійсного і уявного, реального і вигаданого, повсякденна реальність тісно переплітається з таємним можливим світом. Відбувається взаємний обмін формулами та способами оповіді між іспанським та латиноамериканським постмодерними дискурсами, об'єднуючи їх в одну концептуальну постмодерну картину світу.

Таким чином, постмодерна концептуальна картина світу є лінгвокогнітивним феноменом, який конститується комплексом сучасних художніх текстів, які належать до певного часового періоду та побудовані на відмові від логоцентричного світосприйняття, на принципах ірраціональності, фрагментарності, інтертекстуальності, міфопоетичності сприйняття світу. Постмодерністське бачення світу

проявляє себе завдяки особливостям посмодерністської поетики, яка передається поліфонічною наративною структурою, загальною орієнтацією на цитатність, неможливість існування єдиної фіксованої стилістичної та текстуальної доміанти, на активну взаємодію різноманітних художніх систем. Постмодерні великі художні твори поєднуються своїм когнітивним ставленням до світу, показовою референтністю та поверненням до наративності у нових її проявах.

Список літератури:

1. Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харківський національний університет ім. В.Н.Каразіна / Колектив авторів. – ЧФ Константа, 2005 – 354 с.
2. Енциклопедія постмодернізму. – К. : Вид-во Соломії Павличко "ОСНОВИ", 2003. – 502 с.
3. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 654 с.
4. Вежбицкая А. Метатекст в тексте / Анна Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978.
5. Diccionario de uso del español actual clave. – [6 ed.]. – Madrid : Ediciones S.M., 2003. – 2048 p.
6. Cortázar Julio. Rayuela / Julio Cortázar. – Madrid : Edición de Andrés Amorós, 2000. – 615 p.
7. Fokkema D. Exploring Postmodernism / Devid Fokkema M. Calinescu. – Amsterdam; Philadelphia, 1987. – 376 p.

POLITICAL SCIENCES

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В УКРАИНЕ

Васильченко О. Ю.

*аспирант кафедры парламентаризма и политического менеджмента
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины*

"ELECTORAL PROCESS AS A WAY OF ENSURING THE EFFICIENCY OF THE NATIONAL REPRESENTATION IN UKRAINE"

Vasil'chenko O.

*PhD student of the Parliamentarism and Political Management Department of the
National Academy for Public Administration under the President of Ukraine, Kyiv*

Аннотация

Статья посвящена изучению закономерностей становления института народного представительства с учетом политико-правовой конфигурации украинского избирательного пространства. На основе изучения избирательных законов, практической деятельности участников избирательных кампаний, а также благодаря сравнению с избирательным процессом в зарубежных странах, проанализированы проблемные моменты на разных стадиях выборов. Как итог этой статьи дан комплекс рекомендаций относительно совершенствования избирательного процесса с целью обеспечения представительской природы органов, формирующихся путем проведения выборов.

Abstract

The article studies the laws of the institute of national representation, taking into account the political and legal configuration Ukrainian electoral space. Based on a study of election laws, implementation of the contestants, as well as by comparison with the electoral process in foreign countries, analyzed the problem points at different stages of the elections. As a result of this article is given a set of recommendations on how to improve the electoral process in order to ensure representation of nature formed through elections.

Ключевые слова: народное представительство, представительская власть, орган представительства, избирательный процесс.

Keywords: popular representation, representative government, representative agency, the electoral process.

Постановка проблемы. Одним из определяющих условий формирования конституционно-правовой модели народного представительства любого государства, в том числе и Украины, являются выборы в органы государственной власти и органы местного самоуправления как законодательно нормированный процесс, благодаря которому политическая воля народа непосредственно превращается во властные политические структуры и государственный механизм получает необходимую демократическую легитимацию.

Анализ последних исследований и публикаций. Научный анализ избирательного процесса обычно проводится на основе теории непосредственной демократии, в развитие которой в Украине сделали вклад: В. Д. Бабкин, С. В. Бобровкин, Н. В. Богашева, И. П. Бутко, Р. К. Давыдов, Т. В. Дешко, М. В. Жушман, В. М. Кампо, Д. С. Ковриженко, Н. И. Козюбра, А. Н. Колодий, В. В. Копейчиков, Н. И. Корниенко, Н. В. Королева-Борсоди, И. А. Кресина, Л. Т. Кривенко, Н. И. Малышко, А. Г. Мурашин, Н. Р. Нижник, М. Ф. Орзих, А. В. Петришин, В. Ф. Погорилко, П. М. Рабинович, В. А. Рияка, В. Ф. Сиренко, М. И. Ставнийчук, В. П. Тихий, Е. А. Тихонова, В. Д. Ткаченко, Ю. Н. Тодыка, В. Л. Федоренко, А. Ф. Фрицкий, М. В. Цвик, В. М. Шаповал, В. Д. Яворский и др.

В условиях демократизации избирательных правоотношений, состязательности избирательного процесса увеличивается внимание к избирательным технологиям. Речь идет о трудах М. Г. Анохина, В. А. Антонова, Т. И. Захаровой, А. И. Ковлера, В. И. Лысенка, А. И. Юрьева и др.

В настоящее время неотложной является потребность в выяснении вопроса, какой должна быть оптимальная избирательная система на выборах в парламент, определении критериев соответствия законодательства о выборах народных депутатов Украины международным избирательным стандартам, раскрытии роли парламентских выборов для становления в Украине правового государства.

Формулирование целей статьи. В данной статье, на основании комплексного и системного анализа, опираясь на существующие исследования избирательного процесса в Украине, раскрываются практические проблемы его функционирования, разрабатываются пути их решения.

Изложение основного материала исследования. Демократические изменения в Украине свидетельствуют о том, что в процессе утверждения конституционно-правовой модели народного представительства одна из главных ролей принадлежит избирательным системам. Как утверждает

А. Лейпхарт, избирательная система является фундаментальным элементом представительской демократии [12, 95].

В советской правовой науке государственного права выборы также относили к представительской демократии, поскольку, как считалось, на них избиратели не принимают непосредственно решения, а лишь избирают представителей для их принятия [13, 161]. Но уже в конце 80-х годов XX века А. Г. Мурашин отмечал, что выборы связаны с народным представительством, но принадлежат к институтам непосредственной демократии, поскольку граждане сами формируют представительские органы и влияют на их деятельность [9, 42]. Именно такая точка зрения превалирует на сегодняшний день в конституционно-правовой теории [16, 460].

Выборы, как один из способов становления представительского народовластия, приводят к непосредственному (путем прямого волеизъявления народа) выражению политической воли народа в органе публичной власти (его кадровом составе), выступая механизмом формирования данного органа, который связан с народом и является институтом представительской демократии [4, 56]. Помимо этого выборы выступают в роли одной из основных характеристик природы самого народного представительства. Именно благодаря такому свойству, как избирательность, органы народного представительства приобретают такое качество, как представительность [7, 12]. Избирательность обуславливает особое место представительских органов власти среди других учреждений, их тесную связь с обществом. Выборы выполняют функцию артикуляции, агрегации и представительства разносторонних интересов населения, адекватного отражения воли граждан. В свою очередь, представительская система власти, влияя на общество, модифицирует его в соответствии с интегральными интересами представителей его социальных групп, обеспечивая процесс общественного развития.

Выборы – это конституционно-правовой способ (средство, инструмент), с помощью которого общество формирует власть, осуществляет представительство интересов разных групп населения. Значение выборов в механизме народовластия заключается в том, что они являются действенным инструментом воплощения народного суверенитета. Назначение акта выборов состоит в доверительном делегировании отдельных частей народного суверенитета, носителем которого является каждый гражданин, избранным представителям [15, 87]. Поскольку в выборах принимают участие граждане разных национальностей, соответственно акты выборов в Украине выступают одновременно и в качестве формы национального суверенитета. Благодаря выборам достигаются легитимность, стабильность и преемственность государственной власти. Результатом их проведения является создание общенародного и вместе с тем общегосударственного представительского органа власти [5, 52].

Выборы обеспечивают мирный переход государственной власти от одних избранных представителей общества к другим на основе свободного волеизъявления избирателей. Благодаря этому кризис конкретного правительства и его курса не приводит к отторжению гражданами всего конституционного строя, не ведет к дестабилизации политической системы, институтов государственной власти. Выборы предоставляют избирателям возможность регулярно изменять состав органов власти, корректировать политический курс. Благодаря конкурентной борьбе альтернативных политических программ в процессе выборов стимулируется поиск оптимальных путей государственного развития, обеспечивается сравнение политических ценностей и альтернатив, создаются благоприятные условия для преодоления неэффективной политики и утверждения новых идей и политических платформ.

Можно говорить о выборах как об универсальном общественном институте, который выполняет интегративную функцию в разных сферах жизнедеятельности. В таком понимании их можно рассматривать, как социальный механизм, благодаря которому возникает власть, реализуется сущность гражданского общества, формируются политические (управляющая и оппозиционная) элиты, происходит процесс политической социализации личности, осуществляется контроль и регулирование власти со стороны граждан, выявляются общественные настроения [2, 48].

Важным элементом права граждан на народное представительство является их право на демократическую избирательную систему, под которой, прежде всего, понимается достижение высокой степени избирательной конкуренции между кандидатами на избрание в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также гарантированное право граждан на свободное волеизъявление и достоверные результаты выборов.

Демократическая система народного представительства опирается на такие важнейшие принципы, как законность, всеобщность, секретность волеизъявления, добровольность участия граждан в процессе формирования представительских органов, гласность, периодичность и обязательность публичных выборов. Нарушение данных принципов, как и их ненадлежащее гарантирование, предопределяет ограничение прав граждан свободно избирать и быть избранными в органы народного представительства и, в результате, приводит к искривлению представительского характера этих органов.

Основными направлениями деятельности отнюдь не правового обеспечения народного представительства следует считать: 1) использование и расширение в нормативно-правовой базе всех уровней средств противодействия нарушениям принципов свободы волеизъявления народа, справедливости избирательного процесса (подкупам избирателей, использованию административного ресурса, фальсификации итогов голосования и результатов выборов); 2) усиление административной

и криминальной ответственности за правонарушения против избирательного законодательства; 3) увеличение контроля со стороны гражданского общества, иностранных наблюдателей и представителей международных организаций над избирательным процессом.

Избирательный процесс должен рассматриваться с такой позиции, при которой он может и должен стать важнейшим звеном демократизации всех форм народного представительства.

Избирательный процесс состоит из последовательных стадий, однако эффективность функционирования народного представительства зависит от реализации лишь некоторых из них, которые имеют значение принципа, а не технологии. С точки зрения системы народного представительства, например, не так важно, к чьей компетенции законодатель относит назначение выборов, как то, чтобы механизм их назначения не нарушал периодичность обновления представительства. Аналогично составление списка избирателей нужно квалифицировать преимущественно как технологический процесс, но в то же время, если механизм учитывания избирателей будет исключать из числа избирательного корпуса значительные массы граждан – будут нарушены конституционные основы народовластия и представительства народа. Подобный подход может быть использован и относительно других стадий избирательного процесса [1, 30].

Влияние избирательного процесса на формирование народного представительства выражается преимущественно в конституционно-правовом механизме своевременного назначения выборов и обеспечения ротации представительства, полном учете избирателей, целесообразном сочетании партийного и индивидуального представительства, правовом регулировании режима предвыборной агитации, «прозрачных» процедурах голосования и подсчета голосов избирателей при условии эффективного общественного контроля, а также в дальнейшем депутатского контроля законности состоявшихся выборов [1, 13].

Под организацией выборов в контексте нашего исследования следует понимать урегулированную правом деятельность уполномоченных субъектов конституционных отношений, направленную на достижение цели формирования демократической системы народного представительства, которая осуществляется путем совершения исполнительно-распорядительных действий организационного характера.

Основную роль в организации выборов представительских органов в Украине играют избирательные комиссии. Именно этой концепции придерживается отечественная практика последних лет, что нашло свое юридическое выражение в избирательном законодательстве. Однако обращение к опыту зарубежных стран показывает, что это не единственная конституционная форма организации публичных выборов. Поэтому имеющиеся в законодательстве правовые нормы, которые регулируют порядок создания и деятельности избирательных комиссий, нуждаются в комплексном анализе

и обосновании того, отвечает ли система избирательных органов закрепленным в Конституции Украины целям формирования народного представительства.

Роль избирательных комиссий в обеспечении функционирования демократической системы народного представительства не уменьшает значения в этом процессе других субъектов конституционных правоотношений: органов законодательной и исполнительной государственной власти, местного самоуправления, политических партий и других общественных объединений, а также групп общественности.

Не только отечественное, но и законодательство большинства государств мира признает политические партии одними из главных субъектов становления народного представительства. Это выражается, во-первых, в признании общественной роли политических партий, во-вторых, в детальном урегулировании их участия на каждой стадии избирательного процесса, в-третьих, в их позиционировании себя как стороны, которая выступает от имени народа при решении государственных и общественных проблем, осуществлении предварительного мониторинга для выяснения общественного мнения, которое помогает законодателю расставлять приоритеты в своей деятельности [11, 24].

На обеспечение представительского характера соответствующих органов публичной власти существенно влияет сущность избранной избирательной системы – мажоритарной, пропорциональной или смешанной. Необходимо учитывать то, что использование пропорциональной избирательной системы (так называемые «выборы по партийным спискам») разрывает непосредственную связь парламентария с определенной территорией – избирательным округом. То есть депутат, избранный по такой системе, наделяется свободным мандатом. В то же время, пропорциональная система позволяет иметь представителей в парламенте не только большинству, но и избирателям, которые очутились в меньшинстве. Мажоритарная же система в пределах каждого избирательного округа дает представительство лишь большинству избирателей, абсолютно аннулируя голоса меньшинства. Таким образом, с одной стороны, мажоритарная избирательная система позволяет установить прямую связь между народным представителем и его избирателями, но, с другой стороны, пропорциональная система лучше отражает в составе представительского органа все многообразие распространенных в обществе политических взглядов [6, 152]. Поэтому в ряде подсистем народного представительства нужны правовые гарантии обеспечения мажоритарного представительства. К таким подсистемам, на наш взгляд, необходимо отнести выборные органы местного самоуправления.

К основным преимуществам пропорциональной избирательной системы принадлежат: гарантирование справедливого представительства, при котором часть голосов, отданных за партию во время выборов, максимально полно коррелирует с частью независимых от этой партии депутатских мандатов

в парламенте; содействие процессу институализации, артикуляции и представительству групповых интересов в обществе, формирование консенсусной демократии; обеспечение значительно лучшего представительства женщин в национальных парламентах сравнительно, скажем, с системой большинства или двухтурового голосования; исключение проведения повторных (дополнительных) выборов, потребность в которых является атрибутивной в пределах мажоритарной системы. К недостаткам пропорциональной системы относят, прежде всего, многопартийное представительство в парламенте, детерминирующее образование преимущественно коалиционных правительств, которые считаются менее стабильными, чем однопартийные правительства большинства [10, 63].

Но нельзя не учитывать опыт стран демократического устремления, где использование пропорциональной системы дает позитивные результаты. Так, во время выборов в Сейм в 1991 г. в Польше была использована региональная пропорциональная система без ограничительного порога с последующим ее усовершенствованием в 1993 г. путем установления проходного 5% барьера для политических партий и 8% – для коалиций. Это позволило не только уменьшить количество политических партий, представленных в парламенте, но и стабилизировать партийную систему [14, 36].

Однако существуют предложения для обеспечения реального народного представительства вернуться к мажоритарной системе парламентских выборов, усовершенствовав Закон Украины «О выборах народных депутатов Украины» и предусмотрев избрание народных депутатов в 450 одномандатных избирательных округах путем проведения прямых выборов. Кроме того, предлагается проводить выборы в мажоритарном округе по двухтуровой системе, избирая в первом туре лишь тех кандидатов, которые наберут больше 50% голосов избирателей, а во втором – из двух кандидатов, набравших большинство голосов в первом туре, определять победителя по системе относительного большинства. При современных обстоятельствах в Украине ученые считают мажоритарную систему более демократической, поскольку она позволяет гражданам избирать в законодательный орган не только кандидатов от политических партий. Вместе с тем она не препятствует деятельности политических партий, которые могут выдвигать и поддерживать своих кандидатов в избирательных округах. Подтверждением этому является опыт проведения избирательных кампаний в Великобритании, где уже в течение многих веков действует мажоритарная система выборов [3, 23].

В целом, наиболее удачной в современной Украине является смешанная (пропорционально-мажоритарная) система народного представительства, которая позволяет объединить преимущества и недостатки двух систем. На всех уровнях воплощения народного представительства необходимо уместное сочетание независимости и подконтрольности парламентария.

На сегодняшний день происходит сужение социальной базы народного представительства, которое проявляется в невысокой явке избирателей на выборы, особенно местные, имеется явное несоответствие социального состава представительских органов социальной структуре общества в целом, наблюдается монополизация партиями процедур определения кандидатов в депутаты. Подтверждением этому может служить, в частности, депутатский состав Верховной Рады Украины, который не воссоздает социально-классовую структуру современного украинского общества, компонентный состав его политической системы, интересы общественных и политических объединений граждан [8, 270].

Существующая система выборов народных депутатов Украины имеет также следующие недостатки: 1) одинаковый заградительный барьер для политических партий и избирательных блоков, что приводит к неадекватно большому количеству парламентских политических партий и усложняет формирование парламентского большинства; 2) непропорциональность регионального представительства, что негативно влияет на связь между народными депутатами и их избирателями; 3) нехватку электорального контроля над персональным составом избирательных списков. Закрытый тип данных списков не позволяет избирателю влиять на избрание конкретных представителей партий и блоков; 4) большой объем избирательных списков, что фактически лишает избирателя возможности исследовать характеристики подавляющего большинства кандидатов и сделать рациональный выбор; 5) некоторое искривление симпатий избирателей. Этому, в первую очередь, способствует проблема значительного количества нерезультативных голосов, то есть таких, которые были отданы избирателями за списки политических партий или избирательных блоков, не преодолевших заградительного барьера, и против всех партий и блоков.

Специфика недостатков системы выборов в органы местного самоуправления в значительной степени предопределена характером самих этих органов. В частности, к таким недостаткам принадлежат: 1) чрезмерное политизирование состава представительских органов. Избрание местных советов по партийным спискам приводит к их включению в политическую борьбу на общенациональном уровне. Последствиями этого являются: а) выход за пределы прямой компетенции. Местные советы, которые избираются по спискам партий, в большинстве своем парламентских, начинают принимать решения по вопросам, принадлежащим к компетенции центральных органов государственной власти (например, относительно регионального статуса русского языка, провозглашения отдельных населенных пунктов «зонами, свободными от НАТО» и т.д.); б) доминирование партийного принципа над принципами профессионализма в ходе осуществления кадровых назначений, как в представительских, так и в исполнительных органах; 2) противостояния между депутатским корпусом

местных советов и городскими (сельскими, поселковыми) председателями в результате использования разных избирательных механизмов; 3) слабость местных партийных организаций, проявляющаяся в невозможности формирования полноценного избирательного списка. Это, в свою очередь, приводит к: недоукомплектованности состава некоторых местных советов, потому что соответствующие партийные списки включали в себя меньше лиц, чем было получено мандатов; включению в избирательные списки лиц без определенной политической ориентации и с отсутствием опыта общественной работы; 4) несоответствие юридического статуса областных и районных советов принципам их комплектования. Согласно ч. 4 ст. 140 Конституции Украины, областные и районные советы являются органами местного самоуправления, которые представляют общие интересы территориальных общин сел, поселков и городов. Такой же статус закреплен за ними ч. 1 ст. 1 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине». Использование единых партийных списков для всей области (района) устраняет любые гарантии для пропорционального территориального представительства. Неадекватно большую долю депутатов областных советов составляют представители областных центров, а значительная часть сельских районов остается без своих представителей; 5) использование во время выборов сельских, поселковых и городских председателей мажоритарной системы относительного большинства, к недостаткам которой относится то, что: а) председателем может быть избран кандидат, доверие которому высказала сравнительно небольшая часть избирателей; б) как и в одномандатных округах, данная система выгодна тем кандидатам, которые владеют большими, сравнительно с другими претендентами, административными, финансовыми и информационными ресурсами. Это представляет угрозу для демократичности избирательных процедур.

Для оптимизации избирательной системы целесообразно провести следующие мероприятия: 1) дифференцировать заградительный барьер. Должен быть сохранен действующий избирательный барьер для политических партий, а для избирательного блока он должен равняться количеству партий-основательниц, умноженному на 3%; 2) ввести региональные избирательные списки, в которые должны включаться лишь лица, постоянно проживающие на территории соответствующего округа; 3) возобновить мажоритарную систему относительного большинства на выборах депутатов местных советов: а) вернуть областные и районные советы к принципу территориального представительства, с избранием равного количества депутатов областного совета от городов областного значения и районов, а районного совета – от городов районного значения, поселков и сел; б) внедрить систему выборов депутатов сельских, поселковых, городских и районных в городах советов по одномандатным избирательным округам, приблизительно равным по количеству избирателей; 4) ввести мажоритарную систему абсолютного большинства на

выборах сельских, поселковых и городских председателей. Согласно нововведению, победителем выборов на должность сельского, поселкового или городского главы в первом туре будет считаться кандидат, который набрал 50% + 1 голос участвовавших в голосовании избирателей. В ином случае должен проводиться второй тур при участии двух кандидатов, получивших в первом туре наибольшее количество голосов, победителем которого признается кандидат, который набрал больше 50% голосов избирателей. При этом выдвижение кандидатов в депутаты местных советов, а также на должности сельских, поселковых и городских председателей может осуществляться от местных ячеек политических партий, общественных организаций и в порядке самовыдвижения [17].

Для стабилизации избирательного процесса и наиболее полного выражения воли электората необходимо также дальнейшее всестороннее развитие политико-правовой культуры участников избирательного процесса, чего можно достичь, придерживаясь общепризнанных принципов народовластия.

Выводы. Таким образом, эффективность функционирования органов народного представительства в современных условиях определяется стабильностью избирательной системы, которая устанавливает порядок проведения голосования на выборах и правила распределения депутатских мандатов. Стабильная избирательная система, которая обеспечивает адекватное представительство политических интересов граждан и отражает реальное волеизъявление избирателей, является необходимым условием деятельности представительских органов, атрибутом демократического правового государства.

Интеграция Украины в ЕС и утверждение гражданского общества существенно зависят от введения в избирательный процесс и политическую систему государства общечеловеческих ценностей, демократических принципов, международных избирательных стандартов.

Список литературы:

1. Астафичев П. А. Народное представительство в современной России: проблемы теории и правового регулирования : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» / П. А. Астафичев. – СПб., 2006. – 46 с.
2. Бакулин А. И. Избирательная система как способ обеспечения народного представительства (на примере Калужской области) / А. И. Бакулин // Научные труды МосГУ. – 2010. – № 121. – С. 47–49.
3. Березюк О. Вибори без вибору / Олег Березюк // Юридичний журнал: Аналітичні матеріали, коментарі, судова практика. – К., 2007. – № 9. – С. 22–23.
4. Джагарян Н. В. Муниципальные институты представительной демократии и народного представительства в Российской Федерации: про-

блема соотношения / Н. В. Джагарян // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 8(14). – С. 55–63.

5. Загальна теорія держави і права : навч. посіб. / за ред. В. В. Копейчикова. – К. : Юрінком Інтер, 2000. – 320 с.

6. Зацева О. О. Парламентаризм, народное представительство, народовластие: к вопросу о соотношении понятий / О. О. Зацева, М. В. Рыбкина // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. – 2009. – № 02. – С. 150–154.

7. Котлевская И. В. Современный парламент / И. В. Котлевская // Государство и право. – 1997. – № 3. – С. 12.

8. Мірошніченко Ю. Конституційно-правові моделі народного представництва в контексті демократичного розвитку / Юрій Мірошніченко // Право України. – 2011. – № 8. – С. 262–273.

9. Мурашин А. Г. Непосредственное народовластие в системе социалистического самоуправления народа / А. Г. Мурашин. – Киев : Выща шк., 1989. – 199 с.

10. Недюха М. П. Выборча система України: оптимальний варіант для України? / М. П. Недюха // Выборче законодавство України: стан, шляхи та перспективи вдосконалення. Матеріали засідань науково-практичного семінару з проблем виборчого законодавства України. – 2011. – 263 с.

11. Паронян К. М. Политико-правовая трансформация института народного представительства

в системе российской публичной власти : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : специальность 23.00.02 «Политические институты; этнополитическая конфликтология; национальные и политические процессы и технологии (юридические науки)» / К. М. Паронян. – Ростов н/Д, 2008. – 29 с.

12. Політологічний словник : навч. посіб. / за ред. М. Ф. Головатого, О. В. Антонюка. – К. : МАУП, 2005. – 792 с.

13. Тихомиров Ю. А. Управление делами общества. Субъекты и объекты управления в социалистическом обществе / Ю. А. Тихомиров. – М. : Мысль, 1984. – 223 с.

14. Харченко Л. В. Выборча система Республики Польша: досвід для України / Л. В. Харченко // Стратегічні пріоритети: науково-аналітичний щоквартальний збірник. – К. : НІСД, 2007. – № 3(4). – С. 35–40.

15. Червонюк В. И. Конституционное право России : учеб. пособие / В. И. Червонюк. – М. : Термика, Инфра-М, 2004. – 432 с.

16. Чуб О. О. Різноманіття форм політичної активності громадян України як чинник демократичності державної влади / О. О. Чуб // Форум права. – 2010. – № 3. – С. 460–465.

17. Шляхи вдосконалення виборчої системи України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://old.niss.gov.ua/Monitor/juni08/8.htm>.

KOLARCTIC CBC PROGRAMME AND CROSS-BORDER PARTNERSHIP IN THE BARENTS REGION

Sychenkova E.

PhD (in political science), docent,

associate professor (docent) in Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Murmansk

Abstract. The objective of this paper is to increase the understanding how Kolarctic ENPI CBC Programme promotes equal opportunities in cross-border partnerships in programme area, which practically is a big part of the Barents area.

Keywords: cross-border cooperation, ENPI CBC Programmes, Kolarctic area, Barents region, equal opportunities, co-financing, projects.

The important aim of the Kolarctic European Neighbourhood and Partnership Instrument Cross Border Cooperation Programme is to reduce problems related to the periphery of regions of the participating countries (Finland, Norway, Russia and Sweden) as well as to promote multilateral cross-border cooperation. The Barents cooperation initiative is part of the process of evolving European cooperation and integration and has similar goals: one of the aim is providing closer ties between the Northern parts of Europe.

The objective of this paper is to increase the understanding how Kolarctic ENPI CBC Programme supports the participation in cross-border partnership in programme area, which practically is a big part of the Barents area.

Kolarctic CBC is a financing programme for supporting cooperation between the countries in the North Calotte (Finland, Sweden, Norway) and northwest Russia. This study mainly focuses on some levels of cooperation: 1) level of countries-member of Kolarctic; 2) level of local authorities-member of programmes management; 3) level of participants of the projects in programme area.

1. Kolarctic is one of several EU programmes supporting cross-border cooperation across the EU external borders. Regulation no 1638/2006 of the European Parliament and of the Council of 24 October 2006 laying down general provisions establishing a European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI) covering border regions of the EU and of the neighbouring countries sharing a common border. The ENPI

Cross Border Cooperation Strategy Paper 2007-2013 (CBC SP) adopted in March 2007 outlined the strategic framework for these programmes. This framework was intended to guide local, regional and national authorities from the eligible areas.

ENPI CBC is not first policy along the EU's borders, we may say that it is transformation of INTERREG programme, several subprograms of which are connected to Russian border area. The North Calotte INTERREG IIIA covers the traditional North Calotte area and is aimed at promotion of cross-border cooperation within it, including development of prerequisites for cooperation with North-West Russia. The Kolarctic INTERREG IIIA is practically aimed at the geographical territory of the Barents Regional Council. It includes the counties of Lapland in Finland, Norrbotten in Sweden, Finnmark, Troms, Nordland in Norway and the Murmansk and Archangelsk regions and the Nenets autonomous county in Russia. The Karelia INTERREG IIIA encompasses the counties of Northern Karelia, Kainuu and Northern Pohjanmaa in Finland and the Republic of Karelia in Russia. In this program trans-border cooperation is primarily aimed at Karelia but may also include financing of the projects connected to Lapland, Archangelsk and Murmansk regions.

Russia's reforms of end of XX century transformed not only the life of government. The country changed the borders and cross-border policy, including regional level. North-West regions of Russia received positive experience of cross-border cooperation in this period. But they were financial recipients in this process some years.

Russia has paid increased attention to the EU experience of Regional Policy and territorial co-operation. Russia and the EU signed the Memorandum of Understanding on Regional Policy and the notion of Cross Border Co-operation was included in Russia's own strategic documents. The Russian Federation and European Commission finished successful negotiating about the ENPI CBC Programmes, their financing and implementation. ENPI CBC programmes was approved by Russian Federal Laws [1].

For the Russian Federation it was very important to co-finance the five cross-border programmes and to reflect the equal partnership. This was successfully addressed by adapting the Financing Agreements to respond to the Russian Federation's requirements in terms of control and audit.

Russian co-funding to Kolarctic CBC 2007-2013 (14 M€) transferred to the Joint Managing Authority through the European Bank for Reconstruction and Development and used to fund projects and Technical assistance. Really, equal opportunities are connected with obligation, in this case – with funding.

The Programme can award grants to projects that contribute to achieving the Programme's priorities and objectives. Total Programme funding was about 70 M€. The indicative allocation of Community funding to the Kolarctic ENPI CBC Programme for the years 2007–2013 was 28,24 M€. The Norwegian equivalent funding was in total 7 M€. The national co-financing from the EU Member States (Finland and Sweden) was 14

M€, from Norway 7 M€ and from the Russian Federation 14M€. As a result of four Calls for Proposals, 51 projects were financed within the Programme, including 48 Standard Projects and three Large Scale Projects.

2. Differently from traditional external assistance programmes, the Joint Operational Programmes for Cross Border Co-operation (JOPs) are implemented by the Joint Managing Authorities (JMAs) located in Member States and monitored by the Joint Monitoring Committees (JMCs) and Joint Selection Committees (JSCs) involving the local partners, and to which the European Commission participates as an observer. Russian regional authorities engaged in the preparation and implementation of the JOPs and their state budget is providing substantial co-financing of the programmes with their participation.

The management of the Kolarctic Programme is based on equality and partnership between participating actors. This equality is reflected in the composition of the Programme bodies and in the method of project selection - consensual decision-making.

In the Kolarctic Programme the Council of Lapland operates as a managing authority (JMA) for regional development. It had status JMA in the INTERREG IIIA North Programme 2000-2006 and other important international experience earlier. But now branch offices are in other 3 countries-member.

Kolarctic area includes 4 states with different political priorities, territorial agendas and visa regimes. The process of arrangement of positions all of bodies needs in special institute. That why Regional Assessor Groups are established in all participating countries (4 groups) in order to assure equality and to gather the point of views of all the participating regions. The permanent members (with substitute members) in each Regional Assessor Group, the JMC nominated, represents 5 sectors: Business and employment (it was responsibility of the author); Research, education and culture; Social sector and well-being; Environment; Representative of indigenous people. The RAGs assess the quality of each project in accordance with evaluation criteria (common for all RAGs).

We can say about participative approach in the process of decision making in the management of the Kolarctic Programme. It achieves the realization the principle of equality.

3. Kolarctic Programme implementation is conducted according to the ENPI Regulation, ENPI CBC Implementing Rules and other documents. The Programme aim is to help the regions in the Programme area to develop their cross-border activities, accessibility and the sustainable development of natural resources, communities and cultural heritage. In order to achieve them, defined three priorities: Economic and social development; Common challenges; People-to-people cooperation and identity building.

On the level people-to-people cooperation the perception of the image of the neighbor depends on many factors, among them the activity of institutions connecting with facilitation of the contacts. Promotion the fair and adequate image of a neighbor is an important work

in the present and the future of cross-border cooperation in the European North.

In the Programme area, in the Barents region people have different experience of including in cross-border cooperation. Some barriers are connected with visa

regime, but not only with this factor. The Barents Review polls (in September-October, 2010) indicates not higher level of internationalization of the people living in the border area [2, p. 110-111].

	Murmansk (administrative center of Murmansk region, Russia)		Pechenga rayon (border territory with Norway)	
	yes	no	yes	no
Have you been to Norway	35.7	64.3	27.7	72.3
Would you travel to Norway if visa regime was abolished (among those who have not been in Norway)	85.0	11.9	78.3	14.7
Would you travel to Norway if visa regime was abolished (among those who have been in Norway before)	79.4	18.7	90.4	1.2

As researchers note [4, p. 47], two concepts characterize Scandinavian social democracy: equality and solidarity. The seventh annual World Economic Forum Global Gender Gap Report 2016 ranks Nordic countries in top spots, with Iceland (1), Finland (2), Norway (3) and Sweden (4) having closed over 80% of their gender gaps [3, table 5]. Study ranks countries on their ability to close the gender gap in four key areas: access to healthcare, access to education, political participation and economic equality. Russia Federation has 75 position, it is so far from other Kolarctic partners.

An important role in improving ideas of equality belongs to the rule of Kolarctic ENPI CBC. According to the gender equality objective, men and women must have the same rights, opportunities and obligation in society. One principle in the Kolarctic projects to be implemented to encourage to women's participation in regional development and cross-border cooperation [5, p. 21]. Evaluation Grid include special point about project's impact on the development of equality between the genders (will improve, has a positive, neutral or negative impact) [6, p. 9].

Principle of equality implement in ongoing projects: for example, project "Limited Abilities – Unlimited Potential" [7, p. 21]. The overall objective of this project is to create prerequisites for improving quality of life of the physically challenged people. The project will seek to promote inclusion and integration into the society by providing equal opportunities for accessing education, culture, vocational guidance, labour market, sports and health promotion. It is essential that the people with different disabilities have the ability to influence ones life and situation, and have possibilities for independent living in the programme areas. It is cross-border co-operation between the physically challenged people from Norbotten, Lapland, and other regions. Lead Partner: The Regional Public Organisation of the Disabled "Nadezhda", Archangelsk, Russia.

We may say about, probable, specific point in the Kolarctic ENPI CBC 2007-2013 management system. There are: adequate competence and funding on the level of countries-member; participative approach on the level of local authorities-member; and progressive role of Programme's rule in involving participants in

the cross-border projects. There are important factors in Kolarctic programme area and Barents cooperation area.

The Barents Euro-Arctic Council in the Joint Communiqué (15 October 2015) underlines the importance of the Kolarctic and Karelia Cross-Border Cooperation Programmes in the implementation of Barents projects and notes with satisfaction that during the preparations of the 2014-2020 programme period, the geographical scope and the objectives of Barents cooperation have to a large extent been taken into account [7].

Despite the asperity of high European-Russian policy, cross-border cooperation continues successfully. Agreement on financing and implementation of the Cross-Border Cooperation Programme Kolarctic CBC 2014-2020 has been signed on 29 December 2016 by the European Commission and the Government of the Russian Federation. Signed agreement shall be taken to national procedures (ratification) to validate its content in to force concerning the cross-border cooperation actions. The national procedures will take 3-8 months, and they are required before signing the Grant Contracts for the awarded CBC projects.

The 1st Call for proposals of Kolarctic programme will be launched on 23 January and closed on 15 March 2017. It is next period of the opportunity and implementation for new projects and collaborative initiatives. It is next step in the promotion of multilateral cross-border partnership.

References:

1. Russian Federal Laws № 235-ФЗ 27.06.2010. Access URL: <http://base.garant.ru/12177583/>
2. Barents Borders. Delimitation and internalization/ Barents Review 2012 – PP.108-110. Access URL: <http://barents.custompublish.com/barents-review-2012.5006195.html>
3. The Global Gender Gap Report 2016. Access URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/performance-by-region-and-country/>
4. Einhorn E., Logue J. Modern welfare states: Scandinavian politics and policy in the global age/ Praeger Publishers, Westport, 2003.

5. Kolarctic ENPI CBC Programme 2007-2013. Access URL: http://www.kolarcticenpi.info/c/document_library/get_file?folderId=2369893&name=DLFE-28126.pdf
6. Evaluation Grid, 4th call. Access URL: <http://www.kolarcticenpi.info/en/call>
7. Fiftyone: Information about 51 Kolarctic ENPI CBC Projects. P.21 http://www.kolarcticenpi.info/c/document_library/get_file?folderId=982819&name=DLFE-28613.pdf
8. XV Session of the Barents Euro-Arctic Council Joint Communique, Oulu, 15 October 2015. Access URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/1859511
9. Kolarctic CBC 2014-2020. Access URL: <http://kolarctic.info/>

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

НЕОБХОДИМОЕ И ДОСТАТОЧНОЕ УСЛОВИЕ МЕЖВИДОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ДОМАШНЕГО ПИТОМЦА

Никольская А.В.

кандидат псих.наук, доцент, Москва, РГУ им. Косыгина, кафедра психологии,

NECESSARY AND SUFFICIENT CONDITION OF HETEROSPECIFIC INTERACTION OF HUMAN AND PET

Nikolskaya A.

PhD, adjunct professor, Moscow, Kosygin Russian State University, Psychology department

Аннотация

Рассматривается феномен межвидового взаимодействия человека и домашнего питомца. Предлагаются теоретические основания, позволяющие сделать такое взаимодействие самостоятельным объектом и предметом исследования. Вводится типологизация межвидового взаимодействия с точки зрения субъектного подхода. Рассматриваются необходимые и достаточные условия возникновения межвидового взаимодействия и поддержания устойчивости такого взаимодействия.

Abstract: The phenomenon of heterospecific interaction between human and pet is discussed. Available theoretical foundations that allow to research the phenomenon as an independent object and subject of study are considered. We introduce a typology of heterospecific interactions within the framework of the subjective method. Necessary and sufficient conditions for the occurrence of heterospecific interactions and maintaining the stability of such the interaction are discussed.

Ключевые слова: межвидовое взаимодействие, межвидовая группа, субъектный подход, экопсихологический подход, модель функциональной системы психики.

Keywords: heterospecific interaction, heterospecific group, subjective method, eco-psychological approach, model of functional mental system.

Сегодняшние проблемы человеческого общества определяют важность осознания человеком своего единства с природой. Но осознание человеком единства с природой может возникнуть только благодаря соответствующему экологическому воспитанию, основная задача которого - формирование соответствующего субъективного отношения к миру природы и, в том числе, к животным как природным объектам. В последние 10-15 лет в отечественной психологии оформилось относительно новое направление - экологическая психология (С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин, 1996; С.Д. Дерябо, 1999; В.И.Панов, 2004; В.А. Ясвин, 2000), которая призвана решать эту задачу.

В рамках экологической психологии (Дж. Голд, 1990; С.Д. Дерябо, 1999) и экопсихологического подхода к развитию психики поднимается вопрос о необходимости смещения изучения человека и природы с антропоцентрической оси на природоцентрическую (В.И. Панов, 2004, 2006).

Одной из нерешенных проблем экопсихологического подхода является вопрос о концептуальных рамках исследования психологических взаимоотношений человека с другими биологическими видами, в частности, с домашними животными. По оценкам специалистов, во всем мире наблюдается постоянный рост числа домашних животных (www.rg.ru, 2010, www.rkf.org, 2011). При этом население все чаще сталкивается с проблемой отклоняющегося поведения своих домашних питомцев и неспособностью владельцев справиться с

ними (К. Оверолл, 2005; Т.Г. Гусева, 2003 и др.). Почему стремление завести домашнее животное становится все более распространенным во всем мире? Почему люди продолжают держать и заводить животных, даже сталкиваясь с агрессивными проявлениями со стороны питомцев в свой адрес? Можно ли, рассматривая данное явление, говорить о тяготении человека к природе, или проблема лежит в плоскости личностной или средовой дефицитарности?

Как показано в ряде исследований, в последние десятилетия в обществе наметилась тенденция приобретать животное для совместного проживания, которое начинает выполнять функции социального партнера (Г. Аскью, 2004, К. Оверолл, 2007, Д. Хорвитц, Д. Миллз, 2008; А.Я. Варга, Е.Ю. Федорович, 2010), восприниматься человеком как член семьи (А. Kruger, J. Serpell, 2006) и наделяется статусом значимого другого (С.Д. Дерябо, 1995). Вероятно, такие данные не случайно получены именно на городском населении, поскольку эффект отчуждения индивида в городе известен и описан многими авторами (напр., Э.В. Сайко, 2006). Настоящая работа посвящена исследованию проблемы взаимодействия человека с такими животными-компаньонами, как кошки и собаки, которые уже более столетия живут в доме человека, полностью разделяя его быт и являясь важным компонентом его жизненной среды.

При этом, как показал проведенный обширный междисциплинарный анализ, психологическое *взаимодействие* владельцев животных со своими питомцами практически не изучено. В научной литературе предметом исследований выступают либо психологические особенности человека, либо психологические особенности воздействующего на животного человека, например, при дрессировке, либо психологические особенности человека, принимающего воздействие от животного, например, при анималотерапии (А. Kruger, J. Serpell, 2006). Иногда предметом исследования выступают психические особенности животных (Н. Harlow, 1966; J. Scott, J. Fuller, 1965; Sullivan, K., 1985; и др.).

Между тем в совместной жизнедеятельности человека с домашним животным складывается определенное взаимодействие, которое не сводится ни к психологическим свойствам человека, ни к психическим особенностям животного, т.к. при данном типе взаимодействия оба члена взаимодействующей группы вынуждены вступать в контакт, понимать друг друга и взаимовлиять друг на друга. В противном случае взаимодействие нарушается. При этом, если причиной проблемы является животное, то это область клинической поведенческой медицины мелких животных (Horvitz, D. Mills, 1997; K. Overall, 2005, etc). Если обнаруживается, что истоки проблемы следует искать со стороны хозяина, то это область психотерапии. Наконец, можно встретить и случаи, когда животное явно демонстрирует отклоняющееся поведение, но это поведение обусловлено тем, что владелец неправильно выстраивает взаимодействие с животным, оценивая его поведение как поведение человека. Это ставит проблему поиска методов психологической помощи и диагностики особенностей взаимодействия человека и домашнего животного.

Рассмотрим теоретические подходы, имеющие место в зоопсихологии, социальной психологии и экопсихологии применительно к межвидовому психологическому взаимодействию человека и животного.

Все исследования и направления зоопсихологии объединяет то, что объектом исследования являются животные разных видов, однако, ни в одной работе не поднимался вопрос о взаимодействии исследователя с животным. Впервые о том, как влияет поведение животного на поведение человека, говорит С. Севедж-Рембо (2001). Но поскольку ее задача - изучение лингвистических способностей животных к языку, аспект психологической реальности, возникающей во взаимодействии между человеком и животными, не являлся предметом исследования.

Рассматриваются основные теоретико-методологические принципы социально-психологического анализа с целью определения наиболее адекватного инструмента применительно к данному исследованию. С точки зрения теории конструирования социальной реальности (П.Бергер, К.Лукман, 1995; К.Герген, 1995) в сознании человека объективно существующий биологический

вид партнера по взаимодействию всегда представлен в виде субъективного знания, обусловленного социальными представлениями и индивидуальным опытом, существующим в виде социальных стереотипов и конкретных практик общения с животными.

Поскольку в настоящем исследовании мы рассматриваем малые диадические группы (владелец – домашний питомец), то особое внимание уделено обзору подходов социальной психологии к изучению малых групп (А. Л.Журавлев, 2008, Б. Парыгин, 2003) и ролевых статусов (Ю.П.Платонов, 2007). Мы исходим из посылки, что человек «окультуривает» и очеловечивает свое животное, наделяет его своей системой понятий и стремится взаимодействовать с ним как с другой личностью, в то же время животное, включенное в социальную общность, вынужденное приспособляться к человеческой среде, так или иначе, играет роль, навязываемую ему владельцем.

Но взаимодействие человек – человек не тождественно взаимодействию «человек – животное». Чтобы понять, что такое межвидовое взаимодействие, необходимо брать за основание психологические особенности взаимодействия в системе «человек – окружающая среда», являющиеся объектом экопсихологии (В.И.Панов, 2011). Психика в системе «человек – среда» рассматривается как системное качество, порождающееся во взаимодействии между компонентами этой системы.

Традиционно выделяется три типа взаимодействий: объект-объектный, субъект-объектный и субъект-субъектный. С.Д. Дерябо и В.А.Ясвин (1995), показали, что взаимодействия в системе «человек-окружающая среда», в частности, любовь к природе предполагает «субъективно окрашенное отражение личностью взаимосвязей своих потребностей с объектами и явлениями мира». Следовательно, чтобы построить концепцию межвидового взаимодействия, необходимо вводить в теоретический анализ понятия «субъект» и «взаимодействие».

Наиболее проработанное в классической философии представление о субъекте принадлежит Г. Гегелю (1977). В зависимости от формы отражения Гегель рассматривает стадии развития субъекта и показывает, что самостоятельный субъект появляется в эволюции с возникновением животных, характеризующихся активностью, выраженной в достижении или избегании объекта (Г. Гегель, 1977). Субъект характеризуется собственной активностью по отношению к самому себе, к среде, к другим субъектам и способностью переживать внешние и внутренние воздействия и изменения своего состояния. Эти позиции находят свое выражение и в работах современных авторов в положениях о том, что *психическое возникает в результате взаимодействия живого и окружающей среды*, следовательно, психика существует не сама по себе, а в результате взаимодействия живого существа с внешним миром (В.И.Панов, 2004 и др.).

Важно отметить, что долгое время категория субъекта трактовалась и понималась относительно

единообразно, однако в 20в. в понимание субъекта и субъектности были включены характеристики, обеспечивающие коммуникацию (например, М.Хайдеггер, 1997). Субъект уже не рассматривается как автономный источник познания, поскольку он включен в коммуникацию и определен ей (В.М. Розин, 2001).

В.И.Панов (2002, 2004, 2006, 2011) вводит онтологическое понимание активности системы «человек – окружающая среда» и показывает необходимость рассматривать эту систему как онтологического субъекта порождения психической реальности, возникающей во взаимодействии ее компонентов.

Категория группового субъекта или полисубъекта разрабатывается и в социальной психологии, в частности А.Л.Журавлевым (2002). В качестве полисубъекта им рассматривается группа, если она удовлетворяет трем критериям: 1. взаимосвязанность и взаимозависимость членов группы (предьсубъектность); 2. совместная активность членов группы (собственно субъектность); 3. переживание принадлежности к группе и формирование коллективного представления о ней (высший уровень субъектности группы).

В.А.Барабанчиков (2005) обращает внимание на усиление субъектного подхода к анализу психики. Без анализа мира невозможно охарактеризовать субъекта и формы его активности. Такое онтологическое понимание субъекта может быть применимо к любому живому существу. Схожую точку зрения высказывает Н.И.Чуприкова (2001), считающая, что субъект предстает как сложная открытая система, находящаяся во взаимодействии с внешним миром. Эта система предполагает наличие определенной структуры, состоящей из когнитивной, потребностно-мотивационной, аффективной, коммуникативной и интегративной подструктур, которые участвуют во всех процессах взаимодействия человека с природной и социальной средой. Чем более развита и дифференцирована эта структура, тем выше, по мнению Н.И. Чуприковой, развитие человека как субъекта. Тот же критерий развития психики субъекта может быть применен, на наш взгляд, к развитию психики животного.

Другой аспект, важный для понимания особенностей взаимодействия человека с домашними животными, заключается в понимании и психологической интерпретации понятия взаимодействие. Еще Спиноза говорит о психике как о результате взаимодействия организма с природой (Спиноза, 2002). Представители зарубежной гуманистической психологии (Э.Фромм, 2008; А.Маслоу, 1997; К.Роджерс, 2002) говорят о взаимодействии человека с миром, благодаря которому формируется основа действий человека, необходимая для актуализации его возможностей, что близко позиции С.Л.Рубинштейна (1973). Представители бихевиоризма от Б.Скиннера (1960) до А.Бандуры (1984) также говорят о принципиальном влиянии взаимодействия со средой на поведение.

Чаще всего под взаимодействием понимается межличностное взаимодействие и общение, но в

последнее время в психологии наблюдается расширение понятия «взаимодействие». Наиболее очевидные примеры тому – исследования в области экологической психологии (В.И.Панов, 2006, 2010, 2011, С.Д.Дерябо, В.А.Ясвин, 1994, 1996 и др.), где взаимодействие понимается как способ организации деятельности, а также исследования в области эволюционной психологии (Ю.И. Александров, 2009, Е.А.Сергиенко, 2009,), где взаимодействие со средой рассматривается как условие формирования новых структур и функций организма.

Вместе с тем, проведенный анализ концепций различных направлений психологии показывает, что существующие теоретические подходы, предметом анализа которых было изучение различных аспектов и функций взаимодействия, не включают в рамки своего исследования феномен межвидового взаимодействия между человеком и животными.

Таким образом, существующий психологический феномен взаимодействия человека со своими домашними питомцами не исследовался, в психологической науке не существует разработанной теории межвидового взаимодействия и ее понятийного аппарата. Следовательно, возникает необходимость анализа и разработки таких методологических предпосылок, которые позволили бы эксплицировать межвидовое взаимодействие в межвидовой группе «человек – домашнее животное» в качестве объекта и предмета психологического исследования.

В настоящее время средовая парадигма становится ведущей в контексте постнеклассической научной рациональности (В.С. Степин (2008)). В постнеклассической науке формируется новый образ психологического познания и соответствующая ему методология, основанные на «методологическом либерализме» (А.В. Юревич, 2005) и социальном конструкционизме К. Гергена, согласно которому знания и психологические процессы обусловлены контекстом ситуации, а понимание является результатом совместной деятельности участников общения и т.д. (Герген, 1995). При этом подчеркивается, что методы постнеклассической психологии все больше трансформируются от количественных к качественным.

Проведенный анализ различных теоретико-методологических подходов, позволил сформировать методологическую основу исследования межвидового взаимодействия с опорой на системный подход (Б.Ф. Ломов, Я.А. Пономарев), основы эконпсихологии развития (В.И. Панов), понятие субъекта как системы со своей психической структурой (модель функциональной системы психики Н.И. Чуприковой); эволюционно-генетическое понятие субъекта (Г.В. Гегель), социально-психологические основания анализа малых групп. Поскольку мы рассматриваем человека и животных в их психологическом взаимодействии, то на основе анализа и обобщения разных подходов, **межвидовое взаимодействие (МВ)** определяется как *способ организации жизнедеятельности участников межвидовой*

группы, который заключается в их взаимных воздействиях друг на друга для достижения собственных целей; под **субъектом** межвидового взаимодействия мы понимаем индивида, характеризующегося: (1) активностью по отношению к самому себе, к среде, к другим субъектам; (2) способностью переживать внешние и внутренние воздействия и изменения своего состояния; (3) способностью к коммуникации. А диада «человек – домашнее животное» рассматривается как саморазвивающаяся система в форме межвидовой группы, где под межвидовой группой (МГ) мы понимаем человека и животное, объединенных совместной жизнедеятельностью и территорией, имеющих межиндивидуальные контакты друг с другом, эмоциональные взаимоотношения и специфические правила поведения в отношении друг друга. Тогда онтология такой диады будет являться процессуально-коммуникативной (Г. Бейтсон, 2000, Э. Морен, 2005).

Все заявленные выше методологические основания опираются на исследование психологических особенностей человеческого субъекта - (носителя) психики. Целью нашего исследования является изучение порождения и становления психических феноменов в процессе взаимного влияния человека и его питомца друг на друга, поскольку онтологическая парадигма, в отличие от гносеологической, позволяет изучать, как, каким образом познающий и познаваемое неизбежно меняют обоих.

Этот методологический подход применительно к экопсихологии развивает в своих работах В.И. Панов (2004, 2006, 2010), рассматривающий условия порождения психической реальности во взаимодействии с окружающей средой. При этом особое внимание он уделяет анализу шести базовых типов экопсихологического взаимодействия человека с окружающей средой: 1. объект-объектный; 2. объект-субъектный; 3. субъект-объектный; 4. субъект-субъектный, который подразделяется на 4.1. субъект-обособленный, 4.2. полисубъектный, 4.3. субъект-порождающий. Существенно, что эти типы не зависят от предметного содержания среды, что делает их универсальными для разных видов взаимодействия.

Если экопсихологические типы взаимодействия универсальны, они могут быть применимы и к взаимодействию человека и животного. Однако понятно, что не каждый тип взаимодействия будет способствовать образованию межвидовой группы (МГ). Рассмотрим примеры:

1. Объект-объектное – человек и животное являются друг для друга объектами среды и не проявляют друг в отношении друга целенаправленного поведения. Психологического контакта при таком типе взаимодействия нет, МГ не образуется.

2. Объект-субъектное – примером такого типа взаимодействия может служить ситуация, когда собака (субъект восприятия) обнюхивает незнакомого ей человека (объект восприятия). МГ не образуется.

3. Субъект-объектное – человек активно воздействует на животное, принимающее это воздействие пассивно и беспристрастно, поэтому человек выступает для животного объектом, что является традиционным для классической зоопсихологии.

При данном типе взаимодействия у животного может возникать привязанность к человеку, поскольку человек выполняет для животного определенную функцию, напр., функцию удовлетворения потребности в пище. Т.е. являясь для человека объектом, животное воспринимает его как субъекта. Со стороны животного взаимодействие становится субъект-субъектным. Возникает односторонний психологический контакт от животного к человеку. При таком подтипе взаимодействия может возникнуть устойчивая межвидовая группа, пока каждый участник взаимодействия удовлетворяет потребности другого. При этом условии такая группа отличается взаимосвязанностью и взаимозависимостью ее участников (является групповым предсубъектом).

Возможен иной подтип субъект-объектного взаимодействия, когда человек проявляет активность в отношении животного, например, желая «подружиться» с соседской кошкой или собакой, а животное воспринимает этого человека как объект. Для человека это взаимодействие становится субъект-субъектным. Возникает односторонний психологический контакт от человека к животному. МГ не возникает, т.к. у животного нет в ней потребности.

4. Субъект-обособленное – животное и человек целенаправленно вызывают друг в друге определенные психологические состояния, преследуя свои цели, вследствие чего полноценная коммуникация между ними оказывается невозможной. Возникает двусторонний психологический контакт, который, однако, не приводит к образованию устойчивой группы и оказывается неконструктивным.

5. Полисубъектное, которое мы назовем субъект-субъектным взаимодействием 1-го типа – примеры такого взаимодействия можно найти, когда животное приобретает в силу средовой или личностной дефицитарности владельца и выполняет функции заместителя социального партнера. В этом случае человек в отношении животного удовлетворяет его потребности как минимум в пище, тепле, безопасности, принятии группой. Животное же удовлетворяет потребность человека в социальном партнере. Тогда мы наблюдаем двусторонний психологический контакт и образование устойчивой группы. Такая группа также является групповым предсубъектом, и иногда соответствует второму критерию группового субъекта, т.е. отличается совместной активностью.

6. Субъект-порождающее, которое мы назовем субъект-субъектным взаимодействием 2-го типа, когда изменение психического состояния и поведения одного из членов МГ происходит как изменение состояния группы в целом посредством ее превращения в субъекта совместного действия или развития. В зависимости от свойств, присущих участникам МГ, и условий проявления этих

свойств в ходе взаимодействия, складывается способ взаимодействия. При этом и у человека, и у животного постепенно образуется некоторый набор общих для них элементов коммуникативного взаимодействия, обеспечивающий психологический контакт и взаимодействие между ними как представителями разных биологических видов. Но не только способ взаимодействия определяется свойствами участников МГ, но и свойства самих участников начинают меняться в зависимости от способа взаимодействия (Я.А.Пономарев, 2010). Т.е. человек и животное влияют друг на друга и меняют друг друга в процессе взаимодействия. Следовательно, свойства участников взаимодействия есть продукт не только внутренней структуры, но и самого взаимодействия. Исходя из этого, нами выделены следующие детерминанты межвидового взаимодействия, которые определяют характер психологических феноменов, образующихся в МГ: субъект-объектное взаимодействие и субъект-субъектное взаимодействие 1-го и 2-го типов. От того, какой тип взаимодействия выбирает человек как участник МГ, зависит, как он строит взаимодействие, и, следовательно, какие психологические феномены будут возникать в этом взаимодействии.

Но какими свойствами должны обладать участники межвидовой группы (МГ) как субъекты, чтобы взаимодействие между ними могло быть полисубъектным или субъект-порождающим, т.е. таким, при котором, согласно нашей гипотезе, МГ окажется устойчивой.

Для ответа на этот вопрос были использованы следующие теоретические модели и положения:

1. модель функциональной системы психики Н.И. Чуприковой (2007, 2008, 2010), состоящая из когнитивной, потребностно-мотивационной, эмоциональной, коммуникативной и интеграционной подсистем.

2. понятие проблемы (К. Поппер, 2008), предъявляемой средой к функциональной системе психики, запускающее эту систему и ведущее к ее адекватному функционированию и развитию;

3. дифференциально-интеграционный закон развития (В.С.Соловьев, И. М.Сеченов, Г. Спенсер, Х. Вернер, Н. И.Чуприкова и др.).

Какими свойствами должен обладать организм, чтобы межвидовое психологическое взаимодействие стало теоретически возможным? Как минимум, организм должен обладать достаточно развитой способностью к восприятию представителя иного вида как целостного объекта; памятью, чтобы выделенный в среде объект иного вида, не представляющий биологического значения, мог быть идентифицирован как тот же самый объект при следующей встрече; испытывать по отношению к выделенному объекту некоторую эмоцию. Взаимодействующие виды должны понимать коммуникативные сигналы иного вида, что, как показывают данные исследований (S.Savage-Rumbaugh, S., et all, 2001, I.Pepperberg, 2002), доступно птицам и млекопитающим, и в силу этого усваивать правила поведения в отношении друг друга. Развитие потребности в принадлежности к группе, ведущее к

качественному скачку в развитии коммуникации, приводит к необходимости соотнесения не только своих возможностей, но и своего знания об окружающем мире со знанием сородичей. Способность к восприятию такого знания позволяет животным взаимодействовать с человеком.

В последние годы все чаще высказывается мнение, что предпосылки сознания (протосознание) следует искать на нижележащих ступенях эволюции (К.Поппер, 2006, В.Ф.Петренко, 2010, и др.). В рамках поставленной задачи выявления особенностей психологического взаимодействия человека и домашних животных представляется важным исследовать проблему протосознания, как совместного знания, необходимого для взаимодействия. Для доказательства того, что домашние животные понимают, обладает ли сородич теми же ситуативными знаниями, которые имеются у них самих, т.е. обладают зачатками модели психического, был проведен опыт на 44 собаках. Еще 10 собак составили контрольную группу.

В эксперименте использовались пары собак, содержащихся в питомниках разных пород. Условия, предъявляемые к парам, были следующими – одна из собак должна была занимать выраженную доминантную позицию по отношению к другой. Далее доминантная собака будет обозначена X, недоминантная – У. Собаки перед экспериментом получали половинную порцию корма. Это важно, поскольку потребность в еде должна была присутствовать, но не быть выраженной настолько, чтобы У рисковала брать еду X.

Эксперимент заключался в следующем: X на глазах у У давали лакомство в таком количестве, чтобы оно не было проглочено сразу же. Затем, владелец уводил X, заставив ее оставить лакомство на том месте, где она его ела. После чего владелец возвращался, перепрыгивал лакомство достаточно далеко от первоначального места, так, чтобы вернувшаяся X не могла обнаружить его сразу же. При этом лакомство перепрыгивалось на глазах у У. Затем У также уводили, а спустя приблизительно 10 минут собак одновременно выпускали. Условия эксперимента: огороженный выгул размером не менее 30 кв.м. В разных концах выгула ставились 3 пластиковых ведра с водой. Далее, лакомство могло быть перепрыгнуто в кустах или, если на выгуле не было подобной растительности, за одним из ведер.

Всего было обследовано 22 пары собак. В результате эксперимента были получены следующие результаты:

1. У уверенно шла к тому месту, где было спрятано лакомство, в то время как X искала лакомство на прежнем месте – 10 собак.

2. У шла к тому месту, где лакомство было оставлено изначально, привлекая внимание X и позволяя себя отогнать, а затем отправлялась туда, где лакомство находилось в данный момент – 3 собаки.

3. У просила лакомство у владельца, не пытаясь брать перепрытанную еду – 3 собаки.

4. У вообще не проявляла попыток завладеть лакомством – 6 собак.

Прокомментируем эти результаты. Результаты (1-2) - на наш взгляд, данные этого эксперимента показывают наличие у собаки У представления о том, что Х будет искать еду в том месте, где она была спрятана.

В случае (3) возраст собак У был 11, 13 и 17 месяцев, во всех остальных парах собаки были значительно старше от 2,5 до 10 лет. Вероятно, в этом случае можно говорить об онтогенетическом созревании модели психического. Во всяком случае у детей такое созревание происходит после 4 лет (Сергиенко, 2006). Это предположение идет в разрез с привычной возрастной периодизацией онтогенеза собак, согласно которой к 11, и тем более к 17 месяцам, собаки достигают полового созревания. Тем не менее, поскольку все эксперименты проводились на домашних любимцах, можно выдвинуть гипотезу, что в силу выраженной инфантилизации таких собак их психическое развитие происходит медленнее, чем принято думать.

Несомненно, заставляет задуматься случай (4), поскольку полученные результаты прямо противоположны результатам из серии опытов 1-2. Кроме того, поскольку в категорию (4) попало 6 собак (27% выборки), ее нельзя рассматривать как случайное отклонение. Полученные в экспериментах данные заставили автора обратиться к анализу индивидуальных особенностей этих 6 собак и их взаимоотношений с владельцами и с доминантными сородичами. Проведенный анализ позволил выявить одну общую черту у этих 6 собак – все они

проявляли выраженную сензитивность по отношению к действиям владельцев. При этом живущие в тех же питомниках доминантные собаки вовсе не проявляли подобной сензитивности, из чего можно сделать вывод, что причина подобного поведения собак У кроется в их индивидуальных особенностях. Тогда можно выдвинуть гипотезу, что лакомство, отобранное у доминантной собаки и перепрятанное владельцем, воспринимается недоминантными собаками как собственность владельца. Эта мысль снова возвращает нас к важности учета межвидового взаимодействия.

В эксперименте также приняли участие 10 контрольных пар собак. В контрольной группе собак соблюдались те же условия за тем исключением, что лакомство перепрятывалось как на глазах у недоминантной, так и на глазах доминантной собаки. Недоминантные собаки не пытались завладеть лакомством. Из чего можно сделать вывод, что животные знали, что доминант также знает о том, где спрятано лакомство.

На наш взгляд, эти данные показывают, что у особей У существовало представление о том, что Х будет искать корм в том месте, где она его оставила. Однако, здесь, как и в других подобных ситуациях, кардинальным оказывается вопрос об интерпретации результатов эксперимента.

Итак, обобщая полученные данные, можно констатировать, что человек может вступать в субъект-субъектное взаимодействие с животными, как компонентами его жизненной среды, если они обладают следующими свойствами (таблица 1).

Таблица 1.

Свойства, которыми должно обладать животное, чтобы вступать в психологическое взаимодействие с человеком

Подсистема психики	Свойства
Когнитивная	выраженная способность к выделению разнообразных элементов среды и сохранение некоторых из них в долговременной памяти, способность идентифицировать себя с сообществом, сохраняя при этом способность к соотносению своих возможностей с возможностями других и к координации своих действий с действиями других
Эмоциональная	наличие дифференцированных и долговременных эмоций
Потребностная	наличие потребности в групповом взаимодействии, в заботе (о потомстве, о сородичах), во внимании к себе, в статусе (в наличии определенного места в межвидовой группе)
Коммуникативная	способность к визуальной и звуковой коммуникации, способность к усвоению коммуникативных сигналов представителей другого вида.
Интегративный центр	реализация поведения не только в соответствии с логикой видотипичного реагирования на стимул, но также и с учетом ожиданий группы и с учетом индивидуальности животного

В свою очередь, человек также должен достигать определенного уровня культурно-исторического развития, чтобы воспринимать представителей иного вида как субъектов.

Необходимое условие возникновения МВ между человеком и животным – это развитая психика и наличие потребности с обеих сторон в таком взаимодействии. Возникновение такой потребности у домашних животных обусловлено тем, что человек создал им среду, отличную от естественной

среды их диких сородичей, что заставляет домашнее животное искать контакта с человеком в силу необходимости выживания.

У человека эта потребность является более дифференцированной и может лежать как в плоскости удовлетворения потребности в единении с природой, так и в плоскости личностной или средовой дефицитарности. С целью доказательства гипотезы об удовлетворении дефицитарной потребности при приобретении питомца в Москве и С.-Петербурге был проведен опрос владельцев собак и кошек.

Всего было опрошено 600 владельцев, по 300 в каждом городе (380 владельцев собак, 200 владельцев кошек, 20 человек держали дома и кошку, и собаку), которые отвечали на вопрос «с какой целью приобреталось животное?» Позднее тот же вопрос задавался владельцам животных, обратившихся за

консультацией по поводу проблем поведения своих питомцев, это позволило классифицировать ответы с точки зрения тяготения к природе, средовой или личностной дефицитарности, и получить следующее распределение (таблица 2).

Таблица 2.

Распределение ответов владельцев о причине приобретения домашнего животного

Тяготение к природе	Средовая дефицитарность	Личностная дефицитарность
Для души, любить, член семьи, в доме должно быть животное, привить любовь к животным детям, жалко	Любить, для безопасности, охоты, разведения, стимул что-то делать, о ком-то заботиться	Для лечения, для веселья, игрушка, чтобы кто-то любил, чтобы было кому доверять

В то же время многочисленные интервью с владельцами животных показали, что способность обоих участников взаимодействия к формированию и принятию норм межвидового взаимодействия (фактически, правил поведения в отношении друг друга) является достаточным условием для возникновения и поддержания психологического межвидового взаимодействия.

Список литературы:

1. Александров, Ю.И. Дифференциация и развитие. Теория развития. Доклады участников круглого стола; под ред. Н.И. Чуприковой. – М.: изд-во Языки славянских культур. 2009. – С. 17-28
2. Аскью, Г. Проблемы поведения собак и кошек / Г. Аскью – М.: Аквариум, 2002. – 622 с.
3. Бандура, А. Принципы социального научения [Текст] / А. Бандура, Р. Уолтерс // Современная зарубежная социальная психология. Тексты/ Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. – М.: МГУ, 1984. – 254с. – С. 55-60.
4. Барабанщиков, В.А. Методы психологического познания: системный взгляд / В.А. Барабанщиков // Труды ярославского методологического семинара. – Ярославль: Т.З. Метод психологии 2005. –14-23с.
5. Бейтсон, Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон; пер. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. — М.: Смысл, 2000. – 476 с.
6. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
7. Варга, А.Я. Домашний питомец в семейной системе / А.Я. Варга. Е.Ю. Федорович // Вопросы психологии. 2010. №1. С. 56-65.
8. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель //Том 3. Философия духа. – М.: Мысль, 1977. – 471с. С.411-448
9. Герген, К. Движение социального конструкционизма в современной психологии / К. Герген // Социальная психология: саморефлексия маргинальности: хрестоматия. М.: Инион, 1995.
10. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. - Гибсон – М.: Прогресс, 1988– 463 с.
11. Голд, Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Дж. Голд // пер. с

англ. /Авт. предисл. С. В. Федулов. – М.: Прогресс, 1990.-304 с.

12. Дерябо, С.Д. Методики диагностики и коррекции отношения к природе./ С.Д. Дерябо, С.В. Ясвин — М.: ЦКФЛ РАО, 1995.– 147 с.

13. Дерябо, С.Д. Экологическая психология: диагностика экологического сознания / С.Д. Дерябо – М.: МПСИ, 1999. – С. 263-284.

14. Дерягина, М.А. Этология приматов / М.А. Дерягина, М.Л. Бутовская. – М.: МГУ, 1992.– 190 с.

15. Журавлев, А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В.Брушлинского. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – С. 51-81.

16. Журавлев, А.Л. Социальная психология / А.Л. Журавлев, В.А. Соснин, М.А. Красников, – М.: Форум: ИНФРА, 2008. – 416 с.

17. Маслоу, А. «Психология бытия» / Маслоу А. – М., Рефл-бук; К.: Ваклер., 1997. – 304 с.

18. Морен, Э. Метод / Э.Морен – М.: Прогресс-Традиция. 2005. –464с.

19. Оверолл, К. Клинические методы коррекции поведения собак и кошек / К. Оверолл – М.: Софион, 2005. – 664 с.

20. Панов, В.И. Экологическая психология / В.И. Панов – М.:Наука, 2004. – 196с.

21. Панов, В.И. Введение в экологическую психологию / В.И. Панов – М.: Школьные технологии, 2006. – 184 с.

22. Панов, В.И. Взаимодействия в малой группе: эконпсихологический подход / В.И.Панов, А.В. Никольская // Малая группа как объект и субъект психологического влияния: материалы Всерос. Науч.конф. (с международным участием). Курск, 21-22 октября 2011 г. Ч.1 / под общ.ред. А.С.Чернышева; Курск.гос.ун-т. – Курск, 2011. – С. 83-99.

23. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс – М. Академ. Проект, 2000.– 879 с.

24. Парыгин, Б.Д. Социальная психология/ Б.Д. Парыгин – СПб.: СПбГУП, 2003 – 616.с.

25. Петренко, В.Ф. В поиске новой психологической парадигмы заглянем в физику // Вестник интегративной психологии. Часть 1, Вып. 8/ В.Ф. Петренко– 2010. С. 22-28.

26. Платонов, Ю.П. Социальная психология / Ю.П. Платонов – С.-Пб.: Питер, 2007.–332с

27. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер – М.: Прогресс, 1983.

28. Поппер, К.Р. Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия. / К.Р. Поппер – М.: изд-во ЛКИ, 2008.
29. Роджерс, К. Искусство консультирования и терапии / К. Роджерс М.: Эксмо, 2002. – 965 с.
30. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологи / Рубинштейн С.Л. – М.: Педагогика, 1973. – 424с.
31. Сергиенко, Е.А. Принципы дифференциации-интеграции и континуальности-дискретности психического развития / Е.А. Сергиенко // Теория развития. Доклады участников круглого стола / под ред. Н.И. Чуприковой.– М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 131-149.
32. Скиннер, Б. Оперантное поведение. История зарубежной психологии. Тексты. / Б. Скиннер – М., 1986. С. 60-95.
33. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза – М.: Азбука-классика, 2001. – 598с.
34. Степин, В.С. Философия науки: Общие проблемы. / В.С. Степин – М., 2008. – 384с.
35. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э.Фромм – М., Академический проект, 2008. –272 с.
36. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер – М.: Республика, 1997. –452с.
37. Хорвитц, К. Руководство по поведенческой медицине собак и кошек / К.Хорвитц, Д. Миллз – М.: Софион, 2004.– 365 с.
38. Чуприкова, Н.И. Интроспекция и явление сознания в системе естественнонаучной психологии / Н.И. Чуприкова –Вопросы психологии. 2010. № 1. – С.3-20
39. Чуприкова, Н.И. Как вывести психология внимания из теоретического тупика/ Н.И. Чуприкова – Вопросы психологии. 2008. № 5. – С. 13-30
40. Чуприкова, Н.И. Методы и методология психологической науки/Н.И. Чуприкова – Методология и история психологии, 2007. Т.2. Вып. 1. – С.51-60
41. Чуприкова, Н.И. развитие человека как субъекта деятельности и познания с точки зрения системно-структурного подхода. Субъект действия, взаимодействия познания / Н.И. Чуприкова. – М.: изд-во Моск.психолого-социального ин-та, 2001. – С. 70-77.
42. Чуприкова, Н.И. Система понятий общей психологии и функциональная система психической регуляции поведения и деятельности/ Н.И. Чуприкова // Вопросы психологии. – 2007. № 3.–С.3-16
43. Юревич А.В. Методы интеграции психологического знания //Труды ярославского методологического семинара. Т.3. Метод психологии, 2005, Ярославль. С. 377-397
44. Ясвин, В.А. Психология отношения к природе / В.А. Ясвин – М.: Смысл, 2000. – 456 с.
45. Harlow, H. Learning to love Am. Scient 54, p.3, 1966
46. Kruger, A., Serpell J. Animal-assisted interventions in mental health: Definition and theoretic foundations \\\Fine A. (ed.) Handbook on animal assisted therapy: Theoretical foundations and guidelines for practice. N.Y.: Elsevier, Avademic Press, 2006. P. 21-39
47. Pepperberg, I.M. Acquisition of the same – different concept by an African grey parrot: Learning with respect to categories of colour, shape and material // Animal Learning& Behaviour. Vol.15, 1987. P. 423-432
48. Savage-Rumbaugh, S., Shanker, S., Taylor, T.J., 2001. Apes, Language and the Human Mind. Oxford University Press, Oxford. P.256
49. Scott, Fuller, 1965 Genetics and social behavior of the Dog, American Zoologist, 7, 319-329
50. Sullivan, K. Selective alarm calling by downy wood eskers in mixed-species flocks //Animal Behaviour. Vol.33, 1985, N 1. P.328-330

SOCIAL SCIENCES

ФРАКТАЛЬНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННЫМ ЗДОРОВЬЕМ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Василенко Л.А.

доктор социологических наук, профессор, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Василенко В.И.

доктор политических наук, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ

FRactal Approach to the Management of Public Health in the Context of Safety Culture

Vasilenko L.

Doctor of Science (Sociology), Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)

Vasilenko V.

Doctor of Science (Politology), Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)

Аннотация

Рост рискогенности современного мира обуславливает поиск новых подходов к управлению динамически изменяющимися системами и, в частности, к управлению общественным здоровьем (public health), под которым понимается научная дисциплина на основе кроссдисциплинарного синтеза наук и общественная практика, направленные на сохранение здоровья людей с помощью специально сконструированных действий. Анализ развития системы здравоохранения в России показывает значительное улучшение показателей, хотя социологические опросы выявили неудовлетворенность трети населения ее качеством. Авторы предлагают фрактальный подход к более безопасному решению проблемы управления общественным здоровьем в условиях потенциального роста конфликтности социума. Механизмы фрактального управления представляют собой своеобразную культуру безопасного развития социума, включающую в себя самоподобные образцы поведения социальных общностей и алгоритмы их рекурсивного распространения, определяя границы устойчивости в условиях открытых сетевых коммуникаций. Подход обуславливает включение в систему управления таких аспектов как здоровый образ жизни, социокультурные и духовные составляющие общественного здоровья.

Abstract

Growth of risks in the modern world is the reason for the search for new approaches to the management of dynamically changing systems and, in particular, public health management which is understood as a scientific discipline on the basis of cross-disciplinary synthesis of science and social practice aimed at protecting people's health through specially designed action. Analysis of health system development in Russia shows significant improvement. But polls showed dissatisfaction with the third part of the population, quality health care system that creates a potential conflict potential of society. The authors propose a fractal approach for safer solutions to public health management. Fractal mechanisms of management represent a kind of culture of safe development of society. These include self-similar patterns of behavior of social communities and recursive algorithms for their dissemination, as well as define the boundaries of sustainability in the context of open network communications. The control system should include efforts to ensure a healthy lifestyle, socio-cultural and spiritual components of public health.

Ключевые слова: социология медицины, общественное здоровье, сложность, фрактальное управление, фрактал, ценности, рекурсивность, самоподобие, гражданское общество, культура безопасности

Keywords: sociology of medicine, public health, complexity, fractal, fractal management, values, recursive, self-similarity, civil society, safety culture

Здоровье – важнейшая ценность современного общества, качественная характеристика населения. Гиппократ рассматривал здоровье как величайшее благо и наделял человека некоторой обязанностью «помочь себе самому». Социологический дискурс понятия «здоровье» точно выразил в свое Т. Парсонс как «состояние оптимальной способности индивида для эффективного выполнения ролей и задач, для которых он был социализирован» [1]. Общественное здо-

ровье, по известному определению Д. Ачесона в отчете Комитета по расследованию будущего развития функций общественного здоровья (Великобритания) – есть «наука и искусство предотвращения болезней, продления жизни и поддержания здоровья посредством организованных усилий общества» [2]. Наиболее полный подход, по нашему мнению, выбран российскими учеными Натальей Григорьевой и Татьяной Чубаровой – здоровье необходимо для «нормального развития общества», а отсутствие здоровья наносит

вред функционированию общества. Опираясь на данное определение, они выделяют группы факторов, определяющих здоровье: социально-экономические и культурные факторы (доход, уровень образования, занятость, социальная поддержка); поведенческие факторы, образ жизни и состояние окружающей среды (например, вредные привычки, питание, физическая активность, доступ к воде, загрязнение воздуха); индивидуальные физиологические (генетика) и психологические (способность контролировать свою жизнь и поведение) факторы; доступ к медицинскому обслуживанию (профилактике, лечению) [3, С. 21].

Анализ проблем управления общественным здоровьем в условиях модернизации современной системы здравоохранения показывает значительное улучшение традиционных показателей (рождаемость, смертность, естественный прирост, младенческая смертность, материнская смертность). Уже сегодня практически достигнут показатель «Увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении (лет) до 74,3 к 2020 году», хотя его значение пока значительно ниже показателей развитых стран (рис. 1, 2).

Наметилась тенденция снижения коэффициента смертности и младенческой смертности (рис 3, 4). В 2015 г. обеспечение доступности и качества медицинской помощи развернуто по нескольким направлениям: а) введена персональная ответственность врача (или фельдшера) медорганизации первичного уровня за жизнь застрахованного в ОМС пациента; б) введена система еженедельного мониторинга основных показателей работы участковых терапевтов и врачей общей практики по 60 тыс. терапевтических участков; в) расширена и перепланирована территориальная медицинская инфраструктура. Отделений общей практики увеличилось на 184, на 367 – сельских амбулаторий, на 214 – сельских здравпунктов; на 25 % увеличилась численность медицинских организаций, оказывающих высокотехнологичную медицинскую помощь, что позволило провести на 29 тыс. больше стентирований сосудов за год. В то же время несмотря на общий рост удовлетворенности, третья часть населения по данным социологических исследований [4] недовольна медицинским обслуживанием (рис. 5).

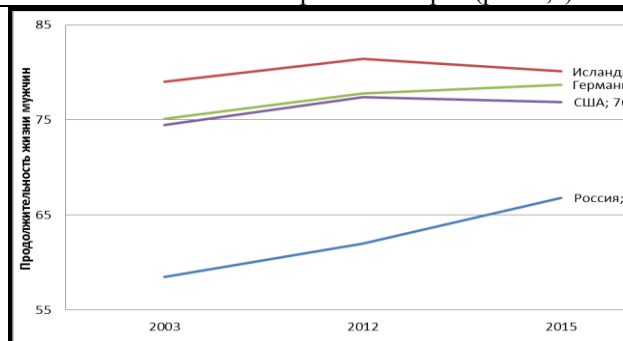

Рис. 1. Сравнительная динамика средней продолжительности жизни мужчин.

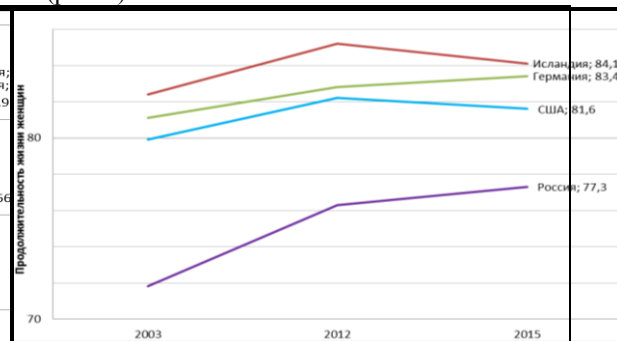

Рис. 2. Сравнительная динамика средней продолжительности жизни женщин

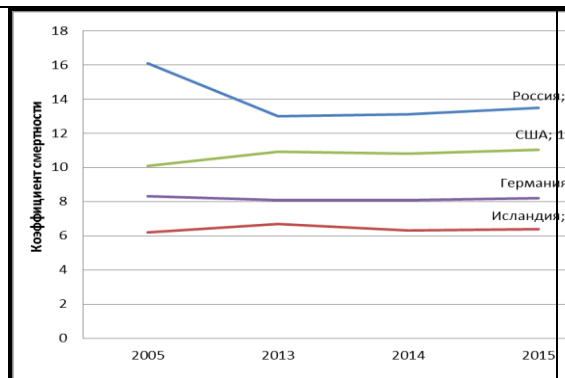

Рис. 3. Сравнительная динамика изменения коэффициента смертности. Источник [5].

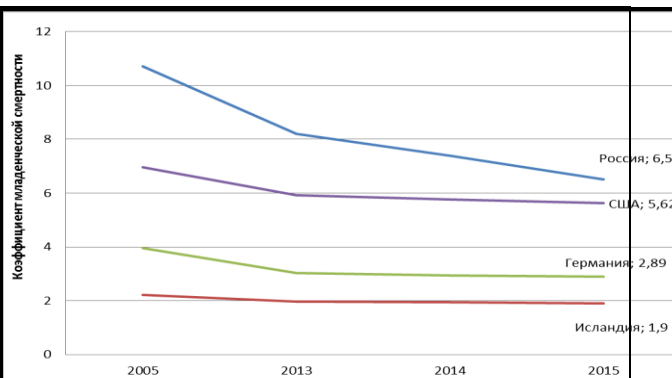

Рис. 4. Сравнительная динамика снижения коэффициента младенческой смертности. Источник [5].

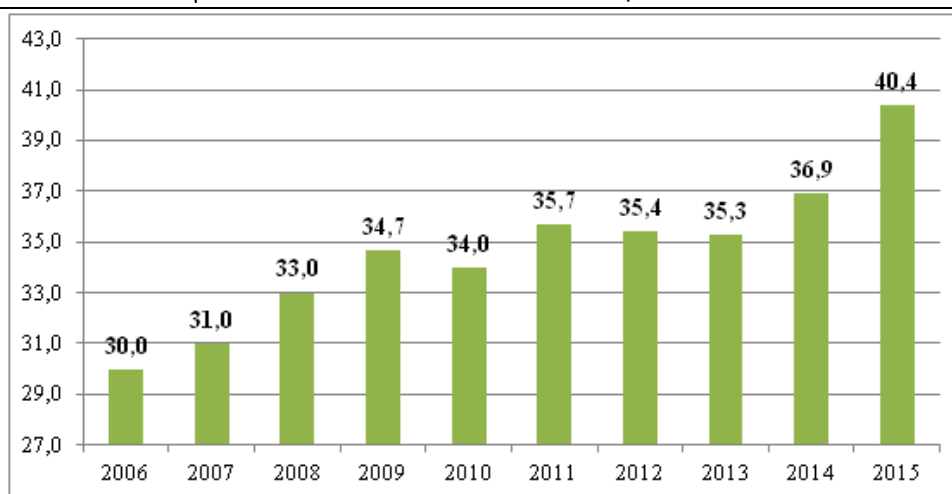

Рис. 5. Динамика удовлетворенности граждан медицинской помощью (в %).

Анализ приведенных результатов дает основание, что традиционные методологические основания, предлагаемые для обеспечения общественного здоровья явно недостаточны. Мы предлагаем использовать методологию фрактального управления, в частности, работы Б. Мандельброта, родоначальника фрактальной геометрии и фрактального подхода, рассматривающего фрактал как структуру, состоящую из частей, каждая из которых подобна целому [6]. Ханс-Юрген Варнеке в книге «Революция в предпринимательской культуре» представил миру фрактальные фабрики Китая [7]; российская исследовательница Александра Кочеткова в 2006 году опубликовала работу о фрактальных моделях организационного поведения и их потенциале адаптивности в условиях кризисного развития [8]. Значимой в этом ряду выступают материалы исследований Бориса Богатых, в том числе «Фрактальность и теория функциональных систем», в которой он рассматривает фрактальное самоподобие как особый рекурсивный механизм обратных связей, обусловленный итерационными процессами. Б. Богатых утверждает, что «в любой самоорганизующейся, саморазвивающейся системе можно увидеть организацию как идею, и главные отношения, конституирующие и структурирующие систему и собственно структуру, и как текущие второстепенные связи, поддерживающие и сохраняющие организацию и меняющиеся в целях и в рамках этого сохранения, с появлением принципиально нового, эмерджентного» [9, С. 491-499]. В работе «Социальные инновации в контексте управления будущим» [10] рассматриваются методологические аспекты управления будущим через новое понимание места «социального» в инновационных процессах, модели продвижения новых образцов поведения человека, определяющих новую культуру социальных отношений. Изменение культуры поведения, его образца, распространяющегося одновременно по всем управленческим уровням социальной системы, рассмотрено в работе «Применение концепции фрактальности к исследованиям деструктивных процессов методами клинической социологии» [11], а затем в диссертационном исследовании М. Пискаковой-Паркер [12].

В рамках фрактального подхода наша задача – сформировать такие правила и принципы, которые лягут в основание формирующегося нового фрактала как основания общественного здоровья нового типа, поскольку свойство структурного самоподобия фрактала детерминирует алгоритм его распространения, многократно повторяя форму, сходную с образцом, в различном масштабе. По нашему мнению, в целях безопасного развития социума необходимо рассматривать ценность здоровья как обязательный элемент фрактального образца поведения, подлежащих рекурсивному распространению. «Современная философия медицины должна руководствоваться критерием духовной ценности человеческой жизни, считает академик Ю.Л. Шевченко, т.е. она должна быть ориентирована на Истину, Добро, Красоту» [13]. Безопасное, здоровое развитие общества, по мнению авторов, связано с отслеживанием ценности здоровья в сознании всех участников данного процесса и последующего устойчивого их поведения на основе этих ценностей, а задача управленческой системы – достичь согласованного поведения социальных общностей в отношении своего здоровья. В данном контексте интересны представления детей младших возрастных групп о здоровом образе жизни социографическим методом. Исследовались рисунки учеников четвертых классов в ответ на открытый вопрос: «Как ты понимаешь, что такое здоровый образ жизни? Что для тебя значит здоровый образ жизни?». На рисунках дети изобразили, что полезно (скакалка, гиря, гантели, лестница, минеральная вода, дыхательный прибор, витамины, овощи и фрукты) и что нельзя делать (сигарета, бутылка с водкой, гамбургер, компьютер и телевизор). Интересно, что в понимании детей средней школы здоровый человек много знает, он умнее, имеет «хорошо развитый мозг», а нездоровый человек – «жадный», «завистливый», «равнодушный», «злой», «грубоватый», «ленивый» и «безалаберный» [14, С. 651]. Опрос студентов очных отделений ВУЗов г. Москвы по квотной многоступенчатой выборке (N=400, доля юношей 56%, доля девушек 44%) показал, что «знания о доминирующем влиянии стиля жизни на здоровье у большинства студентов не перерастают в убеждения, а высокая ценность здоровья – в стойкую мотивацию его сохранения и ведения здорового образа жизни», что

подтверждается рассогласованием между осознаваемой ценностью здоровья и их поведенческими практиками [15, С. 177].

Именно ценности должны лежать в основе выбора целей, приоритетов и направлений стратегии управления общественным здоровьем. Они определяют состав и структуру социальных фракталов общественного здоровья и выбор показателей его эффективности. Здоровье отдельного индивида может измеряться социологически на разных уровнях – от персонального самочувствия, наличия или отсутствия заболеваний, психического состояния, трудоспособности, физического состояния и развития с учетом возраста и пола, до духовного и социального самочувствия, включая отношение к здоровью как к ценности, здоровье социальных отношений с учетом встроенности индивида в те или иные социальные группы, включая семью, друзей, трудовой коллектив, другие социальные общности, с которыми он контактирует. Социологическое измерение эффективности общественного здоровья должно включать как медицинские показатели, связанные с динамикой состояния здоровья нездоровых индивидов, показатели способности общества по сохранению здоровья здорового человека, так и социокультурные, учитывающие социальные отношения и ценности в сфере здоровья.

Фрактальный подход определяет необходимость трансформации образцов деятельности субъектов управления в системе обеспечения общественного здоровья, в системе здравоохранения, а также механизмов общественного участия в данном процессе. Степень «здоровья» сложной социальной системы определяется степенью согласованности рекурсивного распространения фракталов «здорового» поведения социальных акторов, выполняющих разные роли. Эти аспекты должны стать главными, подлежать социологическому измерению в мониторинге общественного здоровья.

В качестве практических примеров образцов фрактального управления приведем примеры фрактальных образцов общественного участия в процессах оздоровления социума. Их направленность – формирование новых институтов гражданского общества по социализации и воспроизводству здоровых личностей (субъектов управления и граждан), использующих инструменты самоформирования необходимых качеств, основанных на ценностях «public health». Мы придаем огромное значение теории общественного участия, которая рассматривается как значимая часть фрактальных образцов поведения в системе общественного здоровья. Что нужно для создания фрактального образца? А) сам образ, т.е. понимание смысла его сущности; б) этот фрактал должен сам распространяться, т.е. иметь встроенный алгоритм воспроизводства в структурах социума; В) должен быть «запущен» саморазвивающийся механизм заполнения пространства этим образцом.

Рассмотрим пример. В кейс-стади «Модель обеспечения лекарствами в условиях рыночной экономики» [16] собраны некоторые образцы гражданской ответственности пациента в социальной сети «Мнения о

здравоохранении: доверие, качество, жизнь» (www.facebook.com/groups/179139158799444/). Данные образцы как примеры общественного участия можно применить в конструкте фрактала общественного контроля над деятельностью врачей и представителей фармакологических служб. Если данный фрактал дополнить действием общественных контролеров от потребительских организаций по осуществлению контроля содержания интернет-рекламы от недобросовестных поставщиков медицинских и фармакологических услуг, а также консультационной службой профессиональных врачей, т.е. образцами поведения всех акторов. Это позволит еще на начальной стадии разрешить конфликт обществе, возникшей по причине некорректно действующих рыночных механизмов и возможных коррупционных проявлений в области оказания медицинских и фармакологических услуг. Дополнить данный конструкт необходимо механизмом рекурсии, некоторыми стимулирующими мерами участников, обладающих профессиональными знаниями в области медицины и фармакологии, например, организовав дистанционные консультации через государственное учреждение или коммерческую медицинскую организацию, имеющую лицензию на реализацию соответствующих услуг. Открытость инструментов создает равные условия для их использования как субъектами управления здравоохранения, так и гражданами, что придает процессу качество «public health», когда ответственность за общественное здоровье распределяется равным образом на всех.

Фрактальный конструкт – «Школа удаленных профессий для инвалидов с применением краудфандинга» [16] включает участие общества для полноценной здоровой жизни инвалидов в обществе. Механизмом рекурсии здесь выступает краудфандинг. Подчеркнем существенный аспект – фрактальные модели должны включать компонент рекурсивного продолжения действия на длительный период. Самоподобные, рекурсивно распространяющиеся фракталы представляют собой образцы «мягкой» силы и могут разрабатываться для организации общественного контроля как механизма социальной регуляции поведения и поддержания общественного порядка, актуализируя ценности здоровья в системе здравоохранения, обосновывая специально организованную управленческую идеологию, определяющую в обществе престижность здорового образа жизни и личного участия каждого – от государственного деятеля до отдельного человека, обеспечивая тем самым безопасное развитие социума.

Список литературы:

1. *Parsons T.* The Social System. N.Y., 1951.
2. *Health in England. The Report of the Committee of Inquiry into the Future Development of the Public Health Function.* Cmnd 289. London: HMSO, 1988.
3. *Григорьева Н.Г., Чубарова Т.В.* Современное здравоохранение: политика, экономика, управление. М.: Авторская академия, 2013.

4. Обобщенные результаты социологических исследований отношения населения к системе здравоохранения. <https://www.rosminzdrav.ru/news/2015/09/01/2516>.
5. Life expectancy Data by country. World Health Organization. <http://www.oecd.org>.
6. Mandelbrot B. The Fractal Geometry of Nature, Freeman, NY, 1983.
7. Варнеке Х.Ю. Революция в предпринимательской культуре. Фрактальное предприятие: Пер. с нем. яз. – М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 1999. – 280 с.
8. Кочеткова А. Фрактальный прорыв. Бизнес-журнал. 2006 №14.
9. Богатых Б.А. Фрактальность и теория функциональных систем // Нелинейный мир», 2008, т.6, № 9.
10. Василенко Л.А., Василенко В.И. Социальные инновации в контексте управления будущим. Махачкала, 2013.
11. Василенко Л. А., Колесникова Л. А., Пискакова-Паркер М. П. Применение концепции фрактальности к исследованиям деструктивных процессов методами клинической социологии // Человеческий капитал. 2012. № 9. С. 62—67.
12. Пискакова-Паркер М. Общественное регулирование системы профилактики и противодействия семейному насилию (социологический анализ). Дисс. канд. соц. наук, М., 2013.
13. Философия медицины. М., 2004. С. 463.
14. Колосова Е.А., Аксенова Е.С. Представления о здоровом образе жизни у детей младших возрастных групп // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции. Сб. мат. Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. участ., Москва, 19–20 сентября 2013. М.: РОС, 2013.
15. Брюно В.В. Образ жизни студенческой молодежи: здоровье и поведенческие риски // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции. Сб.мат.всер.науч.-практ.конф, Москва, 19–20.09.2013. М.: РОС, 2013.
16. Инновационные модели диалога “власть – общество” в интернет-коммуникациях. Комплексное социологическое исследование. Науч. Рук. Л.А. Василенко. Методы исследования: Анализ 322 официальных сайтов органов власти; Анализ 101 блога руководителей; Анализ 122 аккаунта соцсетей; Фокус-группа экспертов; Полуструктурированное интервью 71 госслужащего и 39 экспертов-граждан; 38 кейс-стади. 2014.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВИВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Дубровина М.С.

аспирант кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины) ФГБОУ ВО «Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского» Минздрава России

Чижова В.М.

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной работы ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России

Кром И.Л.

доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины) ФГБОУ ВО «Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского» Минздрава России

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE OF CHILDREN-ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Dubrovina M. S.

postgraduate student of the Department of public health and health (with courses of Law and History of Medicine) Saratov state medical University n.a. V.I. Razumovsky.

Chizhova V. M.

Doctor of philosophical Sciences, Professor Head of the Department of Social Work Federal State Educational Institution of Higher Education «The Volgograd State Medical University of Public Health Ministry of the Russian Federation» (VolgSMU)

Krom I. L.

Doctor of medical Sciences, associate Professor of the Department of public health and health (with courses of Law and History of Medicine) Saratov state medical University n.a. V.I. Razumovsky

Аннотация

«Качество жизни» рассматривается как один из индикаторов оценки состояния благополучия социальных групп населения. В проведенном авторами исследовании качества жизни социальных сирот с использованием опросника ВОЗ КЖ100 выявлено снижение показателя качества жизни во всех сферах опросника.

Abstract

«Quality of life» is regarded as one of the indicators of assessment of welfare of social groups. In the conducted by authors research the quality of life of orphans using the questionnaire who КЖ100 revealed a decline in the quality of life in all fields of the questionnaire.

Ключевые слова: социальное сиротство, качество жизни, социальное благополучие.

Keywords: social orphanhood, quality of life, social well-being.

Качество жизни рассматривается в современном мире как система показателей, характеризующих степень реализации жизненных стратегий людей, удовлетворения их жизненных потребностей [1, с. 244].

В.И. Петров и Н.Н. Седова интерпретируют качество жизни как «адекватность психосоматического состояния индивида его социальному статусу» [2, с. 145].

Понятие «качество жизни, релевантное здоровью», позволяет выделить параметры, определяющие состояние здоровья и качество медицинской помощи из общей концепции качества жизни.

Изучение качества жизни детей и подростков является новым актуальным направлением междисциплинарных исследований. Можно выделить три основных признака, характерных для концепции качества жизни как детей, так и взрослых: многомерность, изменяемость во времени, участие в оценке его состояния [3, с. 85].

В настоящее время известны немногочисленные исследования качества жизни детей-сирот [4, с. 46, 219, 144]. Актуальность исследований качества жизни детей-сирот заключается в том, что они относятся к самым социально-незащищенным группам населения. Дети, поступающие в сиротские учреждения, как правило нежеланные, с отягощенным социально-соматическим анамнезом, большинство имеет неблагоприятный фон для формирования здоровья: алкоголизм родителей, психоневрологические заболевания, ранний возраст матери, осложнения внутриутробного развития, заболевания периода новорожденности [5, с. 144]. Кроме того, факт нахождения ребенка в сиротском учреждении вне семьи и взросление в условиях интернатного учреждения рассматривается как одна из причин формирования у него ряда негативных характеристик [6, с. 17].

В Центре медико-социологических исследований с 2013 года проводится исследование качества жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В исследование включены на основе случайной выборки 354 респондента в возрасте от 14 до 18 лет (160 мужского пола и 194 – женского). В выборку входили подростки 4-х групп:

здоровые подростки, проживающие в семьях (82 респондента),

здоровые подростки-социальные сироты (91 респондент),

подростки, проживающие в семьях, больные сахарным диабетом (97 респондентов),

подростки-социальные сироты, больные сахарным диабетом (84 респондента).

Исследование качества жизни проводилось с использованием международного опросника WHOQOL-100 (ВОЗ КЖ-100). Опросник ВОЗ КЖ-100 является субъективной мерой благополучия респондентов и их удовлетворенности условиями

своей жизни. Опросник имеет модульную структуру. С помощью опросника осуществляется оценка шести крупных сфер качества жизни: физические функции, психологические функции, уровень независимости, социальные отношения, окружающая среда и духовная сфера. Внутри каждой из сфер выделяется несколько составляющих ее субсфер [7, с. 484].

Статистическая достоверность различия средних показателей качества жизни групп респондентов определялась по непараметрическому критерию Манна-Уитни. Различие считалось статистически значимым при $p < 0,05$. При подготовке данных к математической обработке выявлялись и устранялись ошибочные значения, выходящие за пределы системы баллов. Пропущенные значения обрабатывались согласно методике, предложенной в опроснике ВОЗ КЖ-100.

Проведенный анализ средних показателей качества жизни в группе клинически здоровых респондентов позволил выявить показатели, средние значения которых значимо ($p < 0,01$ – $p < 0,05$) различаются в группе детей-сирот и детей, проживающих в семьях.

Статистически значимое различие средних значений показателей в большинстве субсфер опросника (кроме F15 «Сексуальная активность», F16 «Свобода, физическая безопасность и защищенность») при анализе качества жизни клинически здоровых респондентов (детей-сирот и детей, проживающих в семьях) связано с влиянием социального сиротства и социально детерминировано.

В статистически значимое различие средних значений показателей качества жизни у больных и здоровых респондентов могут дать вклад как соматически детерминированные, так и социально детерминированные составляющие. Если при сравнении средних значений показателя качества жизни у больных детей-сирот и детей, проживающих в семьях отсутствуют значимые различия, то различия общих показателей качества жизни социально детерминированы.

При проведении исследования было установлено, что средние показатели качества жизни детей-сирот в ситуации болезни в большинстве субсфер опросника достоверно ниже, чем в контрольной группе.

Статистически значимое различие средних значений показателей качества жизни при анализе качества жизни респондентов (детей-сирот и детей, проживающих в семьях) в ситуации болезни связано с влиянием болезни и социального сиротства, соматически и социально детерминировано.

Список литературы:

1. Абакумова Н.Н. Политика доходов и заработной платы: Учеб. пособие // Н.Н. Абакумова, Р.Я. Подвалова. – Новосибирск: НГАЭиУ. – 1999. – С. 244.

2. Петров В.И., Седова Н. Е. Практическая биоэтика. – М. – 2002. – С. 145.
3. Асанова А.А Качество жизни, связанное со здоровьем больных депрессивными расстройствами // Вестник психиатрии и психофармакотерапии. – 2008. – № 2 (14). – С. 85.
4. Альбицкий В. Ю. Результаты комплексной клинико-социальной характеристики детей-сирот, оформляющихся в интернатные учреждения / В.Ю. Альбицкий, Т.А. Гасиловская, А.И. Ибрагимов // Российский педиатрический журнал. — 2004. — № 5. — С. 46.; Долгушин В.В. Гигиенические и медико-социальные аспекты формирования здоровья воспитанников учреждений для детей сирот: дисс. к.м.н. – Омск. – 2008. – С. 100.; Морозова Ирина Викторовна. Формирование социального опыта у воспитанников детского дома канд. пед. наук – Майкоп – 2015. – С. 219.; Ножнинова О.В. Состояние здоровья и организация медико-социальной помощи детям сиротам и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации. дисс. к.м.н. – М. – 2009. – С. 144.
5. Ножнинова О.В.. Состояние здоровья и организация медико-социальной помощи детям сиротам и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации: дисс...канд.мед.наук. – М. – 2009. – С.144.
6. Н.В. Присяжная. Влияние внесемейной социализации на социальное поведение и специфику постинтернатной адаптации сирот // Социология медицины. – №1/2012. – С. 17.
7. Диагностика здоровья: психологический практикум / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб «Речь». – 2007. – С. 484.

VOL.2
№3/2017
Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

James Smith (University of Birmingham, UK)

Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)

Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)

Sander Svein (University of Tromsø, Norway)

Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)

Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)

Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)

Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)

Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)

Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)

Sander Langfjord (University Hospital, Norway)

Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)

Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)

Sofie Olsen (BioFokus, Norway)

Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)

Lutz Jancke (University of Zurich, Switzerland)

Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)

Chan Jiang (Peking University, China)

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>